

Колонка редактора

Дорогие друзья!

Традиционные слова для этого времени года ни у кого не вызывают чувства новизны, но каждый раз произносим их как мантру, как молитву, в надежде, что они всё-таки проявят свою силу и сделают Новый, наступающий год лучше и благополучнее года уходящего.

А потому, не уходя от традиций, хочу пожелать всем-всем мира и мудрости, радости жизни и благополучия вашим семьям, близким и друзьям, сбережённого здоровья, успеха в труде, радости в творчестве и счастья от полноты вашей жизни.

Ну а «Глаголь» постарается и в наступающем году служить Слову, Культуре и силам, несущим свет, мудрость и знания в этот мир.

(Первый номер 2025 года выйдет в феврале)

Браво, Матвей!

Мягкость его тембра удивила ещё десять лет назад, когда начинающий вокалист впервые вышел на сцену в качестве артиста Театра. И так как каждый мужской голос в коллективе Театра был (да и остаётся) на вес золота, не удивительно, что за творческим ростом начинающего певца преданные зрители мегийского Театра следили пристально, в ожидании какого-то грандиозного события.

И вот это случилось! 15 декабря на родной сцене состоялся первый сольный концерт Матвея Игитова. Событие, подтвердившее рождение новой звезды не только на мегийской сцене. Ярво

выраженный лирический тенор явление, прямо скажем, совсем не тривиальное. Стоит только назвать такие величины, как – Леонид Собинов, Сергей Лемешев, Лучано Паваротти. Даже далёкие от классического, оперного искусства слышали эти имена. Что уж говорить о поклонниках...

Нет, все эти десять лет Матвей не был скрыт от слушателя, его номера в концертных программах всегда добавляли свою особенную краску, улаждающую душу. Да и в последней ярчайшей музыкальной постановке Театра «Месь Летучей Мыши» голос Матвея, да и сценический образ оказались в самой точке. Но все предыдущие появления перед зрителем были именно в составе коллектива, его равнозначной величиной. А вот сольный концерт показал совсем другие эмоции и другой уровень.

Это уровень певца, посмотревшего на собственное творчество с новой для него самой точки зрения. Причём процесс происходил на глазах

(окончание на стр. 9)

СОДЕРЖАНИЕ

Летописи Клио
Народное судостроение России в истории освоения севера и Сибири – Стр. 4

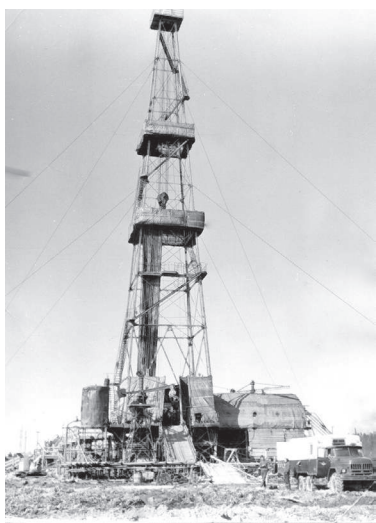
Андрей Бородовский
Займствовање русским населением технологии изготовления лодок-долблёнок на севере верхнего Приобья и барабинской лесостепи (XX-XXI вв.) – Стр. 5

него Приобья и барабинской лесостепи (XX-XXI вв.) – Стр. 5

К 80-летию Победы
Сергей Козлов:
«Бог помог нам руками добрых и равнодушных людей...» – Стр. 10

Ирина Бочарова – Стр. 13

К 45-летию города Мегиона
Геннадий Барнев
Где начинаются дороги – Стр. 14

По страницам «Ленинского знамени»
Павел Миронов – Стр. 17

Поэзия

Елена Аушева
Наследница – Стр. 18

Крупным планом
Владимир Лёвкин: «Горжусь тем, что я алибасовский выродок!» – Стр. 20

Событие

Азат Зубайдуллин
О культурном герое – Стр. 23

Поэзия

Эмма Новак
В поисках своего имени... – Стр. 24

Туристские истории

Мария Янс
Музей, поразивший воображение – Стр. 26

Анна Горлова

Опыт социального партнёрства в деле сохранения национальных семейных традиций – Стр. 28

Культурные коды

Лина Кашина

Хантыйский Дед Мороз – Стр. 30

Мастерская

Расима Ибраева

Традиции изготовления берестяной утвари у восточных хантов – Стр. 34

Крупным планом

Расима Ибраева

Хранитель народных традиций – Стр. 39

Проза

Игорь Кириллов
Журналистский билет – Стр. 42

В свете рампы

Анжелика Бивол

«Мой город – мой Сургут» – Стр. 48

Взгляд со стороны

Яков Яковлев

Сказка – ложь, да в ней намёк – Стр. 50

Проза

Анжела Бецко
Сказка, рассказанная под Рождество – Стр. 53

Творчество юных

Устами детей говорит мир – Стр. 54

Якименко Вероника

Героём какой книги я могла бы стать? – Стр. 55

Дудкина Милана

Усагая звёздочка – Стр. 56

150-летие Н. К. Рериха

Святослав Николаевич Рерих

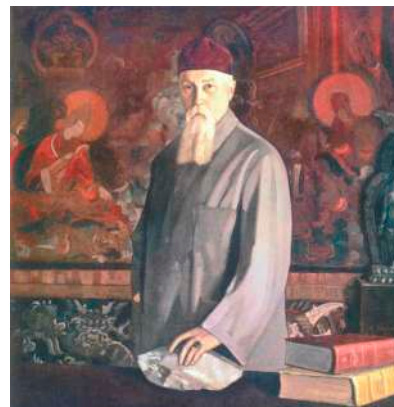
Некоторые факты творческой жизни Николая Рериха – Стр. 57

Леонид Андреев

Держава Рериха – Стр. 61

Н. К. Рерих

Завет – Стр. 63

Поэзия

Хачик Манукян – Стр. 64

К 45-летию города Мегиона

Л. Д. Кашина

Так сколько же лет Мегиону? – Стр. 66

Крупным планом

Татьяна Юргенсон

Человек, которому хочется объять всё... – Стр. 74

Фоторазворот

Марина Боровинская – Стр. 78-79

Вести из художки

Марина Сбитнева

Моя Югра – моя судьба – Стр. 80

НАРОДНОЕ СУДОСТРОЕНИЕ РОССИИ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА И СИБИРИ

С 31 октября по 2 ноября 2024 года в городе Нижневартовске проходила научно-практическая конференция «Народное судостроение России в истории освоения Севера и Сибири».

Конференция приурочена к 25-летию первой исследовательской экспедиции по изучению плоскодонного деревянного судна первой трети XIX века, известного под названием «Кирьясская барка» — это уникальная археологическая находка, обнаруженная в протоке Кирьяс в левобережье реки Оби близ города Нижневартовска в 1997 году.

Учредитель конференции: Департамент по социальной политике администрации города Нижневартовска. Организатор конференции: муниципальное бюджетное учреждение «Нижневартовский краеведческий музей им. Г. Д. Шуваева».

Партнёрами конференции стали Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва г. Москва, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН г. Санкт-Петербург, ООО «НПО «Северная археология-1» г. Нефтеюганск, МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» г. Мегион.

В конференции приняли участие научные работники, сотрудники музеев, архивов, библиотек, представители государственных и общественных организаций, историки и краеведы. Специалисты обсудили историю речного освоения русскими Сибири и северных территорий, традиции народного судостроения в России, современные практики в области сохранения и возрождения русского деревянного судостроения, музейфикацию и популяризацию наследия традиционного северного судостроения.

Гостями конференции стали специалисты по народному судостроению из городов России: Санкт-Петербург и Москва, Мурманск, Свияжск, Омск, Новосибирск, Иркутск, Тольятти, Ханты-Мансийск, Горно-Алтайск, г. Стрежевого и с. Александровского Томской области и т. д.

Конференция отметила историческую, научную и культурную значимость Кирьясской барки, из фонда Нижневартовского краеведческого музея, которая представляет собой уникальный артефакт, аналогов которому крайне мало в России и в мире.

По итогам конференции была принята резолюция.

(Следующее выступление публикуется с некоторыми сокращениями)

На территории нескольких районов Новосибирской области (Колыванского, Ордынского, Убинского) существует промысел изготовления лодок-долблёнок. Такая практика изготовления традиционных малых водных транспортных средств изначально была присуща местному тюркскому населению (чатским и барабинским татарам), которые в свою очередь заимствовали его у носителей угорской традиции (остяков). В начале нового тысячелетия (XXI в.) продолжение археологических исследований позволило не только детально зафиксировать алгоритм производства таких традиционных плавсредств, но и расширить их распространение на севере

Бородовский Андрей Павлович,
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
СО РАН, г. Новосибирск

селения (чаты, эуштинские татары) в с. Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области. Обследование этого населённого пункта омским этнографом Н. А. Томиловым в 70-е годы прошлого столетия позволило описать и фото документировать основные этапы изготовления таких лодок-долблёнок (Томилов, 1981). Продолжение автором этнографических исследований в этом направлении спустя 30 лет в ука-

ЗАИМСТВОВАНИЕ РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛОДОК- ДОЛБЛЁНОК НА СЕВЕРЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (XX-XXI ВВ.)

Верхнего Приобья, включая районы расселения уже русского населения (с. Чаус Колыванского района, с. Усть-Алеус Ордынского района). Наличие лодок-долблёнок за пределами места их изготовления (с. Юрт-Акбалык Колыванского района) могло свидетельствовать, как об импорте таких лодок, так и заимствование русским населением технологии их изготовления.

Традиционные плавсредства являются не только важным культурно-хозяйственным индикатором (Историко-этнографический атлас, 1961, с. 107-129), но и одним из признаков культурной коммуникации на пограничных территориях. Для севера Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи таким объектом являются лодки-долблёнки, изготавливаемые из ивовой древесины одной из групп тюркоязычного на-

занном населённом пункте, позволило не только выявить прямых потомков мастеров-лодочников, описанных ранее, но и существенно уточнить техническую документацию производства этих традиционных плавсредств (Бородовский, 2015, с. 402-406). Последующие исследования, вплоть до 2015 г. дали возможность не только отследить механизмы преемственности в передаче другим поколениям производственных навыков, но и существенно расширить географию распространения лодок-долблёнок на севере Верхнего Приобья. В этот период времени в с. Юрт-Акбалык работало четыре мастера. Среди них: Мавлютов Рафик Шафирович 1938 г. р., Галимзат Юрий (прозвище "Казачек") 1954 г. р., Газизов Галимзан Шакирович 1937 г. р., Мавлютов Гумар 1965 г. р., Ибрагимов Александр Викторо-

вич 1985 г. р. Обучение мастерству изготовления лодок-долблёнок начиналось с 14 лет. Эти производственные навыки, как правило передавались по родственным и семейным связям (сын, приёмный сын, племянник, внук). С 15-16 лет, освоившие технологию изготовления лодок-долблёнок, производили их уже самостоятельно.

Не менее показательные механизмы межкультурного и межнационального транзита технологии производства лодок-долблёнок. По наиболее ранним этнографическим данным чаты, (Messerschmidt, 1962) появившиеся на севере Верхнего Приобья не ранее рубежа XVI-XVII вв. заимствовали технологию изготовления лодок-долблёнок у местного угорского населения (остяков). Однако, при этом заимствовании в местных условия (сырьевая база и ландшафтно-гидрографические пространственные особенности) они внесли определённые инновации. Среди них стало использование больших по объёму ивовых деревьев («ветла») и как следствие изготовление более широких лодок-долблёнок.

На создание одной лодки уходит около недели, этот срок включает выбор дерева, его транспортировку и сам процесс изготовления. В широкой Обской пойме на берегах р. Уень в тёплое время выбирается ветла, ствол которой составляет объём руки взрослого человека, высота её должна быть не менее 4,5 м. Дерево необходимо выбирать плотное, однородное, без сучков и внутренних трещин. Как правило, все такие деревья росли далеко от деревни, что требовало доставки древесины.

По берегам р. Уень пригодных ветел для изготовления лодок нельзя было найти, так как здесь эти деревья отличались большим количеством веток, стволом с трещинами и небольшими размерами. Только у Оби росли высокие ветлы, из которых можно было изготовить до двух лодок. Учитывая, что средняя длина готовой лодки со-

ставляла 4,2 м. исходная высота дерева должна была составлять более 10 м. При выборе дерева учитывалось еще несколько качеств – кора у него должна быть "прямой", т.е. узор рельефа должен быть равномерным – вертикальным. Дерево с "вертанутой" корой – наклонным рельефом и рисунком, не использовалось, поскольку при его долблении лодка могла лопнуть. Кроме того, кора должна быть совершенно здоровой, без трещин.

Изготовление лодок начиналось в конце марта-апреле. В том случае, если заготовка была привезена в деревню, работы велись во дворе усадьбы. Одной из самых ответственных операций была разметка. Для этого на бревне-заготовке шнуром отмечалась осевая промерная. От концов заготовки откладывалось во внутрь бревна заготовки по 60 см. Затем, от этой точки на двух края откладывалось в разные стороны по 5 - 6 см. В центре заготовки отмерялся аналогичный размер и весь контур соединялся шнуром в виде "восьмёркообразного" очертания с приострѐнными краями. После разметки носовые края лодки подрубались топором и начиналась разметка шпонками-чопами, необходимыми для контроля равномерной толщины стенок лодки при её выдалбливании. Шпонки-чопки изготавливались из пробкового корьевого слоя "тирек" (тополя), найти который сегодня достаточно сложно. В настоящее время известно только одно дерево, произрастающее в окрестностях деревни.

Процесс изготовления шпонок состоял в заготовке толстого слоя коры, который затем распиливался на тонкие брусочки, из которых и выстрагивались округлые шпонки. Размеры их – 18 x 9 мм. После заготовки шпонок-пробок – несколько десятков для одной лодки, их крепили в корпусе. Около носовой части расстояние между рядами составляло 15 см., а ближе

к корпусу 30 см. Установка пробок велась в отверстия, просверленные желобчатым сверлом. Именно этот тип инструмента позволял прорезать древесину, а не рвать её, как происходило при обычном типе сверла. Длина чопиков 2,5-4 см, диаметр 0,6-0,8 см, у хантов этот стандарт чопиков соотносится с длиной одной фаланги пальца взрослого человека. Среднее количество чопиков в одном ряду составляет 10 штук, расстояние между рядами чопиков от 15 до 25 см., общее количество чопиков до 126 штук.

На дне лодки, на расстоянии выбираются крепления для шпангоутов. Они представляют собой два выступа с пазом. Размеры и изгиб шпангоутов зависят от местоположения детали в лодке. В центральной части размеры больше, а изгиб меньше; ближе к носу лодки их размеры уменьшаются, а изгиб увеличивается. Разведение бортов лодки после окончания выдалбливания производится горячей водой. Глубина лодки в готовом состоянии составляет 30 - 40 см., ширина в центральной части до 93 см. В носовой части устанавливается металлический штифт для транспортировочной и крепёжной цепи. Значительная ширина лодок-долблёнок в с. Юрт-Акбалык в сравнении с хантыйскими "осиновками" и "кедровками" свидетельствует, что этот вид плавсредства ориентирован на озёрно-проточный тип водных артерий. Действительно, в условиях открытой обской поймы нет необходимости изготавливать узкие лодки, с которыми удобно передвигаться с реки на реку в плотных лесных районах.

Историко-археологический анализ существования промысла лодок-долблёнок на севере Верхнего Приобья (в границах современной Новосибирской области) позволил выявить несколько любопытных фактов. Судя по русским письменным и картографическим источникам конца XVII– начала XVIII столетий в этой мест-

ности существовали земли с особыми историческими названиями – Телеутская межа и Таволган. В XVII столетии Телеутская межа на правом берегу р. Оби проходила по р. Иня, а территория до р. Бердь называлась Таволганом (Уманский, 1994). В настоящее время исторический топоним Таволган сохранился только в Искитимском районе Новосибирской Области в названии урочища Малый Таволган. Оно расположено в междуречье рек Малый и Большой Елбаш – правых притоков р. Берди.

В самом начале XVIII столетия Таволган являлся территорией для сезонных отхожих промыслов русского и аборигенного населения Новосибирского Приобья. В отписке томского воеводы Григория Петрово-Соколова от декабря 1708 г. говорится, что, «томчане русские люди, чатские татаровья и белые выездные калмыки в летнее и осеннее время в урочищах Таволганских лесов и по рекам Ине и Берди для звериного, хмелевого и лодочного промысла...» (Уманский, 1994).

По археологическим данным, южнее этой территории в правобережном Сузунском ленточном боре в ходе раскопок курганной группы Кротово-15 (Сузунский район НСО) Е. А. Сидоров обнаружил два захоронения в лодках-долблёнках, относящиеся к XIII-XIV вв. Таким образом, существование технологии изготовления лодок-долблёнок на территории севера Верхнего Приобья уже существовало на протяжении целого ряда столетий II тыс. н.э.

На этой территории лодочный промысел осуществлялся различными по происхождению этническими группами (тюркскими, восточнославянскими), совместно проживающими в этом регионе. Такая тенденция, зафиксированная русскими письменными источниками начала XVIII столетия, находит свое подтверждение в этнографических материалах, собранных автором

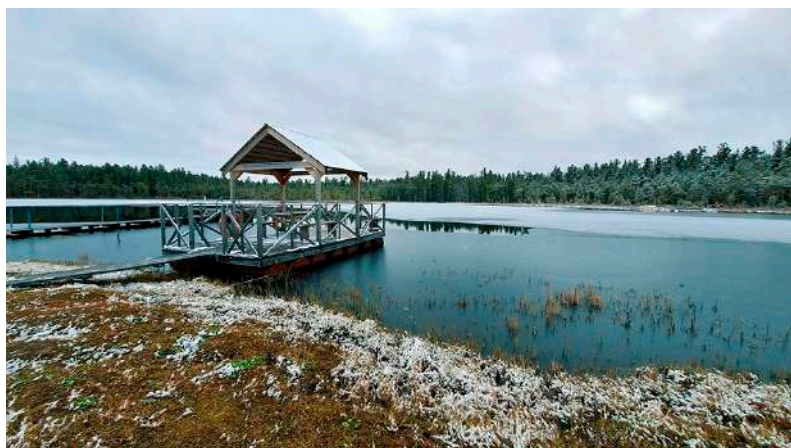

уже в XXI веке. Так присутствие лодок-долблёнок было зафиксировано в с. Усть-Алеус (Ордынского района НСО). Расстояние до этого населенного пункта от с. Юрт-Акбалык (Колыванского района НСО) составляет около 500 км, а населения является уже преимущественно русским без тюркоязычных «вкраплений». Даже если предположить, что это свидетельство о наличии лодок-долблёнок здесь является всего лишь фактом наиболее удалённого импорта, без заимствования технологии их изготовления, можно привести ряд контраргументов. Это прежде всего находка автором в 2004 г. на побережье р. Чаус (левый приток р. Оби) в одноимённом селе самой длинной из всех известных лодок-долблёнок на территории севера Верхнего Приобья. Размеры этого традиционного плавсредства составляли более 8 м., что составляло длину двух обычных лодок-долблёнок. При этом материал и технология изготовления была идентична аналогичным образцам из с. Юрт-Акбалык. Однако, в дальнейшем лодка-долблёнка из с. Чаус подверглась местной модернизации путём набойки на неё нескольких досок для поднятия бортов и спиливания одного из её пристроенных концов для транца, необходимого для крепления подвесного мотора. Таким образом на лицо было не только совмещение различных традиционных технологий – долблёной и дощатой, а также кардинального изменения способа движения – от весельного к механическому перемещению по воде. При этом следует заметить, что для территорий с компактным проживанием местного тюркского населения таких фактов гибридизации технологии «рестайлинга» лодок-долблёнок не выявлено.

Подводя итоги следует отметить, что лодки как средство перемещения по воде являются не

только одним из маркеров этнического своеобразие, но и одним из предметов материальной культуры активно включённым в процесс этнокультурных контактов. Территория северного Приобья и Барабинской лесостепи являются одной из зон, где на протяжении конца II тыс. н.э. идут такие процессы. Отражением этого феномена является присутствие лодок-долблёнок как в населённых пунктах (Юрт-Аклабык Колыванского района НСО) с компактным проживанием тюркского населения, так и деревнях (Батурино Кожевниковского района Томской области) со смешанным населением и сёлах (Чаус Колыванского района, Усть-Алеус НСО) с преимущественно русским населением. Учитывая данные русских письменных источников начала XVIII в. исторические основы заимствования технологии изготовления лодок-долблёнок на севере Верхнего Приобья складывались не одно столетие. В этом районе с конца XVII в. активно контактировали различные группы тюркского и восточнославянского населения, что в конечном итоге привело не только к широкому использованию лодок-долблёнок вне первоначальной этнической среды, но и заимствованию технологии изготовления этих традиционных плав средств.

Другой территорией с аналогичным характером культурного взаимодействия и заимствования лодок-долблёнок являются окрестности Убинского озера на севере Барабинской лесостепи. Не менее важно, что на указанных территориях с XVIII столетия существовали первые пункты государственности (Умревинский, Чаусский остроги, Убинский форпост) в рамках которых процессы межкультурного взаимодействия проходили с особой интенсивностью. Тем более, что уже с начала XVIII в. местности всех этих оборонительных пунктов были тесно связаны

формирующимся старым Московским трактом. В рамках такой логистики, местное татарское население активно привлекалось в сферу хозяйственной, и служебной деятельности, центрами которой были остроги и форпосты как основные пункты Российской государственности в западно-сибирском регионе. Поэтому не случайно, что именно на этой территории вплоть до настоящего времени сохранился традиционный промысел лодок-долбленок, как одно из отражений национальной идентичности, а также активности межкультурных контактов населения с различной этнической принадлежностью.

Библиографический список:

1. Бородовский А.П. Лодки-долбленки Таволгана // Тобольск и вся Сибирь. - № 20: Обь. – Тобольск: [Б. и.], 2015. – С. 402 – 406.
2. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX в. – Томск: Том. ун-т., 1981. – 275 с.
3. Историко-этнографический атлас Сибири / Левин М.Г., Потапов Л.П. (ред.). – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 498 с.
4. Уманский А.П. Дело о «заповедном торге» томских служилых людей на телеутской меже в начале XVIII в. // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. – Барнаул: [Б. и.], 1994. – С. 3 – 33.
5. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – В.: Akademie-Verlag, 1962. – Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – 380 s.

(Окончание. Нач. на 1 стр.)

зрителя. Если первое произведение в концерте исполнял ещё ученик, то к концу программы все увидели уже сложившегося профессионала.

Помогло само построение программы от народных песен через классический романс (Рахманиновский!) и неаполитанских песен (безумно любимых во всём мире) до оперных арий. Помогли зрители, с открытой душой и сердцем принимавшие искусство Матвея, выражая своё восхищение бурными аплодисментами и криками «Браво!». Помогли коллеги и друзья по Театру, которые в нужные моменты вставляли в хор, помогая создавать не только объёмность, значимость происходящему, но и поддерживая героя вечера. Та же поддержка ощущалась и со стороны музыкантов ансамбля Театра. И некоторая излишняя взволнованность и переживания в самом начале отступили, рассеялись, оставив чувство полёта и надёжных крыльев самому певцу и зрителю.

Кстати, про зрителя надо сказать особо. Я ещё никогда не видела в зале столько мужчин. Большинство из них пришли в регионский Театр в первый раз. Все они – друзья Матвея и его коллеги по второй, совершенно отличной от мира искусств жизни – нефтяники. Все эти годы упорных занятий и репетиций на музыкальном поприще молодой артист продолжает трудиться инженером в нефтяной отрасли. Редкое и даже фантастическое сочетание.

И отдельно снова хочется поздравить Ирину Павловну Стоцкую, художественного руководителя Театра и педагога М. Игитова не просто талантливым учеником и её новой личной победой на поприще служения Музыке, а ещё и с её даром растить удивительных мастеров голоса.

Татьяна Юргенсон, фото автора

«Бог помог нам руками добрых и неравнодушных людей...»

Двухтомник «Меридиан Победы» – лауреат XIX-го Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу».

О книге, работа над которой заняла не один месяц, беседуем с автором-составителем, писателем, председателем Тюменского отделения Союза писателей России Сергеем Козловым

– Сергей Сергеевич, сколько же заняла у авторского коллектива работа над «Меридианом Победы», посвящённым грядущему 80-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне?

– Начнём с того, что Тюменская область была образована в 1944 году, то есть – на исходе Великой Отечественной войны. В этот момент наша армия наносила знаменитые «десять сталинских ударов», а именно в августе 1944-го снесла линию Маннергейма, выведя из войны фашистскую Финляндию. Потому этот двухтомник задумывался как литературная история края, география и этнография края в литературе сразу к двум юбилеям. Хотя Сибирская губерния была когда-то самой большой в России. Со столицей в Тобольске. Сегодня – Тобольск духовная столица Тюменского края, а Тюмень остаётся первым русским и православным городом Сибири. Рядом с Троицким монастырём на крутом берегу Туры, который является символом города, нахо-

дится и место высадки отряда Ермака, отмеченное поклонным крестом.

И первое, что решила редакторская группа – нашу неклассическую хрестоматию должны открывать поэты фронтовики. Те, кто погиб, защищая Родину. Это тоболяки. Потом шли фронтовики, которым посчастливилось вернуться. По праву поставили в наши книги Юлию Друнину, которая связана с Заводоуковском – городом в 80 км от областного центра.

На уровне писательской организации была задумка очень строго отбора текстов. Даже первое название было – «80 к 80», но филологи Тюменского государственного университета предложили дать слово почти всем, кто связан с литературой. Даже андеграунду, чтобы именно передать вкус и цвет эпохи. В результате – в двухтомник вошли 146 авторов (к сожалению, не все, кто должен быть, по разным причинам). Огромная работа над текстами шла в течение года и прерывалась постоянными сообщениями о невозможности финансировать издание. Но за нас боролось Общество русской культуры Тюменской области во главе с Тамарой Николаевной Труниловой, а потом на помощь пришли депутаты всех фракций Тюменской областной Думы. Общее дело всех сплотило. Так появилось название – «Меридиан Победы». Меридиан – сквозь время и пространство. От Северного Ледовитого океана на Ямале, через Югру до степей Казахстана. И, разумеется, очень много было сломано копий в редакционной группе при отборе текстов. У филологов свои критерии, у писателей свои. Несколько раз хотелось бросить всё... но Бог не попустил... И сегодня я вижу массу недостатков, даже ошибок, но в таком объёме текста и небольшом времени, да ещё и работа с самими авторами, у которых свои капризы, но понимаю, что достоинства и, собственно, историчность труда перевешивают. Надеюсь, что кто-то потом сделает лучше...

Добавлю лишь, что работа осложнялась сме-

ной руководства в Тюменском отделении Союза писателей России. Нервное время было...

– *Чем до сих пор является Победа лично для вас?*

– У меня в году три праздника – Рождество, Светлое Христово Воскресение и День Победы, который я считаю продолжением Пасхи. Мой дядя брал Берлин, второй дошёл до Эльбы. Мою маму поставили к стенке бандеровцы, но она чудом осталась жить... Чем для меня является День Победы? Пиком нашей истории XX века. И мы можем либо на него подниматься, либо скатываться с его недостижимой высоты – высоты народного духа в лучшем его проявлении.

– *Видели ли вы свою задачу в том, чтобы придать литературе Тюменского края то выражение, при котором подчеркиваются её и только её стилистические, сюжетные и духовные особенности? В чём их видите лично вы, или, иными словами, чем объединены писатели Тюмени от предвоенной поры до наших дней?*

– Тут бы предоставить слово профессору Сергею Комарову и его группе филологов... Честно говоря, моя функция была в отборе качественных текстов тюменских писателей. Скажем, там

есть неоспоримые сказы фронтовика Ивана Ермакова, или, скажем тексты Константина Лагунова или Зота Тоболкина, которого экранизировали ещё в советское время... И есть тексты рокеров и даже панков! Двухтомник поделён на четыре периода, и один из них – перестроечный – без них никуда! Без них будет не честно. Тем более, что многие из представителей андеграунда сегодня воцерковлённые люди и патриоты. Таким был рано ушедший писатель и издатель Мирослав Бакулин...

Если я скажу, что всех авторов объединяет любовь к родному краю, это будет банально и не

совсем верно. Я не могу такого сказать даже про топонимику текстов, потому что область огромная! И на юге не всегда знают, как живёт север! Это мне посчастливилось пожить и на юге, и в тайге, и тундру повидать... Но исторически – всех связывает Сибирь. От Ермака до сибирских полков под Москвой в 1941-м году. От победителей 1945-го до кормильцев страны нефтяников и газовиков в печальные 90-е... И тех, кто всё это время пахал сибирскую землю, которая, кстати, по верному решению Столыпина, не смотря на резко континентальный климат, могла прокормить не только себя, но и промышленных соседей на Урале.

Вообще – сибиряком можно родиться, как я, или заслужить это тяжёлым трудом, приехав сюда. Вот это точно определяет и стилистику, и духовные особенности и подсказывает сюжеты. Мы тут шутим: это Москва за Уралом, а не мы. В конце концов, от нас не только Менделеев, Ершов и Алябьев... Через нас Достоевский и Чехов, декабристы и семья последнего императора... От нас легендарный разведчик Кузнецов и начальник разведки Фитин. От нас строитель главного здания МГУ, стадиона в Лужниках, Останкинской башни и монумента Родина-Мать в Сталинграде Николай Никитин. Он родился в Тобольске... И через всё это – какое-то особое слово – Сибирь. Мне как-то президент Сербии на книжной выставке в Белграде сказал: «Сибирь и Сербия созвучны». Это стало заголовком в газете, а он тихо добавил, мы тут в центре вражеской Европы, а вы там в центре Евразии...

– *Задумывалась ли вами книга, в том числе, в качестве определённого образца, оглядываясь на который, вклад своего писательского сообщества в Победу выделяют и другие регионы нашей страны?*

– Нет, мы просто делали то, что считали должным. В Год Литературы нам удалось при поддержке правительства выпустить классическую хрестоматию Тюменской литературы. Там авторов кратно меньше. Но и там звучала Победа. Да и сегодня просто само время обязывает... Сейчас в зоне СВО немало моих учеников. И, мне кажется, страна ещё так до конца и не поняла, что происходит. И тут писательских голосов не хватит, потому как за последние тридцать лет ни одну профессию так не унизили, как писателей, потому как и профессии такой нет. При Сталине

писатели либо сидели, либо почивали на лаврах, но в обоих случаях оставались писателями.

– Как проводился отбор в антологию, и как бы вы сформулировали его «генеральный принцип»?

– Как я заметил, сначала во главе угла стояло всё же писательство, с приходом университетской группы появилась идея максимального охвата всей пишущей братии. Чёткими оставались исторические рамки – 1944-2024. В предисловии профессор Комаров структурировал композицию этого труда.

– Каких писателей и поэтов Тюменского края вы бы советовали читать, выходя уже за рамки антологии, то есть, полностью, «от корки до корки»?

– Мне приходится по роду службы и деятельности читать всех... Хоть немного. Вопрос, конечно, провокационный, потому как братия наша при неупоминании её в каком-то списке имеет свойство нешуточно обижаться. За редким исключением самодостаточных людей. Я выкручусь так: скажу о тех, кого сам читаю с интересом и удовольствием – это поэты Андрей Маркиянов, Михаил Федосеев, Владимир Волковец, Дмитрий Мизгулин, Антонина Маркова и Екатерина Выдрина, Владимир Квашнин... из ушедших – Владимир Белов, Виктор Захарченко, Пётр Суханов, Виталий Огородников, из тех, кто вот-вот к нам пришёл – Перунов Сергей и есть ещё целая группа «молодых» авторов. Из прозаиков – Иван Ермаков, Константин Лагунов, Николай Коняев, Зот Тоболкин, Владислав Крапивин, Юрий Вэлла, Мирослав Бакулин... Вот перечисляю по памяти, она не сойдёт, но ловлю себя на мысли, что забываю блистательных очеркистов и публицистов, без которых этот список будет не полным. Именно это и предложил мой соратник Сергей Комаров – дать слово максимально всем! Но и то... лично я упустил – три имени. И пяток имён – университет. При этом мы говорим только о периоде в восемь десятков лет...

– Верно ли, что первый том – это писатели-фронтовики и писатели-труженики тыла, а второй – уже во многом литература нового века, или такое деление не совсем точно?

– На 90 % верно. Просто если тексты более мо-

лодых касались периода времени первого тома, то попадали и туда...

– В чём, на ваш взгляд, заключается феномен Великой Отечественной войны, состоящий в том, что каждый причащающийся ему спустя уже восемь с лишним десятилетий, будто бы присягает на верность чему-то даже большему, чем сама многострадальная русская история?

– Когда-то мой сын, он был ещё подростком, увидел, как у меня текут слёзы во время очередного просмотра фильма «Судьба человека». Он спросил: Батя, ты же в армии служил, всякого повидал, ты чего?.. Я ему ответил просто: сын,

когда я увижу, что ты плачешь над эпизодами этого фильма, я пойму, что воспитал тебя правильно...

Там этот эпизод:

– Папка! Роденький! Я знал, что ты меня найдёшь!

Ну вот... и снова слёзы наворачиваются... Не думаю, что к этому можно что-то добавить. Это на генетическом уровне.

– Насколько, как вам кажется, основополагающим для такой антологии является не столько даже внутренняя идея, сколько фактор уже надмирный, религиозный? Не кажется ли теперь вам, что «Меридиану Победы» было предсказано явиться на свет, потому что все поколения Тюменского края нуждались в отдавании долга самым, возможно, тяжёлым, но и спасительным для всех нас временам?

– А вот эту метафизику я ощутил на себе... Вначале я пошёл с проектом в областную Думу. Нас изначально поддержала председатель Комитета по социальной политике Ольга Швецова. Сейчас много помогает фронту... Но в тот момент... В области паводок, потоп, вся страна об этом пишет и говорит... А я тут с книгами... И все отказывают, даже друзья. Я уже махнул рукой, может, и правда, не время... Навстречу идёт Председатель Думы Фуат Ганиевич Сайфитдинов. Увидев мою печаль, спросил, в чём дело. Я объяснил. И он просто сказал: запиши меня первым. И дело двинулось... Но в какой-то момент

мы не собрали нужную сумму, у меня опустились руки. Мы и так издавали книги по нынешним ценам задаром... И тут звонит друг и мой читатель, и говорит: в чём проблема, этот проект нужен... И закрыл недостающую сумму. А потом были проблемы с печатью, с выгрузкой... Две тонны на мой сломанный позвоночник... А люди и начальники приходили на помощь. Тогдашний главный редактор нашей газеты, директор нашего АНО Сергей Шестаков – он всегда помогал. И в этот раз помог. В общем – как мы говорим – Бог руками добрых и неравнодушных людей.

– Как вы отнеслись к награде Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу»? Стала ли она неожиданностью, и, самое сокровенное, пожалуй, – что сказала сердце?

– Награду тоже Бог послал! Потому что она стала поддержкой. Не только нам. Но и в других регионах увидят: книгоизданию надо помогать, государство просто обязано хотя бы наполовину вернуться в эту отрасль. Это не первая награда на уважаемом конкурсе «Просвещение через книгу»... И снова метафизика. Первую наш издатель получил тоже за книгу о Победе, изданную к 75-летию Великой Победы. Она так и называется «Отцы и дети Великой Победы». И по формату – один в один – как наш двухтомник. А делал обе книги Тимофей Сайфуллин, который работал ещё с покойным Мирославом Бакулиным в издательстве «Русская Неделя», не раз получавшем награды на конкурсе. И я, грешный, помогал им издавать книги сибирских святителей... Потому я благодарен жюри. Я тоже знаю какой это труд, какие ломаются копья и ведутся дискуссии... Иногда я шучу, что настоящему автору справка о том, что его книга хорошая, не нужна. Но здесь речь идёт даже не о коллективном авторстве, а о коллективном труде в целом. О труде Тюменской области, которая отдала себя России до конца. До сибирских полков... Кровью недр своих напоила и спасла в девяностые... Вот бы ещё духовно нам всем выстоять. Всем. И Москве, и Питеру, и Сибири...

Беседовал Сергей Арутюнов
Фото Вячеслав Виш

**Ирина Бочарова,
г. Мегион**

МАРШРУТНОЕ

Влечёт куда-то путь-дорога,
Зовёт примятою тропой.
Исхожено не так уж много,
Что пройдено – всегда с собой.

И манят, манят дали, веси,
Деревни, сёла, города...
И русский им поклон отвесив,
Шепчу: «Приду ещё сюда...».

Их много, очень много странствий,
Но сколько б ни было путей,
Найду я тот маршрут в пространстве,
Что выйдет к Родине моей.

ФОТОСЕССИЯ С МАСЛЁНКОМ

В сосновом бору,
Под пушистою ёлкой,
Нашёл я лесного
Красавца-маслénка.

В лоснящейся шляпке
Цветов шоколада
Он выглядит классно, –
Как раз то, что надо!

Я знаю, что гриб этот нежен и вкусен,
Но в лес я пришёл за другим:
Мне просто хотелось побыть на природе,
И сфоткаться рядышком с ним!

ПРО МЕГИОН

А сегодня всё белым-бело,
Притрусил снегом все дорожки,
Градусник на минус вновь пошёл,
Из-за ветра двигаюсь немножко...

Что не так? – Читатель не поймёт,
Вроде по погоде всё, по зимней,
Просто лето через день придёт,
Ну а здесь морозы вместо ливней...

Старые подшивки газет хранят в себе не только информацию, ставшую со временем историей, но и интереснейшие открытия и задачи для тех, кто через многие десятки лет решит заглянуть на их страницы.

Такой загадкой для нас (ред. «Глагола») стало имя Геннадия Бардина. Судя по подшивкам «Ленинского знамени» (так до 1990 года называлась районная газета Ларьякского-Нижневартовского района Югры, переименованная потом в «Местное время») он проработал в этой районке только один 1965 год. Но успел заявить о себе как мастер поэтического слова и очень талантливый журналист. Однако, найти его сегодня не получилось. Единственная подсказка, которую удалось найти в его публикациях, – он родом со Смоленщины. Что весьма обыденно для того времени, ведь тогда Сибирь притягивала к себе как магнит людей со всего Советского Союза.

А нас особо заинтересовал очерк о бригаде на буровой 124-й скважине Мегионской экспедиции, опубликованный 30 июля 1965.

И если багодаря этой публикации найдётся сам автор очерка или те, кто может хоть что-то рассказать о нём, можно будет точно поверить в чудо...

Геннадий Барнев

Вот она буровая! Стальной пятидесятиметровый гигант, опоясанный лентами деревянных переходов, ревущий мощными дизелями, отфыркивающийся дымом, грохочущий лебёдкой. А вокруг, едва достигая ему до колена, удивлённая, обрелевая тайга с острыми шишаками елей, лох-

ный дремлющий простор... Унылый вид, глухой край. Царство комаров да болотной мошкары. Настороженное безлюдье, извечный сон. Сколько ещё десятилетий продолжал бы он спать, если бы геологи не нашли здесь нефть, богатейшие в Союзе месторождения?..

Где начианются дороги

матыми чубами кедров, аккуратными метёлками сосен.

Крутые шаткие лесенки взбегают прямо в поднебесье. Унылая и вместе с тем величественная картина открывается с верхней площадки. Слева от буровой – дорога, разлинованная глубокими колеями, похожая на большое и грязное полотенце, то ли случайно, то ли нарочно, но брошенное так, что один конец его обвился вокруг буровой, а второй, изогнутый и измятый, затерялся у ног деревьев.

За дорогой – жиденькая тайга, сменяющаяся обширными лугами; далеко, у самого горизонта, узенькой полоской угадывается Обь. С двух других сторон буровой – та же чахлая болотистая тайга, поблёскивающая голубыми глазёнками небольших озёрц. Только справа – тайга сплошным клином уходит к самому горизонту. И куда пи глянь – ни единой фабричной трубы. Да что там трубы!.. Ни единого жилья, ни единой живой души. Озёра, лес, болота... Неогляд-

Внизу в грохоте и шуме работают люди. Вахту стоит смена бурильщика Александра Сергеевича Савельева. В смене всего шесть человек: один бурильщик, три помбура и два дизелиста. Бурение ведут то бурильщик, то его помощники Михаил Нечаев и Александр Климентьев. Бурильщики работают молча: не очень-то поговоришь в таком шуме. Все объяснения – жестами.

Сейчас у рычага бурмашины сам Александр Сергеевич, невысокий кряжистый мужчина лет пятидесяти двух – пятидесяти четырёх, в брезентовой робе и сетке от комаров поверх старенькой помятой кепчонки. Это по его воле режут дизеля, поднимается и вновь опускается двухкилометровая нитка труб и где-то там, в беспросветной темноте, на глубине свыше двух тысяч метров, бешено вгрызаясь в неподатливую землю, вращаются шарошки бурового долота. Бурильщик не отрывает взгляда от смонтированного на щите индикатора нагрузки на долото. Стрелка прибора пульсирует. Она то ползёт к красной

черте на шкале, то возвращается назад – ближе к нулю. Красная черта – рубеж, за которым начнутся предельные нагрузки. «Забуриваться» за неё – опасно.

Долото может не выдержать: сломается от непосильной нагрузки цапфа шарошки, упадёт та на дно скважины, и тогда попробуй-ка разбурить прочнейший сплав, из которого она сделана. Старый бурильщик немало знает таких случаев, когда по пять – шесть дней приходилось разбуривать злосчастную шарошку. Пять – шесть дней, чтобы пройти каких-нибудь десять сантиметров. Нет, надо быть осторожным. Не первый год работает. Как-никак с 49-го года, считай шестнадцать лет уже...

Мелко-мелко дрожит квадратная штанга, которая гонит трубы в глубь скважины. Где-то у самой красной черты лихорадит стрелку индикатора. А бур застрял и не идёт дальше. Два часа как началась смена, а бур не прошёл ни сантиметра. Что случилось в этой адской глубине? Может сломалась одна из трёх шарошек и непреодолимой преградой легла на пути своих сестёр? Может забарахлил турбобур? Может ещё непредвиденное... Как заглянуть туда? Наука не снабдила ещё бурильщика такими приборами, чтобы он в любую минуту мог знать, как чувствует себя долото, какая преграда легла на его пути...

ТАБУН В 900 ЛОШАДЕЙ И ЕГО ХОЗЯЕВА

Три дизеля, каждый мощностью в триста лошадиных сил, дрожат мелкой дрожью. Они напряжены до предела. Вращаются приводные ремни. Два мощных насоса с огромной силой гонят в буровую воду. 150 атмосфер! Тоненькая струйка воды, вырвавшись под таким давлением из шланга, может прошить человека насквозь. А сейчас под её напором глубоко в теле земли вращается турбина турбобура, размывается встреч-

ный пласт. А турбобур не идёт и баста...

Чёрный дым из шести выхлопных труб расстреливает подступившую тайгу. Вспотели медные лбы дизелей. Горячие вихри воздуха разгоняются по дизельной лопастью вентиляторов. Сильно пахнет соляром. Сюда не рискует залезать комариное отродье.

Молодой стройный парень в белом накомарнике, что-то колдующий над электростанцией.

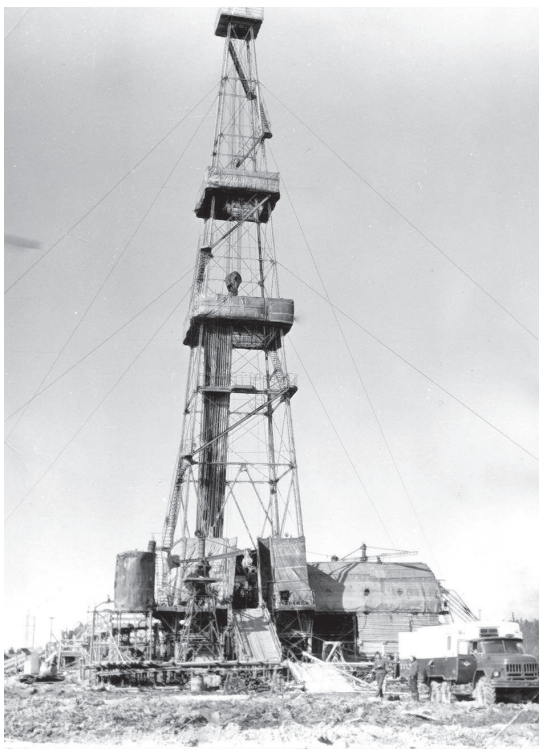
Это шеф-директор дизельной Борис Никоноров. Он потомственный дизелист и представляет второе поколение в роду Никоноровых, связавших судьбу с машинами. В разведочном бурении Борис уже пятый год. Был дизелистом на буровых Шаима, а теперь работает в Мегионской экспедиции. Борис учится на четвертом курсе Бугурусланского нефтяного техникума на механическом отделении. Мечтает после «податься» в институт, пока «капитально не обсемьянел».

Второй парень, с продолговатым подвижным лицом – Владимир Масленников, тот самый. С ним я познакомился ещё в дороге. Владимир спокойно рассказывает среди своего реву-

щего стада. Он то окачивает вспотевшие лбы дизелей, то подпаивает холодной водой из подведённого в дизельную шланга, то подкармливает их солярой. Владимир в Мегионской экспедиции работает первый год. Приехал сюда из-под Норильска. А ещё раньше – служил в армии, был механиком-водителем первого класса, так что с «лошадиными силами» знаком коротко.

Дизелисты обеспокоены тоже. Что там случилось у бурильщиков? Что решит старший? Савельев подал команду поднимать бур.

Подъём труб... Человеку, не знакомому с работой бурильщиков, трудно представить до чего это нудная и трудоёмкая работа. Нужно втащить и разобрать всю стальную в несколько тысяч метров длиной нитку труб, чтобы на самом конце её сменить долото, заменить бур. И потом снова смонтировать, и опустить. Сколько рабочего времени уходит на эту в общем-то пустяковую в других условиях операцию. А повторяется она

каждые четыре часа, согласно техническим условиям.

ДВА АЛЕКСАНДРА

Мне нравится смотреть, как они работают. Р-раз – и 94-килограммовая каретка лихо подлетает под стык показавшейся из скважины трубы и заключает всю нитку труб в объятия замка; два-а — и тяжёлый механический ключ стопорит наружную трубу; три-и – ещё змеится резьба свинчиваемой, с помощью ротора трубы, а один из Александров уже тянет железным крючком за конец готовой вот-вот освободиться трубы. Труба освобождается, и второй Александр помогает первому отвести трубу на место, на специально для этого предназначенный настил. Бурильщик «майнует». Тяжёлая труба глухо тыкается в дощатый настил. А в это время верховой освобождает верхний конец трубы, и, пока ставит её в вертикальное положение, крюк лебедки с прикрепленными к нему штропами уже скользит вниз. И-раз – летит в сторону каретка, на которой только что поднималась труба, два – железные штропы залетают в вырез первой каретки, три — вставлены стерженьки, предохраняющие штроп от срыва, и новые трубы ползут из скважины. Потом всё повторяется сначала. Две минуты на подъём и спуск.

Фамилия одного из Александров вам уже знакома. Это Климентьев. Он уроженец Тюменской области. В 1963 году сменил распространённую тогда на тюменщине профессию лесоруба на специальность буровика. Сейчас он уже помбур четвёртого разряда и на его счету около десятка скважин, в разбурировании которых он принимал участие. Некоторые из них дают промышленную нефть.

Другой Александр – паренёк лет семнадцати, с чистым доверчивым взглядом серых глаз – носит известную на тюменщине фамилию – Малыгин. Я сначала подумал даже, что он сын или по крайней мере родственник того самого С. Л. Малыгина, о котором не раз писали газеты.

– Не-е, я просто однофамилец, – ответил Саша на вопрос о родстве.

Саша родом из Татарии. Учится там в городе Советске на четвёртом курсе техникума, на буровика. Почему он здесь?

– Практика у нас 14-ти месячная, – объяснил мне уже после смены Саша. Нас 32 челове-

ка из Татарии сюда на практику приехало. Всей группой. Были и другие места, конечно, но нас на Тюмень потянуло, потому что новое тут всё, только что начинается. Интересно. Опасались вначале, думали не возьмут всех в одно место, куда нас столько скажут. А в Тюмени в управлении совсем другое слышали: хоть ещё пять раз по столько приезжайте – примем. Ну вот и работаем. Кто в Шаиме, кто в Сургуте, а я вот здесь.

Саша самый молодой на смене. Он в три раза младше старшего бурильщика. А по трудовому стажу и того больше. Эта скважина четвёртая в его жизни. Но и жизнь у него-то только начинается.

ВЕРХОВОЙ

Высоко над землёй где-то на тридцатиметровой отметке, в люльке, похожей на аистово гнездо, примостился верховой Михаил Нечаев. Работа у Михаила не ахти какая сложная. Перегнуться через перила мостика, подхватить кожаным ремнём трубу подтянуть её к себе, освободить из каретки – вот и все дела. Выполняет её мастерски. Но эта работа выглядит просто только в летнее время, да и то на первый взгляд. А зимой, когда обледеняющий ветер пронизывает насквозь и ты весь коченеешь, надо быть гибким. Тут ой каким сильным надо быть, чтобы работать вот так, как Михаил.

И характер Михаила от такой работы изменился даже неразговорчивым стал: не с кем говорить. Михаил – ветеран бригады. Вместе с ней работал на Шаимском месторождении. Пробурил, считай,

не одни десяток скважин. В буровой бригаде он пятый год.

ИЗ ДВУХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Выползают и выползают из чёрной пасти скважины трубы. Время от времени из дверей вагончика, что рядом с буровой, показываются две девушки. Это тоже практиканты: Галя — студентка Саратовского университета и Надя — из Тюменского. Приехали они совсем недавно. Наверно поэтому и работа у них пока несложная: делать замер глубины скважины, что они выполняют быстро и точно, успевая между делом показать язык Саше Малыгину и посмеяться над чем-то одним им известным...

По-кошачьи и незаметно подкралась ночь. Вспыхнули над буровой весёлые огоньки. Бурильщики уже закончили подъём труб и теперь заменяли бур, который оказался неисправным. Чтобы не путаться у них под ногами и не мешать своими вопросами, тихонько поднимаюсь на верхнюю площадку буровой.

Глухая темь увязла в тайге, уже не различить ни отдельных деревьев, ни полян – всё превратилось в однообразное тёмное пространство без огонька, без звука. И только чуть белеет начинающаяся у буровой дорога. Дорога от буровой... Это символично, не правда ли? От буровой начинается дорога и молодого паренька Саши Малыгина, с буровой начиналась она и у Бориса Никонорова, и у Михаила Нечаева, и многих, многих других парней и девчат. Здесь начинается и дорога самой Тюменской области, дорога в большую промышленность. Уже сейчас со всех сторон приезжают сюда специалисты. Вот и девушки из крупнейших вузов страны на практику приехали, и Сашкины друзья из Татарии.

А какие перспективы открываются перед областью! Миллион тонн нефти в 1965 году – это, так сказать, аванс «на карманные расходы». 45 млн. тонн нефти, будет давать Тюмень уже в 1970 году. А сколько в дальнейшем? Даже не верится, но вполне уважаемые специалисты утверждают, что в будущем Тюменская область сможет производить столько нефти, сколько её сейчас производится во всём Советском Союзе. Замечательные перспективы!

Я смотрю в ночь, обступившую буровую вышку, и вижу, как в глухой темени вспыхивают огни. И слева, и справа, и со всех сторон буровой огни, море огней, океан огней. И не тайга вокруг, не болота, а сверкающие неоновыми рабочими посёлки, города с асфальтированными улицами, мчащимися автомобилями, праздничными нарядами людьми. И в центре этого огненного фейерверка — буровая, на которой стоит вахту смена бурильщика Савельева. Одна из сотен буровых, от которых начинается дорога.

Павел Миронов
с. Мегион

По страницам «Ленинского знамени»

ОТВЕТ

Дорогая, милая моя,
В строчках задушевной переключки
Ты журишь меня за то, что я
Жить уехал «к чёрту на кулички».
Ты мне пишешь: даже и врагу
Не желаю, мол, пути на Север,
Где не зреет хлеб, а на лугу
Не цветёт, как в Подмосковье, клевер.
Где ветров неистовая звень
Поднимает яростные вьюги
И, слыхала, даже деревень
Не найдёшь на сотню вёрст в округе.
Не грусти, о сыне не болей.
Я тебе отвечу без утайки:
Здесь морозы псов свирепых злей,
А весной гулять не выйдешь в майке.
Но, заехав на далёкий Вах,
Я от жизни здешней не в уроне,
Да, какой невиданный размах
Новь взяла здесь в северном районе.
Северным стихиям вопреки,
Все опровергая кривотолки,

На земле чудесной вдоль реки
Новые рождаются посёлки.
Вот в краю лесов, в краю воды,
Где скупы весенние зарницы,
Сын твой строит детские сады,
Ясли, клубы, школы и больницы.
И пускай не в городском саду
Я в досуг гуляю по дорожке,
А по кочкам вечером иду
В клуб колхозный на призыв гармошки.
Любо в голубые вечера
Слушать лебединые напевы
И смотреть как в поле трактора
Поднимают землю под посевы.
А вдали сверкают за рекой
Молнии – электросварки вспышки,
И плечами небо высоко
Приподняли буровые вышки.
И поверь: пройдёт немного лет
Партией намеченная строго
Здесь в коммунистический рассвет
Будет нами сделана дорога.

15 мая, 1960 г. №38

Елена Аушева родилась в 1976 г. в посёлке Керос Пермской области. Живёт в Ханты-Мансийске. Окончила Алматинский государственный университет имени Абая по специальности «филология». Руководитель литературной студии для детей и подростков «Чистый лист». Библиотекарь Государственной библиотеки Югры. Выпускница Литературных курсов 2021, 2022 г. Руководитель Совета молодых литераторов Югры. Пишет стихи и прозу. Член Союза писателей России.

Наследница

НЕБОЖИТЕЛЬНИЦА

В городе, в центре, в пустом переходе
Длиною в пятнадцать шагов торопливых
Девушка пела куплет о погоде –
Пела про осень, и вышло красиво,

Но были крикливы знакомые строки
Про небо, что плачет опять под ногами,
И девушка чувствует: вышли все сроки,
И не допевает про птиц с облаками.

Наверх – по ступеням, за плечи – гитару,
На воздух хмельной с послевкусием лета:
Смотреть, как неспешно пылают пожары
Любимого жёлто-лимонного цвета.

Ловить в паутине лучей переливы,
Не ждать ничего, никого не тревожить,
Осеннего города слушать мотивы.
Запеть.
Если сможешь.
Быть может.
Быть может...

Ты живёшь над землёю, небес поперечь,
Где-то между седьмым и девятым.
Видя в зеркале абрис опущенных плеч,
В кофе утреннем топишь закаты.

Ты считаешь, как звёзды, всех тех – до тебя.
Вычисляешь: а что будет дальше?
Растворяешь в подсчётах процент бытия,
Пишешь истины маркером фальши.

Ты болтаешь, когда тебе надо молчать,
И молчишь вместо реплики в споре.
Ты сильна, как вселенская воинов рать,
Жаль, что ты устаёшь очень скоро.

Ты спускаешься утром с панельных высот,
Мчишься в капсуле лифта наружу:
Наступаешь на образ небесных красот,
Опрокинутых в грязную лужу.

НАСЛЕДНИЦА

Ей в наследство достались игольница,
Пара снимков седых, тряпок ветхих мешок.
Платье ситцевое колоколится,
Нафталина исходит застойный душок.

Счастье бабкино штопано-латано,
Не наденешь его – расплзётся по швам,
И не выкинуть – волнами ладана
Память бабкина гладит по волосам.
Память шепчет, неистово молится:

Не забудь, не оставь!..
Утром выпал снежок.
В доме старом осталась игольница,
Да истлел старых тряпок ненужный мешок.

Прислонившись друг к другу, прижавшись
к земле,
На снегу распластались ночные дома.
Навалилось всей тяжестью небо во мгле –
Ни конца и ни края. Лишь звёзд бахрома

Завихрилась, завьюжила, вдаль понесла
Льдинки битого света, надежд мишуру –
Их опять зажигают! И несть им числа.
Звёзды вечны. А значит, и я не умру!

Значит, я зачерпну чёрной ночи субстрат,
Снова выплесну строки в немой телефон,
Ритм неровно стучит, лихорадкой объят,
Навевая, как в поезде, призрачный сон.

Снится: низкое небо на кровлях лежит,
Придавило дома, распластало во мгле.
Одинокой звездой в мире тёмном дрожит
Свет, мерцающий жёлтый в квадратном окне.

На берегу облачно-отвесном,
круто-небесном –
Второе «Я» как в бреду

Смотрело вниз. Глядело,
пробуя воздух ногою несмело,
И чуяло беду.

Остаться – нельзя: высоко – одиноко,
Жизнь с собою самой однобока,
Душит и тянет ко дну.

Спуститься – нельзя: не стерпеть притяженья,
Не выжить в безмолвном пустом отчужденьи,
Коль небо оставит одну.

На берегу безлистном-бестравном
Весною голою, безотрадной,
Первое маялось «Я».

Спотыкаясь, опаздывая, спешило,
По кругу жизни: бездумно, бескрыло –
Крепко держала земля.

Наверх – нельзя: здесь кредиты, работа,
Друзья, дедлайны, цейтноты, заботы.
И верба вчера расцвела.

Остаться – нельзя: облака суровы,
Скалой возвышается берег новый...
Но на небе – второе «Я».

Туманная кудель запуталась в лесу,
Гребёнками ветвей расчёсывала пряжу.
Ловила первый снег на хвойную блесну,
Лепила вдалеке развесистые кряжи.

Многоэтажный плен меняла на дворцы,
Забеливала дом иллюзией покоя.
Рожила в тишине жестокий дефицит
Ответов на вопрос: а в этом мире – кто я?

Заткнуты небеса на зиму ватой сна,
И не видать ни зги, и колокольчик сломан,
Дорога вдаль ведёт – туманна и пуста,
По кольцам бытия сквозь рокот космодрома.

Придумай звук для душевной струны –
Она натянута тетивую,
Её вибрацией сны полны –
Она заполнит тебя собою.
Стальную серость промозглых дождей
Ночами ветер швыряет с крыши:
Чем ближе к лету, тем холодней,
Чем звук сильнее, тем хуже слышен.
Смысл выжимая из новостей,
Пиши невидимо – между строчек –
По красным линиям миражей
И по воронкам дымящих точек.

Крупным планом

26 декабря 2024 года мировые часы отсчитают ровно сорок дней, как на пятьдесят восьмом году жизни не стало экс-солиста легендарной группы «На-На», музыканта и актёра Владимира Лёвкина. Вокруг его славного имени бесшабашные народные ветра нанесли немало сплетен, слухов, вымыслов и пересудов. А каким он был на самом деле? О чём думал и мечтал? Как относился к своей работе и популярности? Сегодня он ответит на эти вопросы лично. Его рассказу не меньше тридцати лет. Автор публиковал его лишь единожды, сразу после встречи, и то в виде интервью репортёру провинциальной газеты «Исеть», что выходила в городе Шадринске Курганской области весьма скромным тиражом.

Вместо предисловия

Кажется, сама природа благоволила в этот день шадринцам, подарив после холодных дождей по-настоящему жаркое солнце. И тем не менее многие зрители, отправляясь на стадион

баны на концертной площадке, а рядом с трибунами возводился калашный ряд со снедью и прохладительными напитками, мы с корреспондентом газеты «Шадринский курьер» Ларисой Семёновой пытались прорваться к руководителю группы Бари Алибасову. Терпения хватило на

Владимир ЛЁВКИН: «Горжусь тем, что я алибасовский выродок!»

«Торпедо», где ожидалось выступление знаменитой шоу-группы «На-На», предусмотрительно захватили с собой зонты. Оказалось, не напрасно: они помогли претерпеть сущее августовское пекло. А это ни много ни мало – три часа кряду!

А пока пёстрая толпа поклонников стекалась к стадиону, пока ещё бегали по полю взмыленные администраторы, пока стучали молотки и бара-

три выкуренных до фильтра сигареты, пока не узнали, что Бари не приехал. Директор коллектива предложил нам поговорить с Владимиром Лёвкиным, одним из самых ярких «нанайцев». Мы поспешили в курганский «Икарус», дабы спрятаться от лишних шумов, и включили диктофоны.

Лёвкин был не в духе. Выглядел чрезмерно уставшим после вчерашнего концерта в областном центре, после сегодняшней утренней репетиции и торопливого переезда в Шадринск. Но мало-помалу разговорился, в умных красивых глазах появился здоровый блеск, а тонко очерченные губы тронула обаятельнейшая улыбка. И вот о чём поведал Володя.

О папаше Бари и феномене «нанайцев»

Мне кажется, неправильно говорить о каком-то феномене. Просто во все времена каждому воздавалось по его заслугам. Нам воздаётся за наш труд, за то, что практически не живём

личной жизнью, матерей своих иной раз по полгода не видим. Нам, наверное, просто повезло: у нас есть работа, и эта работа – любимая. Делаем то, что нам нравится делать.

Конечно, в этом огромная заслуга Бари. Во-первых, он нас собрал всех вместе. Во-вторых, его двадцатисемилетний опыт сценической деятельности и наша молодость дали очень интересный сплав, который поначалу действительно не просматривался. Никто не мог сказать наверняка, что из всей этой затеи получится. Бари я считаю гениальным человеком, это – голова, которая наперёд предугадывает, как нужно делать, что делать и почему именно так надо делать, а не иначе. Он талантливый человек практически во всём. За что бы ни брался – у него всё получается. Его время принадлежит нам, а наше – ему, потому что он, видимо, хочет видеть в нас своё продолжение. Так что я горжусь тем, что я алибасовский выродок, как меня часто называют корреспонденты. И мне нисколько не обидно. Это моя школа, мой учитель... Мой отец, можно сказать!

Знаете, мало кому дано такое. Многие учатся по пять-десять лет в различных училищах и вузах, но у них ничего не получается. А у меня пять лет практики, каждый день выхожу на сцену, каждый день у нас разбор «полётов» и каждый день мы для себя открываем что-то новое. По сути такой практики, как у нас, нет ни у одного эстрадного или театрального артиста. Я не говорю о звёздах – говорю о тех, кто начинал с нами в одно время. С нами работали прекрасные хореографы Коля Добрынин (он сейчас у Романа Виктюка в театре), Лёша Бахарев и Лена Карасёва. У нас есть свой музыкальный руководитель по вокалу – Володя Даленко, он двадцать семь лет только учился музыке! Он окончил всё, что только можно окончить! Наконец у нас есть балетная группа, и это отдельный цех нашего театра, за который отвечают хореографы Андрей Лебедев и Паша Соколов. Я не считаю, что это громко сказано – театр, потому что, если вы внимательно посмотрите наш концерт, то убедитесь в моей правоте. Практически каждый номер – это мини-спектакль. И в целом наш концерт подчинён законам театра: начало, развитие действия, кульминация...

Вот чего нет – так это свободного времени. Режим работы очень жёсткий. И так во всём мире. Мы часто ходим на концерты, на спектакли, нам тоже есть чему поучиться. Наша эстрада, наша культура – она очень сильная. И лично я уважаю всех артистов за их труд. Многие карабкаются сами, без поддержки, и им очень сложно выжить. Ведь Бари Алибасов – он один такой. А в наше время всем российским артистам приходится вкалывать как ломовым лошадям, потому

что иначе не выживешь. Нужно постоянно работать и совершенствоваться.

Песни мы сначала все пробуем на себя... как костюм. А потом уже решаем, кто будет петь конкретную песню, кому она больше подходит. Никакой здесь ревности или зависти нет и быть не может, потому что, повторяю, мы все делаем одно любимое дело. Бывают, конечно, какие-то чисто профессиональные разногласия, но, как правило, очень быстро находим точки соприкосновения. Ведь мы в нынешнем составе три года работаем, нам делить нечего. На самом деле мы – настоящая семья. Если бы не было таких отношений, как между братьями, мы бы давно уже друг другу надоели, и не было бы стабильного коллектива.

О славном забуторье и «пиратском» произволе

За это время, что мы вместе, мы побывали и в Америке, и в Германии, и в Израиле. И, знаете, никто не верит, что мы приехали из России. Говорят: невозможно, чтобы что-то подобное было в России. И вообще, покажите ваши паспорта...

То есть здесь всё в основном зависит от артиста. Пять лет работы в подобном темпе сегодня мне мерещатся целым десятилетием. Могу сказать: на заводах так не работают, отсюда – результат. Мы были поражены, к примеру, как нас встретили в Израиле. Было очень много народу, и людей в возрасте. Мы просто не ожидали такого.

Во всём мире приняты очень жёсткие правила для тех, кто выезжает в заграничные турне. В Америке мы видели типовой контракт для простого музыканта. За любое опоздание, неявку... да любую провинность – в специальной сетке ставят крестик. В конце концов тебе говорят: ты работал пятьдесят шесть миллионов долларов, но ты нам должен двести шестьдесят четыре миллиона долларов, потому что ты не выполнил этот, этот и этот пункты контракта. У нас же такого нет. В нашей стране договоры, которые мы заключаем, – практически это честное слово нашего тур-менеджера и тех людей, которые нас здесь принимают. То есть с юридической точки зрения они просто ничтожны.

И не только это. Произвол во всём. Когда артиста снимают на плёнку, когда записывают его концерты и... не платят деньги. Это будет продолжаться до тех пор, пока у нас не появится нормальное законодательство. Наш альбом «Красивая, поехали кататься!» издаётся всеми, кем угодно, только не нами. Все получают прибыль за этот альбом, но не мы. Это ненормальное явление. Всё с ног на голову. Не подумайте только, что мы работаем лишь за деньги. Нет, не ради денег артист выходит на сцену, а чтобы самовыразиться. Все, кого я знаю, – люди не очень, я бы сказал, обеспеченные (по теперешним нашим меркам), потому что почти всё заработанное они снова вкладывают в сцену, в концерты. Когда выходишь на сцену и работаешь – ни о чём другом уже не думаешь. Ни о деньгах, ни о разногласиях каких-то...

За границей, я считаю, мы отдыхаем, потому что один концерт в день – это ничто по сравнению с тремя-пятью в России. Смогу ли я когда-нибудь уехать навсегда за границу? Нет. Нам там не ждут. Нам там делать нечего. И потом посмотрите: русские, которых у нас всегда называли евреями, приезжают в Израиль – там их называют русскими. Такая же картина и в Германии, и в Америке. На самом деле, чтобы сломать себя для другой жизни, нужно сразу ехать именно в американское общество, потому как Брайтон и

все русские колонии – это Россия, самая настоящая Россия. У них там даже вывески на магазинах написаны по-русски. Но лично я не уеду...

О том, чего ждут девчонки

Девушка... Я бы сказал, у меня их много. Не потому, что я такой разболтанный или веду разэтакую жизнь, а потому что я очень влюбчивый человек. И мне это помогает в моём творчестве. В женщине я ищу прежде всего что-то необычное: необычное в уголках глаз, в выражении лица... Мне даже из всех наших песен больше всего нравится «Еду к миленькой» – в ней счастливо сочетаются какие-то народные традиции и современные элементы в музыке.

Заводить семью? Пока об этом просто даже думать не надо. Хотя я не отрицаю того, что всё возможно в любой момент буквально... Судя по моему характеру, это может случиться где угодно и когда угодно.

О нехороших журналистах и будущем «На-На»

У меня сложилось впечатление, что журналисты, спрашивая у нас о нашем будущем, хотят развалить «На-На». Да не собираемся мы распасться! Мы будем ещё долго – столько, сколько захотят зрители. Пока есть потребность, нужно работать.

Вместо послесловия

Мы и не заметили, как истекли тридцать минут нашего диалога. В окно автобуса постучали, затем в салон забежал Володя Асимов: «Вова, поехали!» И мы расстались. На прощание Лёвкин любезно согласился дать автограф всем читателям газеты «Исеть». Он написал всего одно слово – верное и вечное, как сама жизнь: «Любите!» ...А ночью разразилась небывалая за это лето гроза. Будто специально выжидала, когда опустеют трибуны стадиона.

Беседовал Сергей Ильиных
Фото из открытых источников соцсетей

ЮРИЙ
ВЭЛЛАЮРИЙ
ВЭЛЛАЮРИЙ
ВЭЛЛА

О культурном герое

Издание «Юрий ВЭЛЛА. Избранное. Собрание сочинений в 3 томах» определённо достигло заявленной высокой цели. Глобальный масштаб личности Юрия Кылевича даже после первого и не углублённого ознакомления с изданием предстаёт перед вдумчивым читателем достаточно ёмко, основательно и убедительно. За это выражаю, в очередной раз, свою сердечную признательность всему издательскому коллективу.

В ранее опубликованных отзывах читателей высказано много очень правильных и замечательных суждений и о творчески многогранной и самобытной, простой и справедливой натуре Юрия Вэллы, и о прекрасном юбилейном издании в память о нём. Искренне присоединяясь ко всему сказанному, со своей стороны, хотел бы отметить его огромный личный вклад в формирование глобально-экологического мировоззрения у современных людей, пребывающих в иллюзии превосходства технократического пути развития человеческой цивилизации на

текущем историческом этапе. Будучи ярким и активным представителем малочисленных народов Севера, известным литератором и общественным деятелем он деятельно противостоял нарастающему давлению техногенеза на природные комплексы Югры.

Юрий Вэлла очень достоверно и точно диагностировал современный конфликт Природы и её «непослушного дитя» – человека – во мно-

гих своих произведениях. Как пронзительно и предупредительно звучит его обращение к нам ныне живущим, например, в заключительных строках стихотворенья «Мутация»:

...Но может

Для нас незаметно

В нашей жизни уже наступила

Мутация наших поступков,

Мутация в отношениях,

Мутация наших чувств?..

Ах, если б ещё не поздно

Оглянуться на себя!

И хотя он фактически является моим современником, тем не менее, без какого-либо сомнения отношу его в разряд культурного героя, жившего и творившего на территории Югорской земли. Ибо, культурный герой – это человек, отрёкшийся от удачного сценария личной биографии в пользу судьбы, которая сама по себе почти никогда не драматична, и даже возможно скучна и обыденна, поскольку почти вся замешана на постоянном кропотливом труде и созидании там, где ему выпала судьба родиться фактически. Культурный герой всегда сопротивляется деструктивным «предложениям» цивилизации, при том, что он окружён ими и практически ничего не может этому противопоставить, кроме как особой миссии, которой сам же себя и наделяет.

Подтверждают данное утверждение, как нельзя лучше, слова Юрия Вэллы, вынесенные в эпиграф 3-го тома издания: «Делай то, о чём тебя не просят, говори то, что тебе не разрешают, думай о том, о чём никто не думает – это будет твой автопортрет».

Азат Анварович Зубайдуллин,
заместитель директора по природоохранным работам и развитию АО «Сибирский научно-исследовательский и проектный институт рационального природопользования»,
председатель Нижневартовского Рериховского общества «Гармония», г. Нижневартовск

Эмма Новак.

Некоторое время назад она приняла это имя
и решила жить с ним дальше...

Что ж, путь поиска своего имени – это тоже
дорога, которую выбираем сами.

А то, что её путь связан со Словом, было
понятно с самого её детства.

Сегодня она живёт в Нижневартовске,
но кажется, что её второе «я» вообще
принадлежит совершенно иным мирам,
а может бесконечности Вселенной...

В поисках своего имени...

МНЕ НЕУЮТНО

Мне неуютно в моей квартире.

Я в ней – как в каменной скорлупе: три пары
кипенно-крепких крыльев – тем необъятнее,
чем слабей, и каждый шорох сродни ожогу –
урон касаний неизмерим, толкаюсь в стены, как
будто в кокон гигантской бабочки изнутри, где
нет движения, глухо, тесно – где всяк щелчком
выключает тьму, размах велик – здесь ему не
место, он чужероден, суров, ему ещё не время,
не в силах город проснуться, волю его впитать,
вместить не в силах, погаснет скоро благосло-
венная благодать.

Мне неуютно.

Где святость крыльев? Сомнутся грубо – они – и
якорь мне, и постель, сплетённый богом воз-
душный купол из сухожилия и костей, порос-
ший рутей, приросший к скалам, испивший
праведной синевы...

Взъерошив перья молочных алул, я жажду вы-
рваться, но, увы, я ниже пыли, я пал так низко,
что здесь проблема моя проста: с годами крылья
вросли в карниз, и я сам забыл, что могу летать,
что я – чуть больше, чем смертный атом, пу-
стой, не видящий сквозь миры, с его вселенной
– искусно сжатой до мелкой гипсовой конуры.

Мне неуютно.

Мой склеп безмолвен, надёжен, крепок, стекло
и тени – моя броня.

Спастись предложено человеку... А в чём спасе-
ние для меня?

Не видя неба, в колодце зданий, настолько древ-
ний, что помню Ад – живу и глубже пластом
врастаю в практичный мраморный фолиант, в
монументальный гранит, что плавит прозрач-
ных рёбер моих ковыль, вплавляюсь в камень,
в холодный кафель, не замечая, увы, увы, что
время требует, а не лечит;
свиваясь в танце с земной ордой, но будто
чувствуя бесконечность: ни стен, ни окон, ни
городов...

Мне век бы мчаться в бездонном мире, в
межзвёздной призрачной пустоте.

Мне
Неуютно
В моей
Квартире.

Квартиры
Созданы
Для
Людей.

2015

Клёкотом
в горле
дым,
проклятым
маршем
эхо...

Я не вернулся живым –
я просто туда не поехал,
не выжигал мне глаза,
не зализывал раны Ящер.

Руки мои не ловили свинец кипящий,
Плащ мой не вспорот, горячим не пьян вином!
Всплеском кевлара вокруг не свистела сеча,
глыбы бетонные мне не рвались навстречу –
этого не было,
не было,
не было...

Но,

вжавшись при штурме в забрало стального
борта,
Брат, я в аду – здесь не твой девяносто
четвёртый,
но –
что-то около.
Бьёт амбразуры жар.

В пляске свирепой пульсации артурдара
бешеной тенью ревет подо мной броня.

Пыльная станция
хрипло
стреляет
числами:
здесь умереть – в восемнадцать?
Нет, это невысказано,
может кого и заденет, но не меня.

Гул нарастает – земля надо мною, небо ли...
Этого не было, я заклинаю, не было,
дай мне дышать!..

Продолжается бой, и в нём –

что я такое? – истории жрец вне строя.
Там, где должна быть нашивка за боевое –
знак безымянный латунным горит огнём.
Мой крик – грохот взрыва,

воронки – мои глазницы,
и даже когда моё сердце устанет биться –
надтреснутой песней продолжит звенеть мой
гнев,

которого не было;
в шторме, которого не было.

Ночами я всё ещё там –
жить сражением мне бы, но

дождись меня, брат.
Я, возможно, вернусь.

Или
нет.

ЭТО БЫЛО НЕПРОСТО

Я прочла твою книгу.

Я получила её и подумала: «Полторы сотни
страниц? Справлюсь за пару часов!».

Открыла прямо на ступеньках почты –
потрогать переплёт, почувствовать ритм.

Первое стихотворение ударило двойным
залпом.

Это было трогательно и слишком интимно.
Меня словно бросило плашмя на перегретый
солнцем гравий, а сверху накрыло штормовой
волной.

Шум, вода, горячие жёсткие камни.
Ни глотка воздуха.

Я прочла твою книгу.

Полторы сотни страниц:

я справилась

с ними

за год.

Свободны и чисты, над миром смертной зыби,
Прозревший и Святой идут – плечо к плечу.
Подбит кровавой тьмой плаща молочный
кипень –
туманом вьётся он по лунному лучу.

Музей, поразивший воображение

Каждому родителю хочется показать своим детям что-то необыкновенное, прикоснуться к истории, совершить путешествие во времени.

Последнее время я стала для себя открывать Урал, после истории про «Кыштымского зверя» на семинаре в Челябинске, а это событие требует целого отдельного рассказа, в короткий осенний отпуск мою семью случайно занесло в Свердловскую область.

Заинтригованные отзывами друзей, в один из дней поехали в Ганину яму, но по пути задержались в музее военной и гражданской техники в Верхней Пышме.

Этот музей стал лично для меня настоящим открытием, так как он представляет собой огромную территорию, где находятся сразу несколько зданий – тематических музеев и планетарий, закрытые стеклянные павильоны и много техники, которая просто стоит на улице!

Итак, что за музей там можно посетить? Обо всём по порядку. Первым мы посетили музей автомобильной техники. Это Крупнейший автомобильный музей в России. Открыт в 2018 году. В экспозиции представлена история автомобильного транспорта с конца XIX века до наших дней. Более 600 раритетных автомобилей, мо-

тоциклов и велосипедов. В 2022 году открылось второе здание Музея, где представлены тематические коллекции и легенды мирового автомобилестроения. Площадь экспозиции более 13000 м². Коллекция насчитывает более 600 единиц техники. Здесь мы увидели Москвич 412 и мотоцикл из дедушкиного гаража, приятная ностальгия коснулась сердца от квадратных автобусов и Жигулей – «копеек». Дополняют секции весёлые фотозоны с яркими экспонатами.

Самым немислимым и фантастическим стал музей авиации «Крылья победы». Экспозиция посвящена истории поршневого авиации и самолётам Великой Отечественной войны. На двух этажах представлено более 40 самолётов, часть из которых ещё недавно поднималась в воздух. Коллекция насчитывает более 70 единиц техни-

ки, авиадвигатели, а также орудия, зенитные прожекторы и другие средства ПВО. Я думаю, что у поколения 90-х один из любимых фильмов о ВОВ – «В бой идут одни старики», так вот, здесь, на экспозиции вы сможете встретиться с знаменитым Алексеем Маэстро со своим душевным механиком у бое-

вого истребителя, более того заглянуть в легендарный аппарат. И, вообще, стоя на обзорных (а это не одноэтажное здание) площадках, понимаешь, что организатор всё продумал для мелочей, только настоящий патриот и специалист смог бы

на малом пространстве разместить всё со вкусом и любовью к технике и истории. Следующие два комплекса «Музей военной техники» и «Парадный расчёт» также посвящены истории Великой Отечественной войны и не только.

Переходя из музея в музей, вы выходите на Открытую площадку, на которой представлена коллекция экспонатов от советских танков Т-34 до сверхзвуковых истребителей прошлого века.

Вниманию гостей предлагаются коллекции артиллерии, военно-морского флота, инженерных

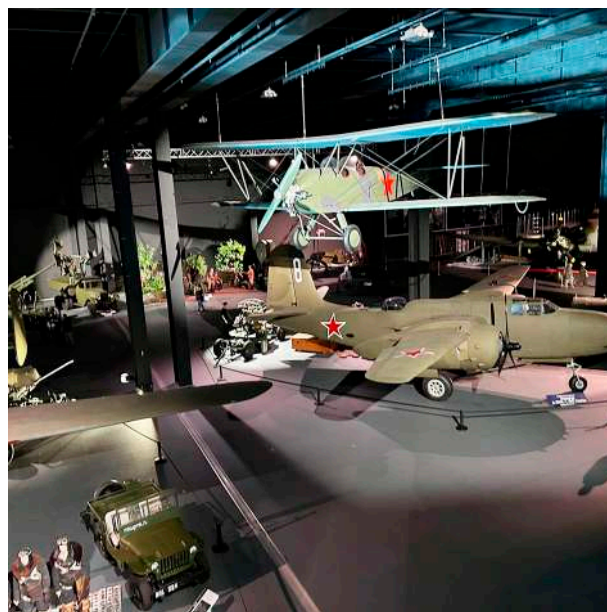
магазинчик сувениров. Дети были в восторге, всю дорогу в Екатеринбург по вечерним пробкам они разговаривали с отцом про технику, гуглили исторические данные про самолёты-амфибии и русско-японскую войну (в одном из комплексов была богатая подборка материала по Цусимскому сражению). Мы переглядывались с мужем и улы-

бались – наш родительский долг на сегодняшний день был перевыполнен.

Мария Япс,
фото автора, Югорск

конструкций, систем противовоздушной обороны и одна из самых полных коллекций техники «ленд-лиза». Отдельного внимания заслуживает Железнодорожная экспозиция 1930-1940-х годов. В неё входит станция «Узловая» и несколько десятков единиц железнодорож-

Опыт социального партнёрства в деле сохранения национальных семейных традиций

Библиотека стремится позиционировать себя, как институт, способный влиять на чтение семьи. Решать вопросы семейного чтения по-

могает, например взаимодействие библиотеки, семьи и общественных организаций. Центральная городская библиотека всегда поддерживает инициативы общественных организаций, ищет новые формы взаимодействия. Ведь чтение книг, встречи с интересными людьми, знакомство с национальной культурой, традициями, литературой помогают подрастающему поколению узнать историю родного края изнутри, понять, как много сил и души вложило старшее поколение в экономику и культуру края. Это воспитывает уважение к памяти прошлых поколений, бережное отношение к культурному и природному наследию, без чего нельзя воспитать патриотизм и любовь к своему Отечеству, к малой родине.

Большую семью АНО «Центр помощи замещающим семьям «Точка опоры» связывает многолетняя дружба с библиотекой. Члены общественной организации «Точка опоры» приняли участие в проекте «Время читать», который подготовила Центральная городская библиотека, посвящённый творчеству писателей, фольклору коренных народов Севера. Взрослые с детьми превращались в театральных актёров и читали сказки, и потом создавали видеоролики, и демонстрировали их в соцсетях. Познакомились со сказочными героями сказки Е. Д. Айпина «Клюквинка и травяная косичка», со сказкой

«Красивый бобр» от сказительницы и народной мастерицы ханты – Таисии Сергеевны Чучелиной в переложении Галины Ивановны Слинкиной. Герои северных сказок – добрые, трудолюбивые, щедрые рыбаки и охотники, мудрые и отважные богатыри.

Через прочтение сказок ребята узнают о любви и преданности к родной земле, о взаимопомощи и поддержке семьи, о ценности дружбы и добром отношении к ближнему, о быте, культуре и традициях коренных малочисленных народов Севера. Читая сказки, дети учатся краткому устному пересказу, им прививается чувство доброты, заботы о старших.

Очень нравится ребятам приходить в библиотеку, мастерить народные куклы и заниматься в игротке «Играем в национальные игры», где они знакомятся с обско-угорскими напольными и интеллектуальными играми «Нумас юнт», что в переводе с хантыйского языка означает «Мысль-игра». Игры развивают память, внимание, интуицию, ум. Ребята играют в палочки, в камешки, соревнуются в подвижных играх, знакомятся с легендами и отгадывают замысловатые загадки.

Участвуя в мероприятиях посвящённым родному краю, дети получают более конкретные и образные представления по истории, культуре и природе своего края, учатся понимать, как история малой родины связана с историей Отечества.

Библиотека тесно сотрудничает с национальными общественными организациями и проводит «Литературные гостиные». Совместно с городской культурно-просветительской общественной организацией «Восток» был проведён литературно-музыкальный вечер «Певец любви, добра и человечности», посвящённый 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова.

Тёплый, солнечный, майский день позволил поменять формат мероприятия, и почитатели творчества великого поэта со своими семьями собрались в литературном сквере у Центральной городской библиотеки. Патимат Азизова – руководитель городской культурно-просвети-

тельской общественной организации «Восток», землячка великого поэта поприветствовала гостей.

В продолжении вечера юноши и девушки, и совсем ещё юные участницы в ярких национальных костюмах показали своё мастерство в художественном чтении. Трогательно, проникновенно на аварском, армянском, русском языках, звучали стихи великого поэта, воспевающие страну гор, вознесённую к седым небесам, человеческую дружбу, любовь, радость и надежду. Поэтические строки сменялись танцевальными номерами: огненной лезгинкой, красивыми кавказскими танцами. Праздничная программа вместила всё разнообразие культуры Дагестана, всё, чем гордился Расул Гамзатов, и что воспевал в своих стихотворениях и песнях.

Участники мероприятия познакомились с книжной выставкой «Вся жизнь моя – в моих стихах» на которой представлены книги о творчестве и произведения великого поэта и общественного деятеля. Беседа продолжилась за дружеским чаепитием, где звучали песни на его стихи. В честь юбилея Р. Гамзатова семьи высадили яблони в литературном сквере. Когда яблони подрастут, под их кронами можно будет отдохнуть с любимыми книгами.

Тепло и атмосферно проходят творческие встречи с национальными писателями, на которые приходят семьями. В литературной гостиной прошла творческая встреча под названием «Башкирия – моя земля и небо», организованная совместно с городской общественной организацией «Татарская национально-культурная автономия «Булгар» почётным гостем, которой стал Фаукат Галлямович Кутлушин – поэт, член союза писателей Башкортостана. Встреча с твор-

ческими людьми, поэзией – это всегда праздник. Зухра Тагировна Бикташева – председатель общественной организации «Татаро-башкирской национально-культурной автономии «Булгар» поприветствовала и поблагодарила Фауката Галлямовича за эту встречу и возможность целых семей пообщаться на родном языке с поэтом-земляком.

Поэзия Фауката Галлямовича – искренняя, мудрая, о добре и справедливости, о красоте. В яркой, выразительно-эмоциональной форме он читал свои стихи, за внешней простотой которых – жизнь во всех её проявлениях. Очень трогательно звучали его воспоминания о детстве, трудовой деятельности, о том, как стал поэтом, о родных и близких ему людях – дочерях и внуках, которые живут и трудятся в Мегиионе. Творческое общение продолжилось за чаепитием, украшением которого стали душевные национальные татарские и башкирские песни.

Ежегодно в начале августа в Центральной городской библиотеке проходит «Декада национальной культуры», инициатором проведения которой является городское отделение общественной организации «Спасение Югры». Декада собирает многонациональные семьи, взрослых и детей.

Так, например на «Дне марийской культуры», семьи совершили «видео-круиз», где познакомились с историческими и памятными местами республики Марий-Эл. Поиграли в национальные марийские игры, начали все с разминки «Кугу изи» (большой-маленький), продолжили игру с мальчиками «Кончыч шинчешь» (Кто вперёд сядет), а с девочками «Шылтыме шергаш» (Спрятанное колечко). А в конце ждал сюрприз – угощение национальным блюдом – «торык когыль» марийскими варениками. Украшением мероприятия стали танцевальные номера творческой лаборатории «Северное сияние».

Ценность таких мероприятий состоит в том, что они помогают решать вопросы семейного чтения, жить в дружбе, гармонии и согласии.

Библиотечные проекты продолжают жить и развиваться, выполняя одну из главных задач библиотеки – открывать новое, вдохновлять на чтение, способствовать эффективному взаимодействию библиотеки и семьи.

Анна Горлова,
ведущий библиотекарь ЦГБ, г. Мегиион

Кашина Лина Дмитриевна, г. Мегион
С 1955 г. – житель трёх хантыйских поселений Ларьякского района на реке Вах. С 1996 г. работает в музее Мегиона заместителем директора по науке, с 2006 г. директором. Соавтор нескольких книг, автор многочисленных краеведческих публикаций, редактор изданий музея до 2015 г., бесменный участник краеведческих конференций. Автор первой в стране музейной программы для творческих инвалидов, которая по итогам реализации на Международном конкурсе «Музей года – 2007. Евразия» была удостоена Золотой медали.
Имеет благодарность министра культуры РФ, медаль КИРФ за освещение темы ВОВ в печати.
Ныне пенсионер.

Хантыйский

Дед Мороз

(О сохранении мифологического наследия обских угров в условиях развития современного этно-экологического туризма на территории ХМАО-Югры)

(приглашение к диалогу о культуре обских угров)

Богатейшая картина мироздания югорских народов, сохранённая в невероятно сложных условиях с древнейших времён до наших дней в их устной мифологии, является законченной, стройной и очень логичной. Будучи высокодуховной, она не нуждается в чьей бы то ни было корректировке. Главная задача современности в условиях развития этно-экологического туризма – её не разрушить, не исказить. Специалист Департамента по вопросам малочисленных народов Севера ХМАО Н. С. Каплин писал: «Такой туризм имеет большое значение для устойчивого развития в целом, потому что он способствует воспитанию бережного отношения к природе и уважения к другим народам и их культуре». [1]

Как же в реальности этно-экологический туризм способствует воспитанию уважения к малочисленным народам Севера и их культуре? Данный вид туризма особо востребован в нашей стране с 2022 года – в условиях специ-

альной военной операции, повлекшей за собой низкую доступность туризма за рубежом для наших соотечественников. Однако стремление как можно больше заработать на эксплуатации чужой экзотической культуры идёт рука об руку с фактами её разрушения, искажения, адаптации под себя. К нашему стыду, угорские народы называют это русификацией. Кроме того, всё чаще «строители» обрядовых постановок и действий выходят за рамки их сакральности, несмотря на то, что этот нюанс требует особо щепетильных осмысления и подходов. Да, несмотря на трёхвековую христианизацию, обские угры остались язычниками. Но это не повод для нарушения запретов и установок традиционной духовной культуры аборигенов и выставления напоказ того, что должно быть сокрыто от посторонних глаз. Запреты существуют и в других религиях, например: мусульманам запрещено входить в мечеть в обуви, также не совершив омовения,

сидеть, направив ноги в сторону Каабы. Нельзя входить в мечеть не с правой ноги, а выходить, напротив, не с левой. В христианской церкви также существуют установки, например, запрещающие женщине находиться в храме с непокрытой головой, мирянам обоюбого пола заходить в алтарь, служителям храмов – разглашать тайну исповеди и пр. Эти запреты неукоснительно соблюдаются, при этом совсем другое отношение наблюдается к духовной культуре обских угров. Крайне низкий, чисто поверхностный уровень познания их духовной культуры, и тем более её мифологической составляющей, отсутствие уважения к мифологии и обрядности коренных народов, да и не только к ним, порождают ляпсусы со стороны организаторов туризма и экскурсий, вызывая тем самым негативное отношение к русским.

Так, в феврале 2024 года на одном из сайтов работники музея в городе Покачи Нижегородского района рекламировали познания в области хантыйской культуры. Однако рядом с экспозицией красовался букет из веток хвойного дерева. Но ханты ни цветы, ни ветви для букетов не рвали. Подобные действия – кощунство по отношению к Природе, частью которой является человек. Кроме того, согласно представлениям угров, некоторые хвойники, как и у древних славян, считаются деревьями мёртвых. Так, в корнях дерева Нижнего мира – кедра, ветви которого за красоту ныне часто ставят в букеты россияне, ханты хоронили умерших новорождённых, ещё не получивших души. На кедр же и люльку подвешивали, оставшуюся после неблагополучного ребёнка. Под ель традиционно ссыпали из люльки испражнения младенцев, смешанные со стружками. Манси же для мертворождённых или умерших в первые дни жизни детей ставили могилки-срубы из трёх венцов обычно около трёх ёлок.

В том же музее города Покачи установлено чёрное дерево, от одного вида которого бросает в холодный ужас. Скруглённые на концах, его толстые ветки-обрубки выглядят, словно огромные, раздутые от чёрной крови пиявки или щупальцы орхидей-убийц, совсем в духе новелл Эдгара По. На это чёрное дерево с его отрицательной энергетикой гости музея привязывают ленточки с просьбой об исполнении желаний. Но этой цели может служить только Светлое дерево – красавица берёза, с её необычным белым

стволом и изящными-ветвями-плетями. Кстати, многие народы, в том числе и восточные славяне, также считают берёзу священным деревом. Нельзя не напомнить и такую установку угров: прежде, чем что-то просить, нужно что-то дать, то есть совершить обряд жертвоприношения. Но согласно традиции, оно совершается, не когда вздумается, а «в новолуние, свадьбы принято проводить в полнолуние: духам посвящается начало (верх месяца), браку – его полнолунная середина. Нижняя же его часть считается временем преобладания тёмных сил».[2]

Также недопустимо обращаться к духам и, тем более, к божествам Верхнего мира в неустановленное обрядностью время, которое привязано к праздникам, семейным или родовым событиям, а также к промыслам. То есть, просить их, по сути, ни о чём, отвлекая глупыми затеями от важных занятий. Как тут не вспомнить русское «Не поминай Бога всуе!»?

Разрушение сакральных традиций в наши дни происходит и носителями югорской культуры, в своей массе получившими воспитание в интернатах, в отрыве от родных истоков. Мне, с 1955 года росшей среди ваховских хантов, немногие потомки которых, как и обских остяков, ныне уцелели в Мегионе, странно видеть на праздниках хантыйских женщин в ярчайших жёлтых (золотых) или красных сахах (распашных халатах). В эти священные цвета ханты, наряду с белым, в своих танцах-постановках праздников и обрядов одевали актёров, изображавших духов и богов. Сами же ханты носили сахи синего или зелёного цвета – цвета Среднего мира – цвета воды и растений. Под сахи шили платья с цветочным рисунком различных расцветок. Священные цвета – принадлежность Высшего мира – присутствовали в одежде хантов в качестве оберегов, нашитых сверху или вшитых в швы одежды и обуви в виде кантов, узких полосочек или лоскутков ткани. В нашем округе под руководством О. Д. Бубновене уже много лет работает Центр народных художественных промыслов и ремёсел, одна из задач которого сохранение традиций в этой области. Однако одному учреждению противостоять разрушению культурных традиций не под силу.

Верхом невежества и кощунства над чужой культурой является введение в многочисленный пантеон югорских божеств и духов (в большинстве своём общих и для хантов, и для манси) но-

вых персоналий. Так, в последние годы на зимних просторах земли Югорской, к восторгу местных журналистов, появился «хантыйский» Дед Мороз. К большому огорчению этнографов, краеведов и старожилов инициатива его появления исходит именно от тех, кто более всего призван сохранять культуру коренных народов – от руководителей музеев и начальников отделов культуры. Года два назад модная «дедморозовская» волна докатилась и до Мегиона. А ныне «накануне Нового года «Региональный историко-культурный и экологический центр» (Экоцентр) организовал... вы-

езд в музейно-туристический комплекс «Югра» в резиденцию Морозного Деда Йахли-Ики».[3] При этом «его создатели» как-то не учли, что в календаре обских угров содержится 13 месяцев, продолжительность которых не соответствует числу дней, принятому в современном календаре. И Новый год к обским уграм приходит совсем не впадет с новоявленным Дедом Морозом. Он, как и у древних славян, начинается в Югре весной: с прилётом серой вороны, то есть, в апреле, когда всё тает. И называется «год/лето». Случаются у угров и две зимы, и тогда при двухгодичной системе календаря аборигены ритуально отмечают два Новых года. В этом случае зимний Новый год начинается с октября. Возникает и такой вопрос, если Йахли-Ики – хантыйский Дед Мороз, то что в реалиях он делает 1 января на русском празднике вместе с русскими Дедом Морозом и Снегурочкой. И как два Деда делят между собой праздничные функции, а также будничные сферы влияния по ледоставу, снежному покрову и прочему? Кстати, за последние функции у угров отвечают другие божества. Выдержит ли новоявленный бог Йахли-Ики соперничество с ними?

И не будет ли наказан Нуми Торумом (хант.) за самозванство и нарушение верховных установок по наведению законопорядка в Среднем мире? А верховный бог наказывать умеет...

Несмотря на наличие у Деда Мороза резиденции в Великом Устюге, Экоцентр построил свою собственную – рядом с городом Мегионом. Но новый Дед Мороз, несомненно, являясь божеством высокого ранга, в силу его высоких функций, должен бы жить в Верхнем мире, а не под Мегионом, и, согласно угорской мифологии, в роскошном доме, как и другие боги Югры. Так, верховный бог Нуми Торум живёт в шикарном доме с золотыми и серебряными дымоходами, в нём семь огромных отделений, в одном из которых хранятся книги судеб людей. Его окружает большое число слуг и родственников, а перед домом красуется священный луг с золотой травой, на котором пасутся золотые стада животных. И даже божество Нижнего мира, враждебного человеку, Куль (хант.) или Куль-Отыр (манс.), никак не обделён имуществом и роскошью. Согласно его рангу, он владеет домом из чистого золота, стадами животных, окружён сонмом слуг и помощников. «Музейщики» же своё новоявленное божество в части роскоши сильно обделили, выделив ему чум, две убогие избушки и новшество – «почтовый лабаз», который вызывает не один вопрос у этнографов.

Есть вопросы и к небесно-голубому цвету новогоднего «прикида» Морозного Деда, и к его названию «сак». По крою и по способу надевания – это не сах, а малица. Намудрили и со специализацией нового Деда Мороза: он также рыбак, охотник и оленевод. Вот только не ясно, кого он пасёт? Ни оленьих стад, ни ягельных пастбищ в нашем регионе нет – не та географическая зона...

Кроме того, вместо сонма слуг, родственников и помощников Морозному Деду дали в пару «фею Миснэ, которая творит чудеса».[4] Почему «фею»? А троллей или гномов Экоцентр на следующую рекламную акцию не припас? К тому же Миснэ – героиня мансийского эпоса. Угровед С. А. Попова утверждает, что Миснэ – «жен-

32

щина мис» («священная мать») мансийского древнего лесного народа мис махум, сменившего прежних лесных хозяев менквов на их территории.[5] Но что женщина манси делает в хантыйском стойбище? Ответ нашёлся в ролике с рекламой этого мероприятия в словах директора Экоцентра Галив Р. Б.: «Хотим сделать перекрёсток культур...» [6]

Сделали. Создав винегрет из зачатков знаний, поразительный в своей безграмотности и неуважении к культуре не только угров, но и других народов, Экоцентр превзошёл себя. Хотя подобное для него – не впервой. Не так давно мегионские «музейщики» поразили не только учёные умы, но и рядовых обывателей заявлением, что «ханты произошли от татар». Позже, получив команду придумать озеру в МТК «Югра» название с целью привлечения туристов, его никогда необитаемые берега (в силу их непригодности для жизни и промыслов) ничтоже сумняшеся заселили казымскими хантами. Почему именно ими? Всё просто: в их фольклоре нашли подходящую песню-легенду об озере-варежке, на которое немного похоже озеро в МТК «Югра». Переселение этнической группы вдохновило – взялись за ценных зверей. С подачи той же Галив Р. Б. чёрный (баргузинский) соболь перенёсся с восточного побережья Байкала в наши края. Куда при этом исчез рыжий тобольский соболь, самый большой по размерам, но с менее ценным мехом, заселявший Среднее Приобье, остаётся загадкой. Вроде бы и никогда его у нас не было...

Список подобных фальсификаций большой, и, похоже, конец его не предвидится... И всё-таки очень хочется спросить, с какой целью разрушается чужая культура её хранителями. А может она и в самом деле не имеет никакой ценности для новых поколений? На этот вопрос есть прекрасный ответ академика А. П. Окладникова, на который в своей работе ссылается угровед Л. Г. Лазарева. Он был уверен, что каждый ушедший день только прибавляет величие утру искусства – тому творческому началу, которое с титаническим упорством берегли народности севера Сибири.[7] От себя добавлю: мифология, искусство, материальная культура, обряды, обы-

чай и быт обских угров настолько интересны, высокодуховны, сложны и, на первый взгляд, необъяснимы, что все измышления перед ними меркнут.

Примечания:

1. Каплин Н. С. Организация этно-экологического туризма на территории коренных малочисленных народов Севера // Вестник угроведения. №1. Х.-М. 2005. С. 209.
2. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды / С. А. Попова, науч. ред. Н. В. Лукина; Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, Департамент по вопросам малочисленных народов Севера, Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2008. С. 12.
3. Для детей мобилизованных... // Мегионские новости. Декабрь 2023 г.
4. Для детей мобилизованных... Там же.
5. Попова С. А. Указ. работа. С.108.
6. Хантыйский Дед Мороз ждёт в гости мегионцев в своей волшебной резиденции: [видео]. URL: <https://www.ugoria.tw/news/2023/11/28/67045> (дата обращения – 25.02.2024)
7. Лазарева Л. Г. К вопросу о периодизации исторического социокультурного развития обско-угорских народов // Вестник угроведения. № 1. 2005. С. 5.

Ибраева Расима Аламетдиновна
Автор многочисленных экологических и краеведческих проектов, значительная часть которых направлена на работу с детьми. Является неоднократным участником в открытом конкурсе дополнительных образовательных программ, учебно-методических материалов и виртуальных ресурсов. Постоянный участник областных и региональных научно-практических конференций окружного, Всероссийского, Международного уровней.

Автор ряда научных публикаций. В настоящий момент Ибраева Р. А. является научным сотрудником структурного подразделения МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» музей народных художественных промыслов и ремесел, ведёт деятельность в рамках музейного проекта «Вторая жизнь дерева» по сбору, фиксации информации нематериального культурного наследия аганской территориальной группы восточных ханты.

Традиции изготовления берестяной утвари у восточных хантов

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является местом исконного проживания (несколько тысяч лет) коренных малочисленных народов севера – ханты, манси и ненцев. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Соколова Зоя Петровна предполагает, что предки хантов и манси разделились в начале 1-го тыс. до н. э. А в 1-м тыс. н. э. сформировались локальные группы хантов: северные – освоились в Нижнем и Среднем Приобье, южные – в Нижнем и Среднем Прииртышье, и восточные – сложившиеся от взаимодействия северных и южных хантов дислоцируются на Средней Оби и ее притоках [1] Аган, Васюган, Вах, Лямин, Пим, Салым, Тромъёган, Большой и Малый Юган.

Именно восточная группа веками сохраняла многие архаичные черты культуры – домашнюю выделку железа, изготовление холста из крапивы и конопли, берестяные жилища и утварь. Изготовление различных вместилищ из бересты восточные ханты практикуют до сих пор.

Большинство мастеров, владея исконными

традициями обработки бересты, занимаются изготовлением сувенирной продукции. Представители этноса, проживающие на родовых угодьях и ведущие традиционный образ жизни, выживают в основном за счёт сбора дикоросов, оленеводства, рыболовства, охоты, в связи с чем проживают в отдалённых от населённых пунктов лесных территориях. В их хозяйстве одинаково бытуют как самодельно изготовленная посуда, так и приобретённая промышленного производства.

Данный факт подтверждает археолог Яковлев Я. А. в своей книге «На столе и вокруг него» из серии «Жизнь обских угров: взгляд изнутри». [2]

Ведущим традиционный образ жизни людям не всегда удаётся быстро заменить повреждённые и не пригодные для пользования вместилища промышленного изготовления на новые. В связи с этим в хозяйстве и домашнем обиходе большую роль играет берестяная утварь.

Изготовление любого предмета зависит от наличия сырья. Кора берёзы – доступное сырьё. К тому же это уникальный природный материал, лёгкий и пластичный, необыкновенно проч-

ный с разнообразной гаммой цветовых оттенков и богатейшим набором ценных свойств.

В случае применения бересты в качестве сырья, важное значение имеют сроки её заготовки. От этого зависит не только цветовая палитра сырья, но и эластичность и прочность.

Восточные ханты традиционно заготавливают бересту в конце июня и осенью до наступления морозов. По словам народного мастера П. В. Камкиной; «летом бересту можно снимать пока сок в берёзе играет. Слегка нажимая на нож, нужно сделать небольшой надрез верхних слоёв, и береста сама отходит от ствола, прикладывая усилия для снятия нет необходимости. Весной она эластична как кожа. Этот период короток, всего две – три недели. Поэтому, раньше старались не упускать время, так как делали большой запас природного сырья. Как только начинают распускаться листочки, сокодвижение прекращается, и кора у берёзы прилипает к стволу» (полевые материалы Ибраевой Р. А. 2022).

Дмитриев-Садовников Г. М. в своих трудах отмечал, что на Вахе бересту снимают три раза в год: 1) весной, по насту, 2) в начале июня или позднее, когда оно «на соку» и легче отстает от луба и 3) осенью, когда спадает листва. [3]

В зависимости от сезона заготовки качество и цвет бересты разнятся. Дмитриев-Садовников бересту делит на 4 сорта:

1) грубое коричневое, снятое по насту или осенью, со слегка сдёрнутой верхней белой плёнкой; оно не подвергается дальнейшей обработке и идёт прямо на приготовление предметов; оно сохраняет приданную ему форму, и на нём возможно производить узоры;

2) грубое не коричневое, содранное летом (без коричневой плёнки) и на некоторое время, выставленное внутренней стороной на солнце, благодаря чему краснеет или, вернее, желтеет; оно идёт в таком виде на поделки;

3) мягкое; оно подвергается дальнейшей обработке и идёт на приготовление предметов, которые приходится свёртывать, подобно полотнищам;

4) оклеечное, идущее на оклейку предметов. [4]

Поделочную бересту для изготовления домашней утвари все времена заготавливают женщины. Бересту, которую используют в течение нескольких дней хранят, сложив под влажный мох-сфагнум. Ту, которую заготавливают впрок, сложив друг на друга укладывают под гнёт, что-

бы она не коробилась и высохла ровной. Просушенная подобным образом береста, хранится долго. Перед использованием для придания эластичности её вновь смачивают.

Перед изготовлением различных вместилищ бересту очищают от верхнего шелушащегося слоя, срезают все грубые коросты и при необходимости придать большую эластичность, отмачивают в тёплой воде. Ещё в середине и конце XX в. некоторые мастера вываривали часть бересты в котле с водой, а также в рыбьем жире. Это придавало сырью особую влагонепроницаемость, прочность и долговечность. В настоящее время этим способом обработки практически не пользуются. Возможно, это связано с отсутствием большого количества рыбьего жира. Вместилища изготавливают из свежей бересты, зачастую на месте заготовки, пока кора сохраняет естественную природную эластичность.

В зависимости от качества сырьевого материала и функциональности вместилищ в хозяйствовании восточные ханты в домашних условиях изготавливают утварь разных форм и размеров. Набирки – вуньчип, вынчип, заплечные кузова – кынт, хинт, куженьки – савын, согэн, ай-савун используют для сбора дикоросов, хранения, обработки мяса и рыбы. Вместилища изготавливают из летней эластичной бересты. В основном это ёмкости квадратной, прямоугольной и трапециевидной в проекции форм.

Более плотную, грубую осеннюю бересту с нижним слоем бурых оттенков применяют для изготовления различных коробов, предназначенных для долговременного хранения сухих продуктов и предметов рукоделия, различных мелочей. Плотная структура сырьевого материала хорошо сохраняет ту форму, которую придают при изготовлении. Из такого сырья вместилища формируют круглыми, овальными или прямоугольными в проекции (т.е. дно у сосуда будет круглой, овальной или прямоугольной формы).

Короба цилиндрической формы маленьких размеров называют Ай-кучем (хант. ай-кучэм, ай-кэчэм). Более крупные вместилища подобных форм – Кучем (хант. Кучэм, кэчэм). Большинство подобных вместилищ дополняют накладными или вставными крышками (хант. аң алдэе ай-кучем, аң алдэе ай-кэчэм и аң алдэе кучэм, аң алдэе кэчэм). Короба прямоугольной формы у восточных ханты бытуют под названием Йэңэл.

Традиции изготовления берестяных вместилищ по сравнению с изготовленными в XX в.

практически не изменились. Со временем мастера стали менять некоторые виды сырья, применяющиеся для фиксации пластов бересты. Например, сухожильные нити, использовавшиеся для прошивки отдельных деталей, в настоящее время заменяют капроновыми нитками. Некоторые мастера, прошивку края устья стали выполнять ровдужными лентами, вместо традиционной черёмуховой и кедровой сарги. Фиксирующие форму устья и дна обручи из черёмуховых дранок иногда заменяют корнем кедра или ивовыми дранками, это зависит от произрастающих на местности пород деревьев. При необходимости склеивания деталей вместо рыбьего клея применяют быстросхватывающийся столярный клей.

Вне зависимости от выбранной формы и не-

хранится более 150 экземпляров берестяной утвари, которые были собраны в результате экспедиционных работ с конца 80-х годов XX века в различных родовых угодьях территорий Нижневартовского и Сургутского районов. Коллекция продолжает пополняться и в настоящее время.

1 Все хантыйские термины, использованные в данной статье, взяты из Сургутского диалекта хантынского языка, аганский говор.

Разнообразие предметов, входящих в эту коллекцию позволяет провести анализ по сохранению традиций изготовления берестяной утвари у восточных хантов.

В качестве примера рассмотрим традиции изготовления вместилищ цилиндрической формы, которые поступали в различные годы от представителей разных локальных групп. В большей

Рис.1. МКМ КП 7070 Рис.2. МКМ КП 7071 Рис.3. МКМ КП 7072 Рис.4. МКМ КП7073

обходимого размера короба создают белой стороной (рубашкой) внутрь. Чаще с двухслойными стенками. В этом случае пласты бересты складывают «рубашками» друг к другу с перпендикулярным направлением «чечевичек» – сосуды, предназначенные для дыхания ствола расположенные в поперечном направлении на поверхности бересты. Весной и летом они открыты, осенью и зимой, когда древесные находятся в состоянии покоя – закрыты. [5] Подобное расположение пластов бересты предотвращает их от скручивания и усиливает прочность.

Большинство подобной утвари дополняют съёмными крышками, которые, как и дно вместилищ формируют из двух пластов соответствующей форме вместилища. Два пласта бересты перпендикулярно накладывают «рубашками» друг к другу и склеивают.

В этнографической коллекции музейного фонда МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» (далее Экоцентр)

степени, вместилища цилиндрической формы передавали в музейный фонд Экоцентра ханты, локализованные по рекам Аган, Вах, Тромъёган и Малый Юган.

В результате исследования таких предметов выявлено, что в этнографической коллекции музейного фонда Экоцентра всего хранится 52 вместилища цилиндрической формы. Их размеры варьируют высотой от 6 см. до 76 см. Среди всех вместилищ этой коллекции имеется 39 предметов с берестяными поясками, укрепляющими верхние и нижние края стенок, 24 орнаментированных и всего лишь один предмет с деревянным дном и деревянной крышкой.

Выявлено, что для изготовления наружных стенок ай-кучем и кучем мастерами использован цельный пласт берёзовой коры. Для формирования внутренних стенок, иногда допускали сложение двух, реже трёх фрагментов бересты. С целью предотвращения скручивания пластов и придания большей прочности стенок, пласты

сложены с перпендикулярным направлением «чечевичек» и «рубашками» друг к другу. Нижний бурый слой бересты имеет более плотную структуру и долгое время сохраняется в первоизданном виде. Кроме того, бурый оттенок позволяет декорировать вместилище за счёт высветления тёмного слоя.

Стыки пластов, формирующих стенки, наложены друг на друга. Для влагонепроницаемости эти стыки приклеены рыбьим клеем. У вместилищ более позднего изготовления, подобные стыки зафиксированы мелкими стежками капроновых ниток.

Верхний и нижний срез стенок сформирован в круглой, реже овальной форме. По краю срезов с наружной стороны у большинства вместилищ наложены укрепляющие берестяные ленты, своего рода пояски. Их ширину мастера определяли индивидуально. Именно подобные пояски у вместилищ цилиндрической формы декорировали, высветляя узоры геометрического характера с преобладанием прямых, ломанных линий и различных фигурок, расположенных по одной линии (рис.1-4 декорированные вместилища цилиндрической формы из этнографической коллекции музейного фонда Экоцентра).

По контуру срезов с наружной и внутренней сторон, края всех пластов бересты плотно сжаты обручами из расщеплённого черёмухового прута или корня кедра. У более современных предметов они заменены на ивовые обручи. Поверх обручей края обшиты саргой. Аганские и Тромьёганские ханты для обшивки применяли в основном саргу из корня кедра, Ваховские и Юганские саргу из черёмуховых прутьев. Некоторые мастера применяли сухожильные нити, при отсутствии их заменяли плотными капроновыми нитками. Встречаются единичные экземпляры, у которых обшивка произведена полиэтиленовой бечёвкой.

В изготовлении крышек и дна исконные традиции сохранены более устойчиво. Практически все мастера формировали их из двух предварительно обработанных пластов бересты, относительно диаметрам устья и дна. Вырезанные круги у большинства вместилищ приклеены рыбьим клеем «рубашками» друг к другу. При этом пласты сложены с перпендикулярным направлением «чечевичек».

Практически во всех случаях верхний и нижний края плоскости крышек укреплены ободками из черёмухового прута или кедровой сарги, поверх которых произведена прошивка тонкой

саргой. У некоторых вместилищ, для прочности конструкции наложен двойной обод.

Сформированная плоскость дна пришта к нижнему срезу стенок. Практически у всех вместилищ на стыках дна и стенок с наружной и внутренней сторон подкреплены деревянными ободками или кольцами из тонкой полоски бересты (крайне редко из ровдуги). Прошивка выполнена саргой или нитками, с обхватом ободков, которые придают прочность конструкции и поддерживают заданную форму.

В отличие от однотипной конструкции дна вместилищ, крышки выполнены по-разному. В коллекции встречаются накладные крышки трёх видов:

1. в виде простого круга, которые изготовлены из двух слоёв пластовой бересты, наклеенных «рубашками» друг к другу, с перпендикулярным расположением чечевичек. Они укреплены рейками и прошиты только по контуру среза круга;

2. у большинства вместилищ накладные крышки, которые с нижней стороны снабжены обручем из расщеплённого прута черёмухи или узкой ленты из бересты, которые свободно накладываются внутрь окружности устья ёмкости;

3. накладные крышки, оснащённые небольшими бортиками, т.е. к нижней стороне крышки пришта кольцо, из плотной полоски бересты шириной 2-3 см. Бортик крышки накладывается с наружной стороны вместилища.

Первый вариант накладных крышек восточные ханты применяли для стационарных вместилищ предна-

значенных для хранения сыпучих продуктов. К стенкам их не фиксировали.

Второй вариант удобен тем, что крышка при наклоне не сдвигается. При переносе, транспортировке у большинства вместилищ

Рис. 5. МКМ КП 76

их фиксируют тесёмками, которые пришта к стенкам в виде широких петель. На одной петле имеется деревянный брусок-крепилка.

Третий вариант более надёжный. При 2-3 см ширине бортика (кольца) крышка плотно, в при-

тирку закрывает ёмкость и не требует дополнительной фиксации (рис. 5). Кроме того, подобную крышку можно перевернуть и надеть на дно снизу, превратив закрытую коробку в дисплейную ёмкость. Подобные крышки возможно использовать и в качестве отдельной тары, например, для черпания и приёма воды или сбора ягод. В исходное состояние можно вернуть её в любой момент. Подобные крышки в основном изготовлены для ай-кучем или для прямоугольных плоских коробок, служащих своего рода контейнерами для готовой пищи.

Часть вместилищ снабжены вставными крышками. У таких крышек бортик пришит к плоскости покрывки отступив определённое расстояние от края круглой плоскости покрывки (зависит от толщины стенок вместилищ). Для прочности на месте стыка берестяной ленты с плоскостью вставляют обручи из тонкой деревянной дранки или полоски бересты. Прошивка проведена нитками с охватом дранок. При применении по назначению бортик крышки вкладывается во внутрь вместилища, вдвигается в него, держится плотно и прочно. Несмотря на плотную установку бортика крышки внутрь устья большинства вместилищ снаружи их фиксируют за счёт двух ровдужных петель прикрепленных к краю стенок. На одной из них имеется деревянная крепилка, служащая застёжкой (рис. 6 - 8 МКМ КП 7072).

Вместилища цилиндрической формы, выполненные мастерами разных локальных групп по технологии изготовления, имеют как общие черты, так и отличительные. Основной отличительной чертой являются конечно орнаменты. Композиции Ваховских и Юганских мастериц не спутать ни с одним из других локальных групп. Затем, локальную принадлежность можно отличить по

деревянными ободкам, фиксирующим форму вместилища. Аганские и Тромьёганские мастерицы во все времена счищают с них кору. Юганские, удаляют фрагментами, т.е. чередуют часть прута с корой с очищенной частью. На их вместилищах создаётся своеобразный орнамент чередующихся квадратов или прямоугольников и более сложный в виде зубов щуки. Иногда на ободке сохраняют кору полностью. Только у Ваховских мастериц встречается профилировка краёв.

Стежки прошивки индивидуальны для каждой мастерицы. В независимости, выполняют они прошивку саргой или нитью, свой почерк выдерживают в создании любых вместилищ.

Исследования позволяют утверждать, что по технологии изготовления вместилищ из бересты восточные ханты до сих пор следуют традициям своих предков, с момента заготовки сырья и до получения готовых вместилищ.

По сравнению с XX в. мастера заменяют лишь некоторые материалы в том числе дранки и саргу одних древесных видов на другие более доступные.

Список литературы.

1. Соколова З. П. Ханты // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». Актуализация: редакция этнологии и антропологии. – 2023 – [Электронный ресурс <https://bigenc.ru/c/khanty-87a55a>];
2. Яковлев Я. А. На столе и вокруг него // Сер. «Жизнь обских угров: взгляд изнутри». Т. 1 – Томск: Изд-во Том. ун-та – 2011 – С. 64;
3. Дмитриев-Садовников Г. М. // Версты и строки – Екатеринбург – Средне Уральское книжное издательство – 1998 – С. 90;
4. Там же – С. 91;
5. Юрченко В. Н. Декоративно-прикладное искусство. Курс лекций для студентов специальности 02 06 02 01. 2015. С. 141.

Рис. 6. Ай-кучем со вставной крышкой Рис. 7. Ай-кучем закрытый Рис.8. Фиксация крышки, вид сверху.

Хранитель народных традиций

Время летит неуловимо. Старейшина села Варьёган Полина Васильевна Казамкина стала сотрудничать с МАУ «Региональный истори-

ко-культурный и экологический центр» (МАУ Экоцентр) в конце 1980-х. Причиной знакомства стали первые экспедиции по хантыйским и ненецким стойбищам в окрестностях национального посёлка Варьёган, организованные В. И. Сподиной. Нельзя было не заметить среди всех небольшую, скромную женщину, одетую в ярко расшитую национальную одежду. Подобную одежду нигде не приобрести. Было понятно, что создавала она их сама. Аккуратная, тонкая работа, выполненная с чувством цвета и соблюдением народных традиций, привлекает взгляд. Оказалось, что кроме шитья Полина Васильевна умеет очень много. Она работает с мехом, берестой, плетёт из бисера и из корней кедра, ранее обрабатывала и кости. Она знает и много народных сказок, легенд.

Невольно возникает ряд вопросов: Откуда такой дар? Кто научил? И т. п.

Полина Васильевна рассказывает, что родилась и выросла на родовых угодьях Махи-сир (бобра) на Деревянной речке, между Старым Аганом и Варьёганом. Хантыйские стойбища располагались в белоснежном святом бору на местности Лулнэ Рап – «Лягушкин яр». В нача-

ле и середине XX века большой святой бор на родовых угодьях Махи-Сир населяло много народа. Одни семьи жили в чумах, большинство в рубленых деревянных избах. Практически все взрослые были опытными мастерами, интересными сказителями.

С самого детства Полина Васильевна, как и все дети, живущие в традиционной среде, в долгие зимние вечера крутилась поближе к старшим представителям рода. Под их руководством играли и разгадывали развивающие головоломки, слушали сказки, легенды. С тех времён она помнит, например, старинную легенду о том, что род Айпиных берёт своё начало с того момента, когда на верховьях реки Аган спустилась с небес на землю посреди большого ягельного бора Сиңки йахэм Таёжная Божественная женщина – Вунт луңу нэ.

С малых лет принимала участие во всех проводимых традиционных обрядах, посвящённых разным божествам: хранительнице реки Аган – Охэн Ими – Аганской Богине, Мэх Анки – Матери-Земле и Най Анки – Матери-Огня, локальным духам Йэнк урт ики – Водному духу, Йохэм урт ики – Духу леса. Любила она слушать исполнителей устного фольклора, с большим любопытством наблю-

дала за исполнителями сенок, розыгрышей и плясок на «Медвежьих игрищах» и других традиционных праздниках. Впитывала традиции и обычаи своего народа, уважительное отношение к культуре своего народа – аганских ханты, училась бережному отношению к живой природе.

Рукодельничать Полина Васильевна начала тоже рано. Мама, Наталья Васильевна Айпина (дев. Покачева), была умелая хозяйка, научила дочь кроить, шить меховую и суконную одежду, различную обувь, мастерить различные берестяные изделия, утварь, плести корневатки.

«Совсем маленькую мама начала учить шить. Она не боялась, давала иголку, нож и говорила, что нужно обшить куклу, что она в одной и той же одежде каждый день. Чуть позже, объяснила, что каждая девочка имеет свою игольницу, научила делать нити из сухожилий. И кости на-

учила резать и обрабатывать. Крепилку для сухожильных нитей все делали раньше из кости. Мама ещё изготавливала лёгкие и удобные костяные игольники из трубчатых костей птицы. Иголки в них не ржавеют, хранятся многие годы. В те времена важно было сохранять иголки в

хорошем состоянии, бронзовые и стальные иголки ценились высоко. Потом и короб для хранения игольницы и других принадлежностей необходимых для рукоделия изготовила сама.

Тихонько стала шить себе одежду, сначала платья, юбки, обшивала их полосками, орнаментами. Среди других хотелось иметь более красивую одежду. Потом стала и обувь сама изготавливать, а для этого нужно было выделывать камус для бурок и кис, подготовить ровдугу для ныриков.

Училась многому и у соседней, наблюдала как женщины выделывают шкуры, рыбью кожу, как и чем их окрашивают. Запоминала и впитывала все тонкости, названия и значения орнаментов, как шилом работают, как режут, как прошивают.

Шить мех тоже не сложно, сложно вырезать орнамент и собрать его на одежде. Время много забирает, а мне же хотелось бегать, играть. Часто убегала с мальчишками на рыбалку» – рассказывая, она улыбается.

Много жизненных тайн открыл Полине Васильевне её отец, Василий Ефремович Айпин. Живая, активная девочка Полина ходила с отцом ловить рыбу, проверять охотничьи ловушки. Помогая отцу, она рано научилась заготавливать

для ремонта снастей корни кедра и черёмуховые прутья. Опыт по деревообработке со временем довела до совершенства, изготавливая вначале различные игрушки из щепы, бересты, древесины. Позже стала мастерить различную утварь из бересты и корней кедра.

Всё, чему Полина научилась в юные годы, помогало ей в самостоятельной жизни, когда покинула родное стойбище. В п. Аган уехала уже умелой мастерицей, владеющей старинными традиционными технологиями по деревообработке, пошиву и декорированию одежды, меховой и ровдужной обуви. Очень хорошо знала секреты выделки шкур. В совершенстве владела родным языком, хорошо знала и свободно общалась и на русском.

Однако она всегда предпочитала жить в природной среде, поэтому как вышла замуж, сразу перебралась на стойбище мужа Казамкина Галактиона Никитовича на небольшой приток реки Ампута. Красивые места с множеством озёр и клюквенных болот по душе пришлись ей.

Ханты реку Ампута называют Кавахын, Кавэнг Ахын, то есть, Аган, но болотистый, клюквенный. Название соответствует действительности. Богатые места, и не только клюквой. В озёрах и реке достаточно рыбы, бора беломошники позволяют разводить оленей, богаты брусничкой и другими дикоросами.

Здесь Полина Васильевна с Галактионом Никитовичем вырастили двоих дочерей и двоих сыновей. Научили любить и ценить родной край, бережно относиться к природной среде. В сегодняшние дни младшая дочь, Вера Галактионовна, проживает вместе с Полиной Васильевной на территории традиционного природопользования на р. Ампута. Сюда П. В. Казамкина переселилась несколько лет назад. «Удобнее жить на берегу реки, да и бетонная дорога ближе, что немаловажно для пожилого человека» – говорит она.

Между домашними хлопотами по хозяйству и рукоделием Полина Васильевна самостоятельно собирает и обрабатывает дикоросы. До сих пор сама ловит рыбу и заготавливает дрова. Ловко управляет вёртким неустойчивым облачком.

В родном посёлке с Полиной Васильевной знакомы все, от мала до велика. Знают, что она умелец с золотыми руками. Ни для кого не секрет, что добывает, обрабатывает и создаёт всё сама. Своими умениями и опытом делится со всеми, кто проявляет интерес к её ремёслам. Как опытный

Туристские истории

наставник она обучает своих «подмастерьев» начиная со знакомства с предметом, со способом его применения в быту и промыслах. Раскрывает всю технологию от подготовки необходимых ин-

струментов, предварительной подготовки сырья, этапы изготовления – до готового изделия. Полина Васильевна терпеливый и опытный наставник. Она способна научить навыкам мастерства, любого просящего его желание перенять её опыт.

20 декабря ей исполняется 84 года, но она всё ещё та же непоседа, что и в детстве. Ни минуту без дела не проводит, то шьёт, то плетёт, то ловит и обрабатывает рыбу.

Коллектив МАУ Экоцентр поздравляет Полину Васильевну с Днём рождения, а также с заслуженной наградой «Премией Губернатора ХМАО-Югры мастерам народных художественных промыслов ХМАО-Югры» за 2024 год!

Расима Ибраева

PS. К поздравлениям коллектива Экоцентра присоединяется и редакция «Глагола» и вместе с ними желает Полине Васильевне крепкого здоровья, хорошего настроения, силы духа. Оставайтесь всегда юной душой. Спасибо вам за то, что вы есть! За вашу любовь к народным традициям, культуре! Пусть каждый год будет наполнен для вас радостью, счастьем и гармонией. Радуйте всех своей улыбкой каждый день ещё много, много лет.

Среди самых ярких впечатлений лета уходящего года сегодня могу назвать этот удивительный Храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в селе Чёлмужи на восточном берегу Повенецкого залива Онежского озера. Чаще этот храм ещё называют Богоявленским.

Как известно, в Заонежье, в Толвуде (откуда был родом и преподобный Зосима Соловецкий), находилась в ссылке мать первого русского царя из рода Романовых — боярыня Ксения Ивановна, которую перед тем, как отправить в Тмутаракань, за сотни вёрст от Москвы, по приказу пришедшего к власти Бориса Годунова постригли в монахини под именем Марфа. Её муж, Фёдор Никитич Романов — старец Филарет.

Церковь пережила пять строительных периодов. В 1577 году был построен клетский храм, на что указывает дата на деревянном кресте, расположенном в храме. В дальнейшем, на судьбу церкви повлияли события, связанные с царской династией Романовых. По преданию, в 1605 году церковь была перестроена на пожертвования княгини Ксении Ивановны Романовой при освобождении из заточения (в постриге - инокини Марфы) – матери будущего царя Михаила. Ранее в Богоявленской церкви располагалась родовая икона дома Романовых – икона Божьей Матери, пожертвованная храму царём Михаилом Федоровичем Романовым...

Но удивительна не только история храма, но и то, что там до сегодняшнего дня, более четырёх веков, продолжают идти службы...

Татьяна Юргенсон,
фото автора

ПРОЗА

Кириллов Игорь Викторович (литературный псевдоним Игорь Северский). Родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области. С 1976 года живёт и работает в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

В 1987 году окончил факультет журналистики Уральского государственного университета.

Работал корреспондентом, заместителем главного редактора газеты «Ленинское знамя» («Местное время») города Нижневартовска.

В 1997 году в издательстве «Приобье» (Нижневартовск) вышел первый авторский сборник «Письмена». Второй авторский сборник «Фрески» вышел в 2004 году.

С 1998 по 2006 год работал руководителем пресс-службы Думы Ханты-Мансийского автономного округа, а с 2006 по 2010 год – пресс-секретарём главы Нефтеюганского района.

Член Союза журналистов России и член Союза российских писателей.

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Лауреат творческого конкурса

Ханты-Мансийского отделения Союза писателей России в номинации «Очерк».

Живёт в посёлке Сингапай Нефтеюганского района.

Журналистский билет

«Красная корочка» в переходный период

Не знаю, как для вас, нынешних, а вот для нас, журналистов из прошлого века членский билет Союза журналистов СССР, та самая «красная корочка» была предметом особой гордости. Были среди нас такие, кому он заменял все документы: паспорт, профессиональное удостоверение и даже диплом о высшем образовании. Легенды о нём складывались. Байки, которые передавались из уст в уста на каких-либо профессиональных междусобойчиках. Когда-то их в нашем сообществе было великое множество. Они проходили и в столице, и за границей, не говоря уже об областных центрах.

Коллеги встречались, общались, рассказывали друг другу байки из своей многотрудной жизни.

Создавался эдакий журналистский фоль-

клор. Правда, друг за другом ничего не записывали. Могли ведь неправильно истолковать. Так в памяти эти байки и живут. И касаются они нашего великого профессионального символа – членского билета Союза журналистов СССР

Байка, рассказанная журналистом из Нижневартовска. Эшелон с детьми

Подрядились мы как-то с приятелем, тоже журналистом, поработать во время летнего отпуска воспитателями в пионерском лагере. Он располагался в окрестностях Нальчика и детям, выросшим в местностях, приравненных к Крайнему Северу, были весьма полезны и тамошний климат и хрустально чистая вода, и солнце, и горный воздух. Вот ради всего этого на берегу речки Ак-Су была арендована турбаза и создан детский оздоровительный лагерь...

Не стану описывать все прелести отдыха на Северном Кавказе, остановлюсь лишь на двух моментах, которые важны для нашего повествования. Добирались мы к месту отдыха поездом, был сформирован специальный эшелон. Возвращаться должны были точно таким же образом. Надо заметить, что в лагере существовала и вторая смена, и весь педагогический состав задерживался на берегах речки Ак-Су ещё на месяц, а те, кто не задерживался, – северный отпуск велик и весьма продолжителен, имели свои виды на его дальнейшее проведение.

И вот заканчивается лагерная смена, вызывает нас с приятелем руководитель лагеря и объявляет, что я назначаюсь начальником эшелона, в котором дети поедут от места отдыха к месту жительства, а мой приятель на это время становится моим заместителем.

Эшелон – шестнадцать вагонов. Под моё начало поступает шестнадцать пионервожатых – студентки педагогического училища в возрасте от шестнадцати до семнадцати лет. Сами ещё по сути дела подростки – тинэйджеры. А ещё четверо взрослых – волонтеры, которые специально прилетели из нашего северного города для того, чтобы сопровождать детей. Когда мы ехали в лагерь, то взрослых было гораздо больше. А сейчас – в эшелоне шестнадцать вагонов, в каждом более полусотни ребятишек, да и прежний начальник эшелона – он же начальник лагеря – не в пример мне был человеком гораздо более опытным во всех этих делах.

Но делать нечего – сели-поехали. У нас в эшелоне был, естественно, вагон-ресторан, в котором на протяжении нескольких суток предполагалось кормить ребят. Бригада проводников, которую возглавлял начальник поезда – молодой энергичный человек с греческим именем Самсон.

Когда эшелон подходил к Ростову, начальник поезда мне доложил, что в вагоне ресторане вышел из строя один из холодильников. Если его не отремонтировать или не заменить, то испортятся продукты. Стоит сорокаградусная жара, и до Урала похолодания не ожидается. Может возникнуть реальная угроза здоровью детей.

Прибываем на станцию Ростов, обращаемся к местным железнодорожникам, а те предлагают нам следовать своим маршрутом далее. Мол, холодильников у них нет, а вы уж сами выкручитесь из этой ситуации, авось ничего не слу-

чится. Такие аргументы, что на борту у нас более шестисот детей на них не действуют.

И тогда мой коллега – начальник поезда принимает жёсткое решение. Он приказывает группе проводников встать у рабочих тамбуров с красными флажками. Это означает, что поезд к отправке не готов и будет стоять на месте.

В вагонах духота, дети рвутся на перрон – купить мороженое и прохладительные напитки. Но мы уже выбились из графика. Никто не знает точно: когда тронемся дальше. Наш поезд давно должен был покинуть станцию Ростов. На подступах к ней скопилось несколько пассажирских составов, рушится расписание, местные начальники рвут и мечут, но бригада проводников держит оборону и не убирает красные флажки. Без холодильника далее следовать нельзя. Но его нам не дают, и мы с приятелем ходим по инстанциям. Поднимаясь всё выше и выше по иерархической лестнице железнодорожников, мы останавливаемся перед приёмной начальника дороги. Все предыдущие ответственные товарищи уже отправили нас по известному адресу. Поэтому прорываемся к самому высокому чину.

Это даже не генерал, а что-то вроде маршала рода войск. Мы в его глазах – пыль. Очень сомневаемся в том, что нам удастся преодолеть приёмную. И тут приятель меня спрашивает:

– У тебя журналистский билет с собой?

– Да, – отвечаю я.

– И у меня с собой. Вот их-то мы сейчас и предъявим.

Сказано – сделано. Перед глазами секретарши возникают два удостоверения членов Союза журналистов СССР. И происходит чудо. Мы попадаем в кабинет начальника дороги, рассказываем ему о нашей беде, и он отдаёт распоряжение установить у нас в вагоне-ресторане новенький холодильник. На это уходит не более часа. Правда, за это время один из наших юных пассажиров, преодолев линию охраны из воспитателей и пионервожатых, через вагон-ресторан, сбегает на привокзальную площадь купить мороженое. Обнаруживается это в тот момент, когда поезд трогается. Но ждать никого нельзя, красные флажки убраны.

Я оставляю одного из взрослых волонтеров – самого надёжного для поиска и сопровождения беглеца, а наш эшелон несётся прочь из негостеприимного Ростова.

Где-то в районе Воронежа приходит известие

о том, что мальчик пришёл в линейное отделение милиции, где встретился с сопровождающим. И теперь вдвоём они следуют к месту назначения. Мы же с приятелем сидим у себя в купе и внимательно рассматриваем «красные корочки», на которых золотом вытеснено «Союз журналистов СССР».

Смотрим и пытаемся понять: что же за магическая сила заключена в них. Да, такая, перед которой не устоял даже такой высокий железнодорожный начальник? Такая, благодаря которой, эшелон с детьми-северянами теперь спокойно следует своим путём, навёрстывая отставание от графика.

Это было время, когда прессу объявили уже четвёртой властью. Нас, скажем так, очень уважали высокие начальники, в обществе не было утрачено представление о кастовости нашей профессии. И вместе с тем в наших руках оказался очень важный и весомый аргумент – свобода слова. Любой представитель нашего цеха, опираясь лишь на удостоверение члена Союза журналистов, мог достучаться куда угодно, вплоть до центральных газет и центрального телевидения. Существовала профессиональная солидарность.

И это понимали люди, занимавшие высокие посты. И принимали, как скажем, в нашем случае простое решение – не связываться. От греха подальше. Ну что такое для начальника дороги один холодильник? Пыль. Говорить не о чем.

А, может быть, мы что-то не так поняли? И высокий железнодорожный чин просто нас услышал и вошёл в наше положение, пожалел шестьсот северных ребятишек, которые изнывали от духоты и жажды в перегретых вагонах и очень хотели домой. А наши журналистские удостоверения лишь позволили нам до него достучаться? Может быть. Мне больше по душе последнее утверждение.

Байка, рассказанная журналистом из Сургута. «Я старый бериевский милиционер»

Аэропорт Сургута. Я провожаю жену с детьми. Они летят в отпуск к её родителям. А пересадка у них в Омске. До Омска в то время летал самолёт АН-24. Вещи нужно было нести с собой до самого трапа. Дети маленькие, чемоданов много, рук мало. Но над нами сжалились. После регистрации мне было позволено, несмотря на отсутствие билета, сесть вместе с пассажирами в

автобус и доехать со своими аж до самого борта. Это радовало. А ещё больше радовало то обстоятельство, что пройдёт совсем немного времени и большая часть моей семьи с головой окунётся в густое гостеприимство и смачное изобилие казахской степи. Они попадут в круг родных и близких людей, будут в неограниченном количестве употреблять парное молоко, экологически чистые овощи, есть столько мяса, сколько захочется, а не то количество, что определено Сургутским исполкомом на душу населения. В городе уже были введены талоны, и потребление мяса нормировалось.

Радовало также то, что появлялась гипотетическая возможность заняться подготовкой к нависающей сессии в Университете, написать пару контрольных работ, что-то почитать в тишине.

Нужно сказать, что мы – я и мои коллеги, в ту пору не только учились, совершенствовались в журналистском мастерстве, делали карьеру, но и весьма активно занимались семейным строительством. У каждого из нас была жена, маленькие дети. Мы были весьма примерными отцами – добывали продукты питания, места в детских садах, хлопотали о новых квартирах. Всё это отнимало уйму времени, мешало сосредоточиться, но многое нам удавалось.

И вот я шагаю к самолёту, тащу тяжёлую поклажу и понимаю, что через несколько минут буду совершенно свободен от семейных обязанностей. Последний поцелуй у трапа и всё – можно возвращаться. Как тут не вспомнить фразу из кинофильма «17 мгновений весны»:

– Сладкий воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером дурную шутку.

Вместо того, чтобы дожидаться пока все пассажиры сядут в самолёт и на автобусе, вместе с сопровождающим, возвращаться в здание аэропорта, я разворачиваюсь и начинаю топтать к зданию вокзала один. Двигаюсь и понимаю, что ходить здесь посторонним запрещено. Об этом гласят надписи, но что они мне. Я же свободен, а на всякий случай в кармане у меня удостоверение члена Союза журналистов СССР – документ, как мне тогда казалось огромной силы.

Остановил меня властный окрик:

– Гражданин, ваши документы!

Передо мной стоял милиционер в белой парадной рубашке и с погонами подполковника. Я и раньше видел эту довольно странную фигуру на перроне Сургутского аэровокзала. Судя

по тому, что делал этот офицер, мне было ясно, что он обыкновенный дежурный линейного отдела внутренних дел. Но на этой должности находились, как правило, рядовые, ну в лучшем случае сержанты. А тут – подполковник. В белой парадной форменной рубашке с золотыми погонами старшего офицера. Вот этого несоответствия я понять не мог, и меня всё время подмывало обратиться к этому стражу порядка за разъяснениями.

Но с другой стороны – не подойдёшь же к весьма пожилому и почтенному человеку – представителю власти и не станешь же спрашивать:

– А, скажи, дорогой! Как же ты докатился до такой жизни, что в звании подполковника служишь на сержантской должности? За что это тебя так? За низкопоклонство перед «белой», а может быть за какие иные прегрешения?

А тут случай представился. Подполковник стоял передо мной и требовал предъявить документы. Ну, я и предъявил свои «корочки». Нет, вовсе не для того, чтобы ими козырнуть, поставить на место стража порядка – просто других документов у меня с собой не было, а журналистский билет предоставлял возможность для продолжения разговора в конструктивном русле и доброжелательном тоне.

Но реакция милиционера была совершенно противоположной той, что я ожидал. Он весь изогнулся будто бы от удара, его лицо исказила страшная гримаса, в глазах, как говорится, плескалась ненависть. Подполковник начал орать, перемежая свою речь отборным матом. Мол, де, я, старый бериевский милиционер, верой и правдой служу десятки лет, а эти писаки, бумагомайки, щелкопёры смешивают меня с дерьмом, нарушают да ещё «корочки» в нос суют.

Особенно меня потрясло выражение «я старый бериевский милиционер». Никогда ранее, ни потом я не слышал от работников правоохранительных органов подобной самоаттестации. Ну, понятно там – соратник Железного Феликса, гроза воров и бандитов, работник МУРа и или местного уголовного розыска. А тут старым доблестным служакой в качестве морального авторитета упоминается сам Лаврентий Павлович...

В то время, да, пожалуй, и сейчас, имя этого государственного деятеля страны Советов было синонимом слов «палач», «опричник», «каратель». И гордиться тем, что ты «старый бериевский милиционер» мог себе позволить только

весьма и весьма неординарный человек. Тот, кто имел свою точку зрения на историю Отечества и роль отдельных его лидеров. Тот, кто никогда, ни при каких обстоятельствах не изменял однажды выбранным идеалам и авторитетам. Человек, обладающий строптивым характером и, наверное, поэтому, несмотря на звание подполковника, занимающий сержантскую должность.

Когда страсти улеглись, мне удалось выяснить, чем же так досадили работники прессы этому весьма пожилому стражу правопорядка.

Оказалось, что действительно этот подполковник служит рядовым дежурным в линейном отделе внутренних дел, поскольку своё звание он заработал, как говорится «по выслуге лет». Вот так – служил, служил и дослужился. Дали. Образования соответствующего он не имеет и носит звание старшего офицера и золотые звёзды на погонах за очень и очень долголетнюю и безупречную службу. Без пьяных залётов, нарушений дисциплины и социалистической законности. Казалось бы, образец положительного героя. Ан, нет. Пресса его обидела и как он считает незаслуженно. Вот всё это он выговаривал мне.

В чём тут было дело? Это сегодня аэропорт Сургут – объект, ограждённый высоким бетонным забором, с территорией, защищённой по всем правилам. А в те времена была в устройстве его ограждений одна особенность. Назовём её «дырка в заборе». Причём те, кто пользовался этой дыркой весьма и весьма сокращали себе путь до автобусной остановки. Так что пользоваться ею было удобно и приятно. Ну, знаете – есть правильный, но длинный путь, а есть короткий через «дырку в заборе». В нашем случае забор представлял заграждение из колючей проволоки, преодолеть которое можно было легко и просто. Об этой «дырке» знали все, в том числе и те, кто должен был следить за тем, чтобы в неё не лазали.

Но наш законопослушный народ продолжал ею пользоваться, такая сложилась традиция и на это обстоятельство все махнули рукой. Все, кроме нашего подполковника. Он боролся с этим как мог: писал докладные куда следует, требовал усовершенствовать ограждение. Ничего не помогало. Традиция оказалась сильнее всех инструкций и предписаний. А на все его увещания был только один ответ – нет средств.

Тогда он нашёл выход. Взял, да и густо измазал колючую проволоку автомобильной смазкой, а

может быть и гудроном – не помню. И вот, одна дамочка, преодолевая заграждение в неполюженном месте, изрядно испачкалась. Некоторые её весьма добротные вещи пришли в негодность. Она пожаловалась в газету, газета эту жалобу опубликовала. Подполковника взгтели, и весьма основательно. Вот так его отблагодарили за служебное рвение.

– Да я же не козырёк с электрическим током надстроил над «колочкой», – возмутился он. Раз запрещено, значит запрещено. И нечего лазать. За что же меня на страницах газеты, принародно, да лицом в грязь. (Выразился он по-другому, но смысл я передаю верно).

– Я к Вам, как к представителю прессы обращаюсь, – наседали на меня. И вы, и мы должны интересы власти отстаивать, а вы становитесь на сторону злостных нарушителей. До чего же мы так докатимся?

Мы тогда ещё не знали, что пройдёт много лет, и офицер линейного отделения милиции в московском аэропорту будет активно способствовать тому, чтобы террористка, беспрепятственно преодолев заградительные и контрольные барьеры, пронесла на борт самолета взрывчатку, которую и взорвала в воздухе. Погибли люди, сгорел самолёт, престижу государства, его органам власти и правопорядка был нанесён огромный урон. Но это произойдёт много лет спустя, а пока мы беседовали, и отнюдь не мирно, со старым бериевским милиционером. Правда, не в дежурке, а неподалёку от взлётно-посадочной полосы на территории, запретной для вольного хождения.

Мне хватило ума не надувать щёки, не лезть в бутылку, а может быть, я просто испугался, покорно стоял и слушал этот выговор-исповедь и конфликт потихоньку исчерпал сам себя. Дежурный милиционер в белой рубашке с погонами подполковника отпустил меня с миром. Возможно, удостоверение члена Союза журналистов СССР произвело на него определённое впечатление, и когда обида была выплеснута из души наружу, он вспомнил о том, что вроде бы мы служим одному делу. А свои есть свои.

Вместо эпилога

А у меня самого с членским билетом Союза журналистов СССР связана вот такая история.

Как-то весной 1993 года отправила меня главный редактор в командировку в Москву, на съезд

народных депутатов. (А может не на съезд, а на заседание Верховного Совета РСФСР, точно не помню). Должен сказать, что подобная практика сложилась ещё с первого союзного съезда, который проходил в 1989 году.

В Москву валом повалили журналисты из многих провинциальных газет, чтобы воочию убедиться, как там работают народные избранники, а потом предельно честно рассказать обо всём избирателям.

Я не ездил. Охоту к этому у меня отбил рассказ коллеги из окружной газеты. Мы встретились, когда он вернулся с первого съезда союзных депутатов.

– Ну, как там было? – спросил я его. Этого видел? А этого? А у этого интервью брал?

– Да никого я там не видел, – отвечал он мне. Я даже из своего номера в гостинице «Россия» не выходил. А зачем? Сажу в своём номере в удобном кресле, вино сухое попиваю. Смотрю телевизор. Идёт прямая трансляция. Всё фиксирую, пишу очередной материал со съезда и диктую по телефону прямо в редакцию.

А ведь прав он, подумал я тогда, и больше ни на какие съезды не ездил. Но к 1993 году обстановка начала меняться. Разгорался конфликт между Президентом Борисом Ельциным и съездом народных депутатов, Верховным Советом РСФСР. Появлялась некая фабула, своя драматургия. И я решил один раз съездить.

– А как там с аккредитацией? – задал я вопрос главному редактору.

– А никак, – ответила она. Предъявишь билет Союза журналистов СССР и получишь доступ в пресс-центр.

Можем ли мы сегодня попасть без аккредитации, хотя бы на заседания городской думы? – спрашиваю я вас, коллеги, не говоря уже об иных заседаниях других законодательных органов. А тут.

Вот предъявляю я в Москве свой членский и билет и попадаю в пресс-центр. А он располагался, надо сказать в Кремле, в Георгиевском зале. Между белых мраморных колонн, на которых высечены имена всех георгиевских кавалеров, расставили столы для журналистов, на высоких подставках – мониторы. Идёт прямая трансляция. Вдоль стен – тумбы с телефонами. Бесплатная междугородняя связь с любой точкой России. Пиши – не хочу.

Только вот работа съезда, а может и Верховного Совета, что-то не заладилась. Борис Ельцин

не желал общаться с депутатами, а без него не начинали. Муссировались слухи, что Президент вот-вот разгонит высший орган государственной власти. Оставалось только угадать – в этот раз или в следующий. Пища для размышлений была, но вот порция была слишком скудной.

И тут подходит ко мне коллега из областной молодёжки. Назовём её Ирэнной. Подходит и говорит:

– Слушай, там Жириновский ходит. Давай возьмём у него интервью.

А я знал, что Владимир Вольфович аккредитован на съезде от своей газеты «Соколы Жириновского». Партия тогда набирала силу, близился её политический триумф. Но это всё было впереди. А пока дорогу в пресс-центр Владимиру Вольфовичу открыло газетное удостоверение.

Вообще-то я считал дурным тоном брать интервью у коллег. Это всё равно, что с самим собой разговаривать. Поэтому стал убеждать Ирэнну отказаться от задуманного, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Так оно и получилось. Едва лишь мы подошли к Владимиру Вольфовичу и Ирэнна попросила его ответить на некоторые вопросы, как вопросы ей начал задавать сам Жириновский. И довольно в резкой форме. Он её спросил, что она вообще тут делает и почему не занимается мужем и детьми. Ну и в таком духе.

Наверное, вождь ЛДПР думал о великом и важном и его раздражала беспардонность коллег. Нас выручили представители иностранных изданий. Они стояли рядом и перехватили инициативу. Беседа плавно перешла на английский язык. Владимир Вольфович довольно бойко изъяснялся на нём. Видимо сказала приличная языковая практика... Мы ретировались.

Ирэнна потерялась, а я узнал, что формируется делегация из числа депутатов для встречи с Борисом Ельциным. Как я понял, нужно сесть в микроавтобус, доехать на нём до гостиницы «Россия», там к нам подсядут ещё группа депутатов и после этого все поедут на Старую площадь. Там в одном из зданий и состоится беседа.

Никаких пропусков у меня, кроме билета Союза журналистов СССР не было. Но я беспрепятственно сел в микроавтобус. Возле гостиницы «Россия» меня из него не высадили, и я доехал до Старой площади. А вот уже здесь меня дальше подъезда не пустили. Возле входа стояла рамка металлоискателя, рядом с ней – люди в

форме. Они-то мне и указали на дверь. Я вышел из подъезда и тут возле него остановился автомобиль с Президентом. Я буквально вжался в стену возле входной двери.

Борис Ельцин прошёл мимо меня. Лицо его было мертвенно бледным. Да и не лицо вовсе, а сплошная презрительная гипсовая маска. Волосы на голове были тщательно уложены. Но мне вдруг показалось, что это не живой человек, а манекен, робот, андроид – всё что угодно, но только не живой, мыслящий, сомневающийся человек, с которым можно о чём-то спорить, о чём-то договариваться.

Мелькнула мысль о том, что дни Верховного Совета и съезда народных депутатов России сочтены. Октябрь 1993 года подтвердил верность моих прогнозов.

Я вернулся домой. Потом прошёл референдум по новой российской Конституции, выборы депутатов Государственной Думы первого созыва и судьба опять занесла меня в Москву. Мне нужно было попасть в Законодательное собрание страны, нижняя палата которого работала на Охотном ряду.

Владимир Вольфович Жириновский уже возглавил довольно многочисленную фракцию. Он входил в российскую политическую элиту, утверждался как законодатель отечественной политической моды. И всё это было всерьёз и надолго. Народные депутаты, пережившие расстрел Белого дома, но не покинувшие его, возвращались в свои регионы с «волчьим билетом». Но я сейчас не об этом. В здание Государственной Думы я решил пройти, предъявив на входе членский билет Союза журналистов СССР.

– Ну как же, – думал я по этому документу я проходил в Кремль, в Георгиевский зал.

Но Боже, как я ошибался. Плотный прапорщик, дежуривший на входе возле одной из рамок едва взглянув на мою «красную корочку» процедил сквозь зубы:

– В бюро пропусков, 14-й подъезд. Следующий.

И тут я понял: в нашем государственном устройстве произошли большие перемены. Членский билет Союза журналистов СССР можно оставить себе на память, как документ эпохи, которая канула в Лету.

«Мой город – мой Сургут» проект театра «Петрушка» к юбилею Сургута

Сургут — один из крупнейших и красивых городов Югры в этом году отметил своё 430-летие.

К юбилею любимого города театр актёра и куклы «Петрушка» подготовился основательно. Коллективом театра был придуман и создан масштабный театральный проект «Мой город – мой Сургут». Проект

включает в себя шесть спектаклей, разных по формату и представленных на различных площадках города.

«Секреты на Купеческой» – это совместный проект с Сургутским краеведческим музеем. Премьера состоялась 18 мая в доме купца Клепикова. Зрители увидели «оживших» жителей дома-усадьбы, прошли по нему вместе с главным героем – рассказчиком Домовым и познакомились с особенностями быта старого Сургута. Режиссёр-постановщик спектакля Иван Соловьёв сыграл в нём главную роль.

Совместно с Сургутским Художественным музеем театр создал постановку «Цирк и не только». В основе сюжета – придуманная история жизни куклы-клоунессы авторства Елены Бессоновой. Этот образ актёры театра увидели в ка-

талогте выставки «Кукляндия». Режиссёром-постановщиком спектакля стал Андрей Кулешов.

«Открываем Первооткрывателей» – это ещё одна история с ожившими героями. Спектакль поставлен

в формате квиза. В ходе действия оживает знаковый всем сургутянам Памятник основателям города. По сюжету бронзовым фигурам стало скучно стоять на одном месте, и они решили поиграть с оказавшимися поблизости людьми. За время спектакля команды зрителей успевают пройти пять раундов вместе с персонажами: князем Фёдором Борятинским, воеводой Владимиром Оничковым, безмянными казаком, плотником и священником – крестителем города.

Совместно с Историко-культурным центром «Старый Сургут» создан спектакль, погружающий в историю славянской семьи, – «Древо». За основу брались традиции казачества, так как именно казаки были одними из основателей Сургута. Смысловым центром спектакля стало Древо жизни – важный символ славянской мифологии. Это спектакль для семейного просмотра. Режиссёр-постановщик Галина Коптяева.

Одна из премьер, представленных к юбилею Сургута – аудиоспектакль «Легенда о сыне рода Орла», поставленный по старинному хантыйскому эпосу. Аудиоспектакль – это симбиоз древней культуры и современности.

В планах театра сделать «Легенду о сыне рода

Орла» на- ст о я щ и м спектаклем. С актёрами, озвучиваю- щими раз- ных perso- нажей, со з в у к о в ы м сопровожде- нием тра- диционных инструментов в современном зву- чании. Для спектакля

специально пишется музыка.

Ещё один большой проект к юбилею любимого города называется «Сургут как сказка». Конкурс с таким названием прошёл в городе в начале года. Он был организован театром совместно с Центральной библиотечной системой Сургута при поддержке департамента культуры и молодёжной политики Администрации города. На конкурс были представлены тридцать одна работа, в нём участвовали жители города от 12 до 60 лет. Как один из членов жюри хочу отметить разнообразие тем и художественных стилей, использование авторами сказок интересных приёмов и метафор. Радует и тот факт, что в работах были отражены действительные исторические события, присутствовали реальные исторические лица-горожане.

Гран-при конкурса получила сказка «Легенда о чёрном лисёнке», автор Антон Талаев. По ней был поставлен одноимённый спектакль. Интересен тот факт, что автор – актёр Сургутского му-

зыкально-драматического театра. Замечательно, что он создал сказку, которая ожила на сцене другого сургутского театра.

На премьере спектакля я была со старшим внуком. Зная сюжет сказки, я не волновалась за главного героя. Но маленькие зрители переживали за лисёнка, радовались его смелости и благополучному завершению истории. Режиссёр спектакля Наталья Верчук.

Ещё одним результатом конкурса стала книга «Сургут как сказка». В неё вошли все работы участни-

ков. Чу- д е с н ы е иллюстра- ции созда- ла худож- ник Юлия Мальцева.

П о д - в е д е н и е итогов те- атрально- го проекта «Мой го- род – мой Сургут» со с т о я - л о с ь 6 де- кабря в

конференц-зале Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина. Директор театра А.А. Блинова рассказала о каждом спектакле, а артисты театра показали отрывки из них.

Получился настоящий праздник!

Алёна Анатольевна вручила книги представителям администрации города, присутствовавшим на мероприятии, директорам учреждений культуры – партнёрам проекта, всем участникам конкурса и членам жюри. Хочется отметить, что режиссёрами всех спектаклей стали артисты театра «Петрушка», очень профессионально показав себя в новом амплуа.

От лица зрителей города хочется сказать всему коллективу театра только одно: Браво, Петрушка!

Анжелика Бивол,
фото автора, г. Сургут

Яков Александрович Яковлев,
член Союза писателей РФ,
засл. деятель культуры ХМАО – Югры

Сказка – ложь, да в ней намёк

(отзыв на издание: Кондин В. Ю. Сказки священного холма. – Барнаул: КНИГА.РУ, 2022.)

Научно-популярная литература всегда шла рука об руку с литературой научной. Как братья-близнецы, эти жанры имеют одного родителя – научную базу данных, однако жизненные судьбы у них разные. Под последними я имею в виду цели, задачи и читательскую аудиторию. Немало талантливых и успешных учёных считали необходимым тратить свои силы и своё время на «лёгкий», по мнению многих, жанр научной популяризации, справедливо полагая это занятие общественно важным. Примеров тому множество, и нет сейчас необходимости останавливаться на них. Вспомним лишь имя З. П. Соколовой – известного учёного-угроведа. Научный мирзнакомился с культурой хантов и манси через её многочисленные научные публикации, а вот люди иных профессий и занятий узнавали о Югре и югорчанах по её научно-популярным книжкам «Путешествие в Югру» и «Страна Югория». При этом не только узнавали, но и начинали любить, уважать, интересоваться, ибо этот жанр, в отличие от научного, формирует у читателя не только знания, но и чувства. И в этом его отличие и преимущество.

И вот в свет вышла новая научно-популярная книга. Называется она «Сказки Священного холма». Написавший её научный сотрудник музея «Торум Маа» Вячеслав Юрьевич Кондин давно известен многим, кто интересуется культурой обских угров и деятельностью указанного музея, как автор научных статей и методических разработок. И то обстоятельство, что он попробовал себя в новом жанре – научной популяризации, безусловно, служит поводом обратить внимание на новую публикацию Вячеслава Юрьевича. Выбранная же им форма сказки, а не очерка или

статьи, общепринятых в области популяризации научных знаний, только усиливает читательский интерес. Получилось ли? Интересно ли? Достойно ли внимания? Ведь нынешнее время литературоведы и издатели называют «эпохой книжного перепроизводства». Печатается огромное количество книг, что делает проблему выбора для чтения чрезвычайно актуальной.

Я не пожалел время, потраченное на чтение сказок. Более того, я – сам давно работающий в жанре научно-популярной литературы – слегка позавидовал автору, который нашёл такую оригинальную форму подачи сугубо научной (этнографической и музееведческой) информации – сказочную. Думаю, что к этому его подтолкнули мансийские предки, когда-то создавшие богатейший фольклор и до сих пор уютно чувствующие себя в его подсознании. Зачастую наши мысли, решения и действия являются вовсе не нашими, а всего лишь реализацией опыта и мировоззрения наших дедов и прадедов.

Чтобы не возвращаться далее к пресловутой «проблеме жанра», отмечу, что сказка сказке рознь. Сегодня некоторые пытаются писать сказки на темы обширного фольклора обских угров. В них зачастую действуют хрестоматийные персонажи, снова воспроизводятся уже давно смоделированные сюжетные ситуации... Лично мне эти попытки кажутся эпигонскими и лишёнными смысла. Фольклор – а сказка, это форма фольклора – она не создаётся в многоэтажке, при электрическом освещении, на компьютерной клавиатуре. Лучше классических шедевров традиционного устного народного творчества эти потуги современных «сказителей» никогда не станут, а делать заведомо хуже... – зачем?

Кондин предлагает сказки иной формы – современной, неподражательной, оригинальной. Их герои – бурундук Валера, белка Фрося и лис Юви – живут не в вымышленном, а в реальном мире.

Во-первых, пространство, на котором они действуют, жителям и гостям Ханты-Мансийска (а книга рассчитана именно на них) хорошо известно – это территория ландшафтной экспозиции музея «Торум Маа», Археопарк, Биатлонный центр... Герои бегают по высокой крутой лестнице музея, забираются на крышу «амбара из колотых плах», прячутся в дупле большого дерева... Реалии ландшафтного музея служат скелетом, на котором держатся сказочные сюжеты, и можно быть уверенным: читатели этой книжки в возрасте «почемучек», оказавшись среди построек «Торум Маа», будут искать глазами героев книжки и спрашивать у родителей и экскурсоводов: «А где Валера с Фросей? Куда спрятались?».

Во-вторых, симпатичные говорящие зверюшки задействованы в одних сюжетах с реально существующими людьми – детьми автора Алёной, Максимом, Даниилом и экскурсоводом Лизой. Более того, сочинитель под своим собственным именем Вячеслав Юрьевич ввёл в число героев и самого себя. И этот нестандартный приём ещё больше стёр границу между сказкой и былью. Когда истинно подлинный экскурсовод музея Вячеслав Юрьевич беседует с бурундуком Валерой или обсуждает нюансы штурма городка князя Самара с лисом Юви, теряешь стандартные представления о реальном и ирреальном – ситуация кажется одновременно и обыденной, и невозможной.

Нельзя не отметить и ещё одной попытки Кондина выйти за границы традиционной сказки – на этот раз включением в её сюжет приёма из арсенала модного ныне жанра «фэнтэзи». Современного читателя и зрителя уже не устраивают незатейливые скатерти-самобранки или сапоги-скороходы, им подавай что-то из научной фантастики – перемещение во времени и в космосе, инопланетян и параллельные миры, магические кристаллы и тайные знания... Вот и в «Сказки Священного холма» введён подобный сюжетный ход: лис Юви присутствует при штурме Самарова городка в 1582 г. и тут же мгновенным перемещением во времени вбрасывается в наш мир. Думаю, что для юных поклонников Гарри Пот-

тера такая хронологическая метаморфоза может оказаться притягательной.

Но сказочная форма – только обман, завлекалочка, красивый фантик. Содержание книжки, начинка – самая что ни на есть серьёзная. Это настоящая научно-популярная литература. На волшебном блюдечке сказки детям подаётся объективная информация о культуре обских угров – например, о сути и времени национального праздника «Вороний день», об обычае просить разрешения у кедра взять его корни для поделок, о традиционных производственных технологиях... Неназойливо и вполне доступно представлена также практика музейной работы (функции фондово-закупочной комиссии, состав основного фонда, правила использования музейных предметов) и деятельность музея «Торум Маа» (экскурсии, программа «Таксар махум – Крепкие люди»).

Давно сказано: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Не удивлюсь, если завтра в музей придут работать молодые специалисты, которым сегодня мамы читают «Сказки Священного холма».

Уже к чисто литературным плюсам надо добавить проработанность характеров сказочных героев. Понятно, что кондинские сказки – это не чеховские рассказы, где свойства личности оформлены в яркие и запоминающиеся психологические портреты. Но попытки представить поведенческие признаки животных в виде характеристических особенностей литературных персонажей налицо. Бурундук Валера везде и всегда – суетливый холерик и крикун, лис Юви – спокойный мудрец и боец.

Особо надо остановиться на иллюстрациях Н. А. Жеманской. Это несомненная удача, попадание в десятку. Существование в северных широтах вполне вписывается в парадигму старой, советских ещё времён песни со словами «Там у нас на севере всегда благодать: / Двенадцать месяцев зима, остальное – лето». Ханты-мансийские холмы, на которых развёрнута ландшафтная экспозиция музея «Торум Маа», и где протекают основные события книги, пусть и не на такой долгий срок погружены в зимний мрак, но всё же на очень и очень значительный. Яркое многоцветное лето – как короткая вспышка, а всё остальное время – это чёрно-белая палитра

сумерек и длинных теней тёмно-хвойных великанов на белом снегу. Поэтому чёрно-белая графика иллюстраций – единственно верный выбор художницы, ещё одна прочная ассоциация книги с музеем. Аляповатое многоцветье «Весёлых картинок» было бы здесь натужным.

И спасибо Н. А. Жеманской за верность натуре. В передаче животных она предпочла натуралистическую точность, чем лично меня очень и очень порадовала. До боли надоели проникшие сегодня повсюду вплоть до школьных учебников несуразные головоногие мульташные герои непонятной зоологической принадлежности. Эти карикатурно-абстрактные образы уже с ранних лет уводят сегодняшних детей за грань реального, а потом мы удивляемся природоведческому малознанию и экологической агрессивности молодого поколения.

Простая, без вычурностей вёрстка С. А. Ремизова соответствует общему стилю книги – и литературному, и художественному.

Однако нет, и не может быть идеальных книг. Каждая обладает своим набором достоинств и своим набором недостатков. Сказки В. Ю. Кондина – не исключение.

Не единственным, но главным упущением является отсутствие редактирования. Это ясно не только по неимению соответствующей строки в выходных данных издания, но и по самой книге.

Во-первых, неудачна структура. Четыре текста («Как звери спасали Вороний день», «Волшебный сундучок», «Юва и Таксар махум», «Новый друг, или Ласка шагает в сказку»), объединённые сквозным сюжетом и едиными героями, представляют собою части одного литературного произведения. По сути дела, это главы единого литературного текста. Ещё один текст («Тан варуп эква – Женщина, плетущая сухожильные нити») – это пересказ широко известной и уже несколько раз опубликованной мансийской сказки, её очередная редакция, поэтому сопровождать публикацию фольклора своей фамилией кажется не совсем корректным. Ещё два текста («Чёртов бор – Кулем мунсы» и «Голубое озеро») самодостаточны и имеют законченную форму. Вёрстка всех этих текстов в качестве самостоятельных компонентов книги и равнозначное перечисление их названий в содержании вряд ли правильно.

Во-вторых, есть фактические ошибки, выявлять которые – обязанность научного редактора. Вот только пара примеров (в действительности их больше). Юва ищет заготовку для древка гарпуна «в куче хвороста». Но такого не может быть, поскольку хворост, как нам объясняют словари, это «сухие опавшие ветви деревьев, тонкие сучья, тонкие стволы», а такой материал для гарпуна явно не год. При знакомстве с Лаской бурундук Валера (мужчина, судя по имени) делает реверанс, хотя этот почтительный поклон с приседанием выполнялся раньше только молодыми женщинами и девушками.

В-третьих, ощущается отсутствие и литературного редактирования. Тоже приведу только пару случаев из многих. На сундучке указаны «рукоятки», хотя таковые могут быть, к примеру, у ножей или сабель, а вот к сундукам и чемоданам приделывали «ручки». Несколько раз упомянута «свежевыпавшая кедровая хвоя», хотя выпадать могут только осадки (дождь, снег), а листва «опадает» и может быть только «свежеопавшей».

Есть проблемы и с пунктуационной грамотностью (даже в названии одного из рассказов отсутствует необходимая запятая).

Вряд ли можно назвать авторской удачей почти одинаковые имена шамана и лиса – Юва и Юви. Возможно, в этом имеется какой-то скрытый смысл, но мне как читателю приходилось повторно обращаться к тем местам, где оба героя совпадают по сюжету. С первого раза индивидуализировать слова и действия каждого было не просто.

Заканчивая замечания по поводу стилистики, хочется пожелать автору использовать в дальнейшем более разнообразную, богатую, живую и точную лексику. Может быть, перечитать именно с этой целью наших признанных классиков-натуралистов – В. П. Астафьева, В. В. Бианки, Б. С. Житкова, К. Г. Паустовского, М. М. Пришвина. Ведь учиться никогда не поздно. И это тем более необходимо в самом начале литературного пути.

Предложение это сделано не в качестве порицания, а с искренним желанием Вячеславу Юрьевичу не останавливаться на этой книжке. Мне кажется, что он нашёл очень интересный и продуктивный литературный приём научной популяризации для детей – через форму сказки. Это начинание обязательно нужно развивать.

Анжела Бецко родилась в Минске (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Четверть века живет в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. Автор трех поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Сибирские огни», «День и ночь», «Второй Петербург», «Литературный Иерусалим», «Парус», «Огни Кузбасса», «Александръ», «Эринтур», «Чаша круговая», «Врата Сибири», «Подъём», «Югра», «Костёр», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка» и др. Член Союза писателей России. Живет в г. Нефтеюганске.

Сказка, рассказанная под Рождество

Жил на свете башмачник. Он был почти богом. Потому что после встречи с ним каждая туфля была как новая, каждый сапог выглядел на все сто и каждая босоножка после своего воскрешения абсолютно не узнавала себя в новом облике.

Жила на свете цветочница. Её лавка стояла где-то на соседней улице, и часто ветер, доносивший до башмачной мастерской обрывки газет и фраз, приносил с собой ароматы фиалок, лилий, ландышей и других цветов, чьи имена башмачнику были неизвестны.

«Девушка, каждый день прикасающаяся к цветам, непременно должна быть ангелом, – всякий раз думал башмачник, когда ветер приносил ему цветочный аромат. – Иначе райский сад перестанет быть райским садом...» – и снова принимался стучать, шить и клеить.

Время шло, башмачник радовал клиентов безукоризненной работой, а загадочная цветочница по-прежнему оставалась загадкой.

Как-то в один из летних дней, когда у башмачника была целая гора работы (а когда же ещё снашивать обувь, как не летом?), он чинил очередную бедолажку туфлю, которую проще было выбросить на помойку, нежели приводить в чувство (но хозяин вдрызг разбитой обув-

ной пары уверил, что в следующий раз именно так и поступит). Озорное солнце с любопытством заглянуло в распахнутое окошко мастерской, скользнуло по разбросанным в беспорядке на подоконнике, столе и полках инструментам, на мгновение задержалось на большом мотке бечёвки... и золотым лучом живо нарисовало на стене женский портрет. Башмачник, склоняясь над туфлей, совершал своё привычное таинство, но каково же было его удивление, когда он случайно поднял голову и упёрся взглядом в стену. Кажется, он даже вскрикнул от удивления, а всем не оттого, что уронил молоток прямо себе на ногу: «Ой!» Со стены напротив ему улыбалась она... Да-да, это была цветочница! И неважно, что башмачник её никогда не видел. «Так может улыбаться только она... ну или ангел... что, в сущности, одно и то же», – с улыбкой выдохнул башмачник и дал себе честное башмачное слово, что к Рождеству, когда чудеса караулят нас у каждого доброго окошка и приветливого порога, он непременно пойдёт взглянуть на своего цветочного ангела. Ну хотя бы одним глазком, потому что двумя – не осмелится...

Но однажды ветер не принёс привычного цветочного аромата. «Сегодня нет ветра», – подумал башмачник и растворился в своих башма-

ках. На следующий день аромата не было снова. «Этот разгильдяй ветер попросту потерял его по дороге», – решил башмачник и с головой ушёл в свои башмаки. Но и на следующий день аромат не появился... «Да что же, в самом деле, происходит? – не выдержал башмачник и выбежал на улицу, даже не прикрыв за собой дверь. – Да где же он? Да как он смеет? Да кто ему позволил?!» Не помня себя, башмачник мчался по улице, издавая не то боевые кличи, не то гневные вопли, размахивая руками и пугая редких прохожих. Он бежал так быстро, что в какое-то мгновение ему показалось, что ноги и руки отделились от него и бегут самостоятельно – то вровень с ним, то обгоняя его!

Вдруг ноги нашли своего хозяина и тотчас же вросли в землю, а руки, кое-как прицепившись, сделались чужими и как будто намного тяжелее прежних. Перед глазами плясали причудливые

буквы, которые никак не хотели складываться в слово. Башмачник напрягся и, с трудом выстраивая плясуний в один ряд, прочёл по слогам: «ЦВЕ-ТЫ». «Ах вот оно что!» – воскликнул башмачник. Рука сама потянулась к дверной ручке и с силой дёрнула её. Дверь не поддавалась. Тогда башмачник стал яростно и отчаянно бороться с дверью. Дверь не уступила – уступила ручка: она осталась у башмачника в руке.

«В чём дело, гр-р-ражданин? – прогремело над самым ухом башмачника. – Я вас спр-р-рашиваю!..» Он медленно, как бывает только во сне, повернулся назад. Перед ним стоял блюстителю порядка. «Зачем хулиганите? Вы что, читать не умеете? Видите, что здесь написано?» Башмачник поднял голову и прочёл: «Ангел улетел».

«Значит... он всё-таки был...» – вздохнул башмачник и, совершенно разбитый, пошёл восвояси.

Творчество юных

23 октября в Томске завершился Международный фестиваль-конкурс детского и молодёжного литературного творчества «Устами детей говорит мир». Он прошёл в Томске уже в тридцатый раз, снова объединив юные таланты из разных уголков нашей страны, а также участников, что живут далеко за её пределами. Три дня, работая в лабораториях фестиваля под руководством профессиональных литераторов, юные писатели и поэты делились друг с другом творческими находками, планами, идеями будущих произведений.

В торжественных мероприятиях по случаю открытия и торжественного закрытия фестиваля, которые по традиции проходят в Томском ГЮЗе, принимали участие писатели и поэты из разных городов, а также наша гостья из Минска, белорусская писательница Елена Стельмах.

В этом году на фестиваль прислали свои рукописи 420 участников от семи до двадцати четырёх лет из тридцати пяти регионов России и девяти стран (Беларуси, Китая, Индонезии, Монголии, Казахстана, Мадагаскара, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана). Иностранцы отмечены наградами в номинации «Мосты дружбы».

Ребята занимались в творческих секциях на площадке Томской областной детско-юношеской библиотеки. Вот уже несколько лет работа с юными авторами идёт в смешанном формате, как с личным присутствием участников, так и в режиме онлайн. Конкурсанты могли пообщаться с известными писателями и поэтами, получили от них советы, которые помогут усовершенствовать представленные произведения, что обсуждались и руководителями, и сверстниками юных авторов. Нелегко было членам жюри (его возглавил в этом году писатель из Санкт-Петербурга Илья Бояшов, редактор журнала «Аврора»), выбрать авторов лучших работ!

В итоге Гран-При фестиваля достался томичке Алёне Казаковой, Учащейся Гуманитарного лицея. Дипломы за первое место получили студентки ТГУ Вероника Герман и Надежда Бебекина, Евгения Гришина и Таисия Деркачёва из Стрежевого, а также Милана Дудкина из Пензенской области. Кроме того, ещё три десятка юных литераторов получили дипломы в разных номинациях и награды за призовые места.

По сложившейся традиции Томская областная детско-юношеская библиотека выпустила очередной сборник призёров и победителей фестиваля-конкурса, и в ближайшее время он пополнит фонды районных библиотек Томской области.

Якименко Вероника, 15 лет.
**лауреат в номинации «Литературная па-
литра», Ставропольский край.**

вещало беды». Хотя лично мне ни разу не доводи-
лось читать о каких-либо «сообщениях» от беды,
которая вежливо предупреждает о своём приходе
и советует быть осторожнее в такое-то время. По

Героем какой книги я могла бы стать?

Начну с того, что я не задумывалась над этим вопросом. Да, частенько приходилось сопереживать героям любимых произведений, наверное, даже иногда представлять себя на их месте. При этом никогда не возникало вопроса: а как реальная я ужилась бы с персонажами той или иной книги?

Погружённая в свои сомнения, я решила спросить совета у старшего брата. Мельком взглянув на меня, он буркнул: «Мне некогда!», и снова уткнулся в телефон.

– Да нет же, мне действительно нужен твой совет, – я развернула его к столу.

– Ну, не знаю, наверное, что-нибудь про процесс, – усмехнулся брат.

Вот опять! Принцесса! Надо сказать, что я – единственная девочка в семье и это делает меня какой-то особенной. Старшие братья всегда очень снисходительно относились к моим промахам, подчёркивая при этом, что «я же девочка». Длинные светлые волосы, множество кружевных платьев и прочих «девчачьих» мелочей завершали образ. При этом я никогда не чувствовала себя нежной и возвышенной. Сказкам я предпочитала приключенческие романы, моим кумиром всегда была Алиса Селезнёва из многочисленных произведений Кира Булычёва. А недавно я поймала себя на мысли, что откровенно завидую путешественникам, которые бороздят морские и космические просторы различных книг, и была бы не прочь составить им компанию.

Если говорить о конкретной книге, то пусть это будет «Коралловый остров» Роберта Баллантайна. Справедливости ради надо отметить, что это мог быть любой приключенческий роман, но в «Острове» мореплавание совершается без контроля со стороны взрослых, а иногда так хочется стать немного самостоятельнее, хотя бы на страницах старой книжки. Итак...

Похоже, нас выбросило на берег. Странно, насколько я помню, ещё несколько страниц назад мне на глаза попадалась фраза «ничего не пред-

пути нас могли подстерегать две из них: голод и шторм. Еды мы запасли даже с излишком, а вот со стихией наша начинающая команда мореплавателей не справилась. Да, не повезло. Не зря ребята не хотели брать меня с собой. Похоже, женщина на судне действительно приносит несчастья.

Размышляя таким образом, я поняла, что чудом осталась жива после кораблекрушения. Приподняв голову, я обнаружила себя в компании бутылочных осколков, деревянных щепок и вездесущего песка. В пределах видимости не было ни одного живого существа, и тогда я действительно испугалась. Где мои спутники? Что с Ральфом, Джеком и Питером? Откинувшись обратно на песок, я почувствовала сильное головокружение.

Солнце, недавно появившись на небосводе, как будто специально целилось мне в лицо. Волны накатывали оглушающе громко. С трудом повернувшись и увидев в осколке своё отражение, я несколько секунд любовалась на разлившийся под левым глазом огромный синяк. Невольно улыбнулась, вспомнив, как несколько дней назад, мечтая о путешествии, я представляла себя на прекрасном острове в белом лёгком платье, которое треплет ласковый ветерок. Видела восхищённые взгляды ребят, которые уже давно пожалели, что отказывались взять меня с собой. Подкатившая к горлу тошнота заставила меня вернуться к реальности.

Прошёл ещё час, а может быть целый год, когда я, наконец, увидела Ральфа. До моего спасителя было далеко, и я предприняла решительную попытку подняться. Создавалось впечатление, что у меня сломаны абсолютно все кости, но лежать дальше я не могла, так как боялась, что меня не заметят. С героической задачей встать на ноги я справилась лишь наполовину. В конце концов, сдавшись, я на четвереньках поползла в сторону размытого силуэта. Но, как только я приблизилась настолько, чтобы окликнуть друга, он развернулся и скрылся в зарослях.

– Эй, куда же ты? – прошептала я в бессилии.

Спустя некоторое время я всё же добралась до леса. Повсюду из земли торчали могучие корни вездесущих деревьев, напоминая лапы окаменелых драконов. Изумрудные листья блестели в лучах солнца. Окружающая меня обстановка резко отличалась от моего состояния. До меня стало доходить, что этот «открыточный» пейзаж во многом виноват в том, что мои мечты уносили меня именно на необитаемый остров. Сейчас же я сердилась на себя из-за такой недалёковидности.

– Ну что, вставай, это тебе не Изумрудный город. Страшила, Отважный лев и Дровосек не придут на помощь, – зло подумала я, – Хотела приключений – пожалуйста, получи и распишись.

С трудом поднявшись на ноги, я снова отправилась искать ребят. Деревья ничуть не помогали мне в этом поиске, от их стволов веяло ещё большим жаром, чем от перегревшейся земли. И тут мне в голову пришла мысль, что, возможно, не стоит искать своих спутников. У мальчишек в книге была вполне определённая история, которая успешно обошлась без меня. Ведь я здесь только для того, чтобы почувствовать себя героиней приключенческого романа. Я шумно выдохнула и повернула обратно к берегу.

Вечерело. От воды тянуло холодом. Скажу честно, я даже не пыталась соорудить себе жилище или развести огонь. Оказывается, это только в книгах всё понятно и просто. Мы точно знаем, как найти пищу или спастись от хищников, и всё

это сидя в уютном кресле с чашкой чая. Я приготовилась замёрзнуть или обессилеть от голода. Мне стало так страшно, что я даже не могла заплакать. И тут вдаль я увидела корабль, который плыл прямо к острову. Через пару минут от борта отделилась шлюпка, которая стремительно понеслась к берегу. За пару метров до суши из неё выпрыгнул мой брат и подбежал ко мне. Я забралась к нему на руки, а он говорил что-то успокаивающее. Я практически не слышала его из-за шума волн, но до меня чётко донёсся обрывок фразы: «..же говорил, что лучше принцессой».

Так хочется закончить мой рассказ словами: «А потом я проснулась». Но нет. Наоборот, я уснула. Грёзы рисовали картины, удивительно похожие на реальность. Наверное, я совсем запуталась, определяя, что из этого было на самом деле, а что оказалось сновидением. Одно я поняла чётко: примерять на себя судьбу героев книг нужно с большой осторожностью.

Оказывается, мне очень нравится быть просто Вероникой, а не капитаном пиратского корабля. Мне нравится быть младшей сестрёнкой сильных и умных братьев. А теперь ещё понравилось внимательнее относиться ко всему, что нас окружает в реальной жизни, ведь она порой интереснее самого увлекательного романа. Может быть, когда-нибудь я напишу об этом свою книгу, а кто-то, прочитав её, захочет на полчасика стать её героем. А пока останусь просто читателем, который наблюдает за литературными героями, не пытаясь повторить их героические поступки.

Дудкина Милана

I место

Пензенская область,

МУК «ИБО» г. Заречного

УСАТАЯ ЗВЁЗДОЧКА

Мы ёлку сегодня поставили в зале
И всею семьёю её наряжали.
Игрушки достал с антресоли дедуля.
Меж ними котёнок носился, как пуля.
От шума его рассердилась сестрёнка.
За дверь, отругав, проводила котёнка.
А мама достала блестящие шишки.
Кивали с улыбкой нам белки и мишки.

А я прикрепила лисяток на ветки,
Волчаток достала сама с табуретки.
Повесила зайцев, ежей и мышат.
В еловых ветвях засверкал зоосад!
Наш папа любимый повесил хлопушку,
А после у ёлки склонил он макушку.
На ней прикрепил золотую звезду,
Чтоб гордо сияла у всех на виду.
На елку взглянуть мы соседей позвали:
Они восхищались красавицей в зале.
Но взгляд свой подняли, воскликнули: «Ах!»
И тут же звезда с нашей ёлки бабах!
Ну, где вы видали такие кошмары?
На ёлке – котёнок с глазами, как фары!
Смеялись соседи потом целый час:
«Усатая звёздочка светит у вас!»

Святослав Николаевич Рерих

Перевод с англ. яз. М. В. Морочковской

Некоторые факты творческой жизни Николая Рериха

В настоящее время собран обширный, ежегодно пополняемый новыми поступлениями международный библиографический материал, связанный с изучением разных аспектов творческого гения профессора Николая Рериха, однако сводный,

обобщающий труд о его творчестве ещё предстоит создать. Потребуется несколько лет, чтобы должным образом классифицировать то громадное культурное наследие, которое он оставил последующему поколению, и поэтому в этом кратком изложении я приведу только некоторые факты его биографии, которые могут оказаться полезными при изучении его творчества.

Он родился в 1874 г. в Санкт-Петербурге, где впоследствии получил начальное и высшее образование. Детские годы Николая Рериха прошли в поместье в Изваре возле Санкт-Петербурга. Будучи студентом, он одновременно обучался в Академии художеств, Археологическом институте и на юридическом факультете Петербургского университета, где также слушал курс лекций по истории и филологии. Позже он отправился на учебу за границу. Столь блестящее образование стало основой, давшей ему широту кругозора и глубину мысли, чтобы возвести великолепное здание свершений.

В сердце и в мыслях он был предан всему человечеству, всем народам.

Как художник он оставил более семи тысяч картин, посвященных самым разным темам: от исторических монументальных полотен, написанных в академическом, более реалистичном стиле под влиянием тенденций конца XIX в., до более поздних, в высшей степени декоративных, красочных и уникальных картин, отражающих наивысшие человеческие устремления. Сюжеты он черпал в Великой Книге Жизни, человеческих исканиях, философских учениях и религиях, а в последние годы наряду с сюжетными картинами он также создавал удивительные пейзажи Гималаев, которые он так любил и которые принесли ему славу «Мастера гор». Его картины размещены в ведущих музеях мира, а также в крупнейших частных галереях.

Здесь, в Индии, они являются частью многих государственных собраний, в Траванкоре⁽¹⁾ для них отведено отдельное здание, а кроме того – целые залы в музеях Аллахабада и Бенареса⁽²⁾. Он был выдающимся мастером настенной росписи, наиболее известны его монументальные фрески в здании Казанского железнодорожного вокзала⁽³⁾ в Москве и в церкви Святого Духа в

Поместье в Изваре возле Санкт-Петербурга, где проводил детские годы Николай Рерих

Талашкино под Смоленском. Кроме того, он создал множество мозаик.

Столь же ценным был его вклад в театраль-но-декорационное искусство. Он создал декорации почти ко всем операм Вагнера, многим операм Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, а также пьесам Метерлинка и других. Не менее значимы и его работы для балетных постановок: его декорации к балетам «Половецкие пляски»⁽⁴⁾ и «Весна Священная»⁽⁵⁾ стали классической сцены.

Как писатель и ученый он опубликовал 27 томов произведений, посвященных главным образом культурно-философским и общечеловеческим темам.

Наиболее известны следующие его произведения:

1. Собрание сочинений. 1914 [Рерих Н. К. Собрание сочинений. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914.]

2. Цветы Мории. 1921 [Рерих Н. К. Цветы Мории: Сб. стихотворений. Берлин: Слово, 1921.]

3. Адамант. 1925 [Roerich N. Adamant. New York: Corona Mundi, 1922; То же: New York, 1924; То же: Kyoto, 1925.]

4. Алтай-Гималаи. 1929 [Roerich N. Altai – Himalaya: A Travel Diary. New York: F.A. Stokes C., 1929; То же: London: Jarrolds Publ., [1930].]

5. Пути Благословения. 1929 [Рерих Н. К. Пути Благословения: Филос. эссе. New York – Paris – Riga – Harbin: Алатас, 1924.]

6. Держава Света. 1929 [Рерих Н. К. Держава Света. Southbury: Алатас, 1931.]

7. Пламя в чаше. 1929 [Roerich N. Flame in Chalice: A Collection of Poems / translated by Mary Siegrist. New York: Roerich Museum Press, 1930.]

8. Сердце Азии. 1929 [Рерих Н. К. Сердце Азии. Southbury (Conn.): Alatas, 1929.]

9. Шамбала 1930 [Roerich N. Shambhala. New York: Stokes, 1930.]

10. Твердыня Пламенная. 1933 [Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. Париж: Всемир. Лига Культуры, [1932]. То же: Fiery Stronghold. Boston (Mass.): Stratford C., 1933.]

11. Врата в Будущее. 1936 [Рерих Н. К. Врата в Будущее. Рига: Угунс, 1936.]

12. Прекрасное единение. 1946 [Roerich N. Beautiful Unity. Bombay: The Youths' Art & Culture Circle, [1946].]

13. Гималаи – обитель Света. 1947 [Roerich N. Himalayas – Abode of Light. Bombay: Nalanda Publ., 1947.]

14. Химаваат. 1947 [Roerich N. Himavat: Diary Leaves. Allahabad: Kitabistan, 1946.]

Помимо этого, он написал бесчисленное множество статей для крупнейших индийских и мировых печатных изданий. Его стихотворения публиковались на русском языке, т.е. на языке оригинала, а также и в переводе на другие языки. Перевод на английский выполнила Мэри Сигрист⁽⁶⁾. Также он оставил несколько неопубликованных рукописей.

Как учёный и исследователь в России он провёл обширные археологические раскопки и систематизацию материала, а позже организовал экспедицию в Центральную Азию, которая длилась почти пять лет. Начав маршрут в 1924 г. в Ин-

дии, в 1928 г. он вернулся туда же через Тибет. С 1928 г. он обосновался в Гималаях, где проводил всё время, за исключением нескольких поездок по Индии и за границу, а также масштабной экспедиции в Монголию и Китай в 1935 г.⁽⁷⁾

Он организовал этнологическое, лингвистическое, ботаническое и зоологическое исследование Западных Гималаев, в котором ему помогал его сын Юрий Рерих, также выдающийся ученый, и другие приглашённые учёные.

Будучи культурным вождем, Николай Рерих был почётным членом многих культурных и научных организаций во всём мире. Он возглавлял Императорское Общество поощрения художеств в России с его многочисленными филиалами⁽⁸⁾, был первым председателем известного общества «Мир искусства»⁽⁹⁾, директором первых женских архитектурных курсов⁽¹⁰⁾ и стоял во главе целого

ряда просветительских обществ и организаций.

В Америке Николай Рерих основал Институт Объединённых Искусств, Международный культурный центр и был почётным директором Музея Рериха⁽¹¹⁾ и его филиалов в Европе, Америке и странах Востока. Поскольку он был убеждён, что Мир может прийти на Землю лишь через Культуру, он предложил Международный пакт для защиты культурных ценностей, который стал известен как Пакт Рериха и Знамя Мира. Пакт был ратифицирован 21 страной и одобрен 36 странами⁽¹²⁾.

Правительства, научные общества и различные организации многих стран удостоили его своими почётными наградами. Он был кавалером российских орденов Святого Станислава, Святой Анны и Святого Владимира⁽¹³⁾; кавалером Югославского ордена Святого Саввы I степени и ордена Почётного Легиона Франции; также имел Королевский Шведский орден Полярной звезды I степени⁽¹⁴⁾. Избирался действительным и почётным членом многих Академий и научных организаций во всём мире. Назову некоторые организации и учёные звания, чтобы дать представление о его компетентности и сфере деятельности:

1. Действительный член Российской Академии художеств⁽¹⁵⁾.
2. Действительный член Югославской Академии наук и искусств (Yugoslavian Academy of Science and Art), Загреб.
3. Действительный член Португальской Академии (Portuguese Academy), Коимбра, Португалия.
4. Действительный член Реймской Академии (Rheims Academy), Франция⁽¹⁶⁾.
5. Действительный член Академии Международного Института науки и литературы (Academy of the International Institute of Science

and Literature), Болонья, Италия.

6. Почётный член Комитета по Культуре (Committee Cultural), Буэнос-Айрес, Аргентина.
7. Вице-президент Общества Марка Твена (Mark Twain Society), США.
8. Почётный член Просветительского Общества Бенареса (Nagari Pracharini Sabha), Индия.
9. Почётный член More Society, Франция.
10. Член Красного Креста (Франция).
11. Член Общества по изучению древностей (Société Préhistorique), Франция.
12. Пожизненный член Федерации французских художников (Federation of French Artists), Париж.
13. Член Осеннего Салона (Париж)⁽¹⁷⁾.
14. Пожизненный член Общества антикваров (The Society of Antiquaries), Париж⁽¹⁸⁾.
15. Почётный член «Secession» (Вена)⁽¹⁹⁾.
16. Почётный президент Международного Союза в поддержку Пакта Рериха (International Union for Roerich Pact), Брюгге.
17. Почётный протектор Исторического общества при Академии (History Society of the Academy), Париж.
18. Почётный президент Французского общества Рериха (French Roerich Association), Париж.
19. Член-учредитель Этнографического общества (Ethnographic Society), Париж.
20. Почётный президент Академии Рериха (Roerich Academy), Нью-Йорк.
21. Почётный президент Ассоциации содействия развитию культуры «Фламма» (Flamma Association for the Advancement of Culture), штат Индиана, США.
22. Почётный президент Общества Рериха в Филадельфии (Philadelphia Roerich Society), США.
23. Почётный член Общества по охране исторических памятников (Society for the Protection of Historic Monuments), Нью-Йорк.
24. Почётный президент Латвийского Общества Рериха (Рига).
25. Почётный президент обществ Рериха в Литве, Югославии, Китае.
26. Почётный член Института Боше (Bose Institute, Калькутта).
27. Пожизненный член Королевского Азиатского Общества в Бенгалии (Royal Asiatic Society of Bengal), Калькутта.
28. Пожизненный член Общества «Искусство Востока» (Society of Oriental Art), Калькутта.

29. Почётный президент и доктор литературы Международного Института по изучению буддизма (International Buddhist Institute), Сан-Франциско, Калифорния.

30. Почётный член Русского культурно-исторического музея в Праге.

31. Почётный член Общества «Лужици»⁽²⁰⁾ (Society of Lusace), Париж.

32. Почётный член Лиги в защиту Искусства (League for the Defence of Art), Париж.

33. Попечитель Художественного общества Амритсара (Amritsar Art Society), Амритсар, Индия.

34. Член-благотворитель Ассоциации Международных исследований (Association for International Studies), Париж.

35. Почётный член Field Association, Сен-Луис, США.

36. Почётный член Braurveda Society, Ява.

37. Почётный член Национальной Ассоциации естественной медицины в Америке (National Association of Naturopaths of America), Лос-Анджелес, Калифорния.

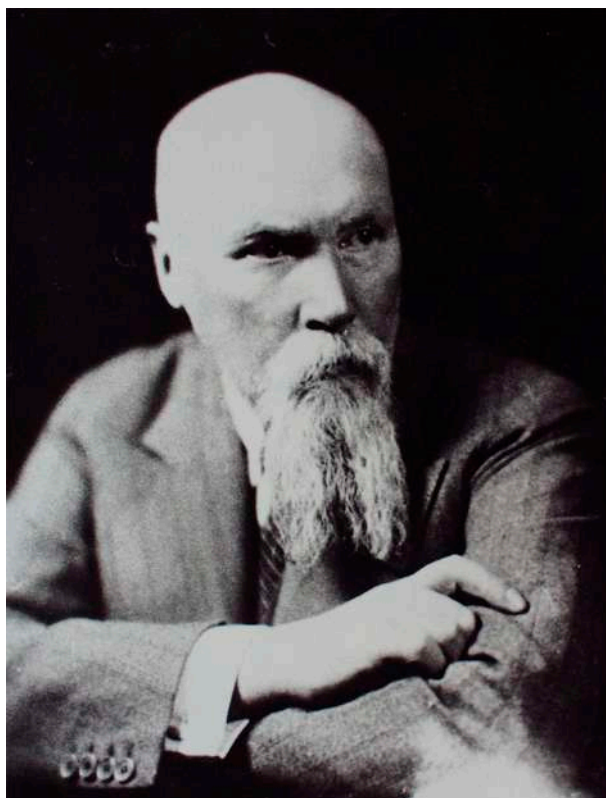
38. Почётный президент Центра искусства и культуры (The Centre of Art and Culture), Аллахабад, Индия.

39. Президент Лиги Культуры (League of Culture), США.

40. Почётный президент Американско-Русской культурной ассоциации (American-Russian Cultural Association), Нью-Йорк, США.

41. Вице-президент Американского Института археологии (American Institute of Archeology), США и многих других организаций и обществ.

Надеюсь, что вышеизложенные факты помогут всем, кто изучает творческое наследие Николая Рериха, понять главные принципы и смысл всей его жизни – беспрестанные поиски знаний, самопознание, поиски совершенства путем активной творческой деятельности и служения.

[1] Траванкор – княжество в южной Индии, в настоящее время в составе штата Керала.

[2] Речь идет о галерее Шри Читралайама (SriChitralayamArtGallery) в Тривандруме, Муниципальном музее Аллахабада, Музее Бхарат Кала Бхаван (BharatKala Bhavan) в Бенаресском индуистском университете.

[3] Панно «Битва при Керженце» (1913) и «Покорение Казани» (1913), исполненные Н.К. Рерихом для оформления интерьера Казанского вокзала в Москве, утрачены.

[4] Речь идет об опере «Князь Игорь» А.П. Бородина. Сценическое осуществление получили «Половецкие пляски», поставленные А. А. Саниным в Париже в антрепризе С.П. Дягилева. Декорации и костюмы были созданы по эскизам Н. К. Рериха. Премьера состоялась 19 мая 1909 г.

[5] Речь идет о балете на музыку И. Ф. Стравинского «Весна Священная», для которого Н. К. Рерих написал либретто и разработал эскизы декораций и костюмов. Премьера балета состоялась 29 мая 1913 г. в Париже в театре Елисейских полей в программе «Русских сезонов» С. П. Дягилева.

[6] From «Flowers of Morya» / translated by Mary Siegrist //

Archer. 1929. № 3/4. P. 30–31.

[7] Речь идет о Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха (1934–1935).

[8] Служба Н. К. Рериха в Императорском Обществе поощрения художеств (ИОПХ) продолжалась

много лет. В 1898 г. он был приглашен на должность помощника секретаря ИОПХ, в 1899 г.

избран помощником директора Художественно-промышленного музея ИОПХ, в 1901 г.

секретарем ИОПХ, в 1906–1917 гг. директором Рисовальной школы ИОПХ.

[9] В 1910 г. Н. К. Рерих избран председателем художественного общества «Мир искусства».

[10] В 1913 г. Н. К. Рерих назначен директором Женских курсов высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой.

[11] Мастер-Институт Объединенных Искусств (1921), Международный художественный центр «Corona Mundy» (1922), Музей Рериха в Нью-Йорке (1923).

[12] В Третьей международной конференции, посвященной Пакту Рериха (1933), участвовали 35 стран и США. В 1935 г. в Вашингтоне представителями 21 страны (США и стран Латинской Америки) был подписан Пакт Рериха.

[13] В мае 1913 г. Н. К. Рерих награжден Императором Николаем II орденом Святого Владимира IV степени.

[14] В 1915 г. Н. К. Рерих за участие в Балтийской выставке в Мальмё (Швеция, 1914) награжден командорским крестом ордена Полярной звезды.

[15] Н. К. Рерих 26 октября 1909 г. избран академиком Императорской Академии художеств.

[16] В 1906 г. Н. К. Рерих избран членом Национальной академии в Реймсе.

[17] В 1906 г. Н. К. Рерих в числе 15 русских художников избран членом Осеннего Салона (Франция).

[18] В 1909 г. за выдающиеся заслуги в археологии и исторической живописи Н. К. Рерих избран членом общества «Société Nationale des Antiquaires de France».

[19] В 1909 г. Н. К. Рерих избран членом венского художественного объединения «Secession» («Сецессион»),

[20] Лужичи, лужичане, лужицкие сербы – славянский этнос, представители которого проживают на территории немецких земель Саксония и Бранденбург и юго-западной Польши.

Леонид Андреев

Держава Рериха

Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает её постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так, сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу.

Видеть картину Рериха – это всегда видеть новое, то, чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что сняты лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так, даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любит профан всё загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотой.

И оттого путь Рериха – путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надёжным хранилищем его творческих откровений; вся Европа, столь недоверчивая к

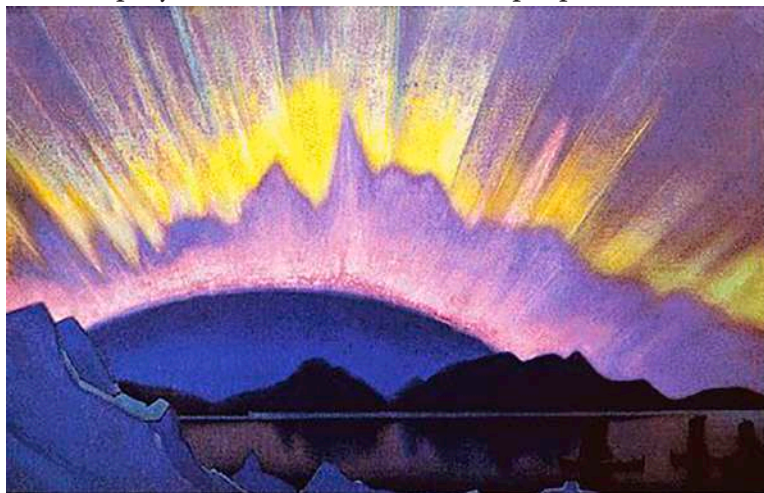
Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику.

Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию – и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесённый ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война – там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать

тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит – видит такой прекрасный

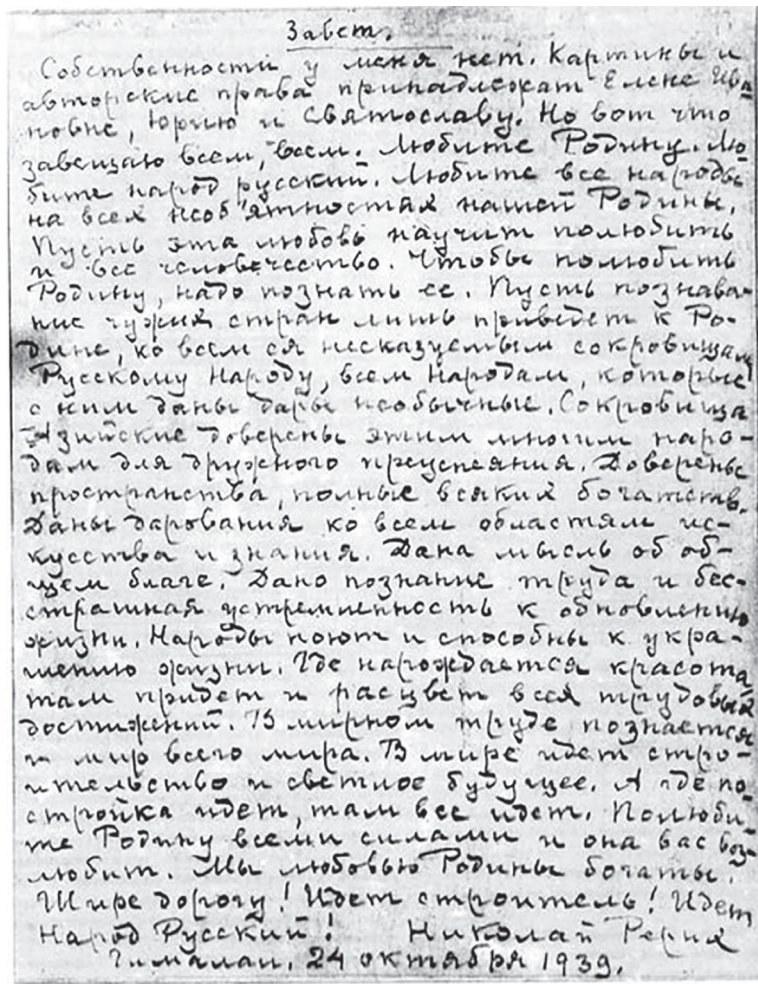
мир, мудрый, преображённый, прозрачно-светлый и примирённый, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой – Рерих не слуга земли ни в её

прошлом, ни в настоящем: он весь в своём мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому «Пер Гюнту», – даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира; такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грёзах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазёр и печальный неудачник Пер Гюнт – Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля – и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить север. Дело в том, что не занесённая на карты держава Рериха ле-

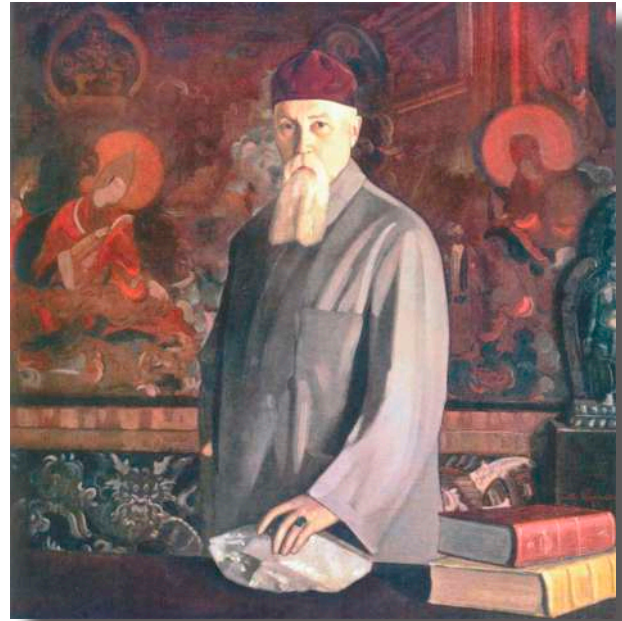

жит также на севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих – единственный поэт севера, единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его чёрные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи.

И ещё одно важнейшее можно сказать о мире Рериха – это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю – да и кто знает имя правды? – но её присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека всё наносное, всё лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви – и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать словами и её очарование и красоту; то, что так выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нём.

Но если уместна шутка в таком серьёзном вопросе, то не мешает послать в царство Рери-

ха целую серьёзную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят её на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

1919

Завет

Собственности у меня нет. Картины и авторские права принадлежат Елене Ивановне, Юрию и Святославу. Но вот что завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и всё человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать её. Пусть познание чужих стран лишь приведёт к Родине, ко всем её несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспевания. Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремлённость к обновлению жизни. Народы поют и способны к украшению жизни. Где нарождается красота, там придёт и расцвет всех трудовых достижений. В мирном труде познаётся и мир всего мира. В мире идёт строительство и светлое будущее. А где постройка идёт, там всё идёт. Полюбите Родину всеми силами – и она вас возлюбит. Мы любовью Родины богаты. Шире дорогу! Идёт строитель! Идёт Народ Русский!

Николай Рерих
Гималаи, 24 октября 1939

Хачик Манукян. Поэт, переводчик, Член СП Армении.

Родился в 1964 году в г. Эчмиадзин. В 1989 г. окончил строительный факультет Ереванского политехнического института.

Автор почти двух десятков поэтических сборников. Лауреат литературных премий, удостоен государственной премии РА «Золотой камыш». Награждён медалью «Материнская признательность». Произведения переведены на русский, английский, французский, немецкий, персидский языки.

Живёт в Эчмиадзине.

(Публикуемые стихи даны в переводе Т. Юргенсон)

* * *

В тебе дыханья моего исток –
И чувств моих к тебе не изменить, –
Я пращуров святых своих росток
И жив, пока тебя дано любить.

Из грёз моих воскреснет облик твой.
Армения, я больше не стыжусь
Твоих потерь, оплачены с лихвой.
И славы возрождённой я дождусь.

НАИРСКИЕ ЭЛЕГИИ

1.
Да, плачу горькою, невидимой слезой,
Что жжёт и раздрает болью горло,
Взамен твоих потерь несу свою любовь –
И руки для объятий распростёр я.

В больных от голода и мертвенных глазах
Нет очевидного и мысли здоровой,
Иов Благочестивый в ужасе б сказал:
Предавшим Бога воздано по праву.

И вот пред этим сумасшествием в глазах,
Которое, как меч, желает крови,
С оледенелых губ моих летят слова,
Как песня смерти, Родина, для нас с тобою.

2.
Жизнь моя – подарок трактиру,
И душа моя обагрена.

Без небес почернели крылья –
Стлели в пепел в огне вина.

Лихорадочным и неверным,
Стало глупым чувство любви,
Даже сила небес безмерная
Не смогла оторвать от земли,

Той, родной, растерзанной миром,
И испившей горя до дна.
Моя жизнь – подарок трактиру,
И душа моя обагрена.

3.
Ночь своей бородой заплутала в ногах –
Оттопчу – будет болеть.
Запечалилась грядка в весны холодах,
Иней в всходах остался синеть.

И всё меньше опоры уставшим ногам,
Хоть упрямей души не сыскать –
Гнёт меня вид твоих кровоточащих ран,
Взгляд голодных детей, Родина-Мать.

Безотцовщина-ветер прижился у нас,
Богоматери лик запыллил.
Мы остались одни без родительских глаз,
Сиротинушками без земли...

4.
Злорадство, шум и гам за тишиной,
Не разглядеть истерзанные лица.

Гиеной ветер наглый и шальной
Слизь с катафалка лижет, не боится.

Священник речью воодушевлён,
Себя он мнит посланцем Бога,
Паук лишь сердцем рыцаря пленён,
Торжественно-печален он над гробом.

А жизнь у славы – связка по рублю,
В итоге прогремит смертельной миной.
«Король не умер! Слава королю!»
Кричат приспешники в восторге мнимом.

Лишь ангел разрывает грудь земли –
Могильщиком безмолвным стал на время.
Он видит, как от истины вдали
Фрейд тащит на себе ошибок бремя.

Чтобы последний поцелуй отдать,
Пчела садится на висок кровавый.
И гложут скорбь и стон – над всем печать –
Распутный смех дворцовой славы.

5.
Хоть и дымятся твои раны,
Страна моя, ты всё ж живёшь,
И колокол души мой рьяный
Оглух, и высох слёзный дождь.

Теперь ты ярче красок лета
Окрепла вновь душа твоя,
И создана из глины света,
Для радости сотворена.

Пусть боль ещё не отступила,
И раны всё кровоточат,
А песни набирают силу,
И к битвам вновь готов булат.

И в кругу пропоют осанну,
Все те, кого ты долго ждёшь.
Хоть и дымятся твои раны,
Страна моя, ты всё ж живёшь.

ТРАКТИР

Я дорого плачу, но ещё дороже
Забутьё, что снова разум мой пленит.
Кажется, что ловко время уничтожил,
И теперь повинен чудеса творить.

На меня — Творца не смотрите косо,
Я нимб оставил свой дома, на столе.
Видите, у неба нет ко мне вопросов,
И голову венчает дым от сигарет.

Терпение, друзья, я сотворю вас снова,
Обряжу в одежды из солнечных лучей.
И воскресится мир вашим светлым словом,
И станете вы песней, что не было звончей.

ПЕРВЫЙ НОВЫЙ ГОД БЕЗ ТЕБЯ

Ушёл спокойным. Сам стал снегом.
Теперь летишь во все дворы.
Однажды, растворился в небе,
В азарте собственной игры.
Ликующей и чистой сказкой,
Ты сквозь печали бытия
К нам возвращаешься как праздник.
И новый фильм вдруг вижу я –
С игрой смешной и фееричной...
Да, с лёгким паром! старичок...
Ты вновь по адресам столичным,
Плутаешь, словно новичок,
Но только место, где любовь,
Ты никогда не потеряешь...
В объятьях наших тёплых таешь.
И ловим снег твой вновь и вновь.

* * *

В моём сердце останутся светлой мечтой:
На подоле у ночи дивные виды –
На матрасах твоих – я, обретший покой,
О, женщина, – дочь Семирамиды.
Огонь твоих слов сохранили века,
В свой зов ты добавила голос Орфея.
И жжёт твоё пламя мне сердце, пока...
Пока все иные мечты онемели.
Сколько сил отнял поиск ярких дорог,
Износилась душа интригою власти.
Вот вершина, казалось, и путь недалёк...
Но лишь женская грудь подарила мне счастье.
Благословен этот призрачный час,
Я ею спасён из бездны порочной.
Не грущу, пусть она не невеста мокац*,
А просто женщина единственной ночи.

Могк* местность в западной Армении
Из фольклора — преданные своему дому, обы-
чаям

Так сколько же лет Мегиону?

ИСТОРИЯ ПОХОРОНЕННОЙ ТЕМЫ И ПАТРИОТИЗМ ПО-МЕГИОНСКИ

И в мыслях не было, что через 20 с лишним лет меня попросят снова вернуться к теме возраста Мегиона. Тогда, два десятилетия назад, после нескольких лет отстаивания истинного возраста родного города и полной победы в этом вопросе, казалось, что всё решено окончательно и бесповоротно. Оставалось только оформить документы. Однако с неожиданным приходом в Мегионе в марте 2006 года к власти новых руководящих кадров во главе с А. А. Кузьминым, всё было похоронено. Всё – это, принятые до А. А. Кузьмина городской Думой и Администрацией города в лице А. П. Чапайкина решения, направленные на сохранение истории Мегиона, а также на развитие культуры и патриотизма. В их числе решения и об открытии Музея сельского (русского) быта (оставалось выкупить подходящий дом), и о передаче в состав Мегионского краеведческого музея памятника первопроходцам с тем, чтобы в запланированном при его создании внутреннем пустом пространстве оборудовать три очень важные для истории города экспозиции. А также решение о признании и утверждении 1781 года датой основания Мегиона, а никак не 1980, в котором ему присвоили статус города.

Сегодня, несомненно, кто-то может сказать: «А зачем нужны были ещё музеи? Отмели их – и ладно. Был же один...» Был. Вот только согласно «Модульному стандарту деятельности учреждений музейного типа» в городских поселениях с числом жителей от 10 до 50 тысяч должно быть 2-3 музея. На тот период в Мегионе насчитывалось 59,4 тыс. жителей. Простая арифметика...

Кроме того, в единственном музее с очень высокой посещаемостью катастрофически не хватало места для экспонирования в нём музейной коллекции, насчитывавшей в то время около 14 тысяч интереснейших предметов и бывшей одной из лучших в округе по своему историческому составу. Музей сельского быта и памятник первопроходцам призваны были решить и эту проблему.

Необходимость в Музее сельского быта вполне объяснима: до прихода нефтяников Мегион являл собой большую красивую деревню со всей инфраструктурой и большим сельским хозяйством, в 1954 году вобравшую в себя четыре соседних селения со всеми животноводческими хозяйствами и сельскохозяйственными угодьями.

В окрестных городах на тот период давно были открыты музеи сельского или русского быта. Так, в Нижневартовске был построен новодел. В Сургуте, в его старой части, восстановлен целый квартал интересной старинной застройки. Мегион с его историей не мог стать исключением.

Касательно памятника первопроходцам – в нём очень гармонично с его обликом и назначением, а также функционально и интересно по своему тематическому составу могли бы работать экспозиции, посвящённые первым геологам, строителям и нефтяникам, большинство из которых мегионцы помнили, и многие из которых ещё были живы. При этом решался вопрос и с сохранностью «ничейного» памятника. Мною, исполнявшей тогда обязанности директора по научно-исследовательской работе, был составлен внутренний архитектурный план Музея первопроходцев. Более того, он был передан в расчётную группу УКС Администрации города.

К большому негодованию мегионцев, новым властям не то, что новые, им и старый музей был не нужен, как, впрочем, и знаменитый музыкальный коллектив «Вдохновение», неоднократный лауреат международных конкурсов, под руководством талантливой И. П. Стоцкой. Его, как и музей, закрывали. «Вдохновение» спас округ, взявший на себя его финансирование.

Музей же, с 1997 года Региональный историко-культурный и экологический центр (Экоцентр) из бывшего здания детсада «Теремок», в котором он располагался с 1992 года, выселили. Здание «Теремка», почти полностью перестроенное собственными силами «музейщиков» под себя, забрали якобы под нужды детских садов, несмотря на заступничество большой окружной комиссии, огромное число писем от мегионцев в защиту лучшего музея в округе и официаль-

ного заключения о невыгоде нового построения музея и вторичного перепрофилирования «Теремка». После чего пустующее ободранное здание «Теремка», пережившее ещё и пожар, более 6 лет пугало прохожих чёрными глазницами окон. А ещё через пару лет отстроенное, с появлением частных садиков, стало невостребованным.

Не так давно В. В. Путин в открытом эфире напомнил известное высказывание Бисмарка о том, что войны выигрывают не полководцы, а учителя. И в последующем недавнем выступлении президент призывал к усилению работы музейных и образовательных учреждений в части патриотизма. Но этот вопрос на контроле у Путина был всегда. Ещё в 2001 г. была принята первая Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001-2005 гг.», и в числе основных её исполнителей было вписано Министерство культуры с подведомственными ему учреждениями. Однако в далёком от В. В. Путина Мегионе была своя политика. Что там президент с его программой? У А. А. Кузьмина с компанией имелась своя, как он считал, не хуже. Поэтому решённый при А. П. Чепайкине вопрос о летоисчислении Мегиона, как и прочие, команда нового мэра успешно похоронила.

НЕПРАЗДНЫЙ ВОПРОС И НАЧАЛО ДИСКУССИИ ПО ЕГО ПОВОДУ

Спрашивается, почему только за четыре года до появления А. А. Кузьмина возник вопрос о летоисчислении Мегиона? Думается, потому, что перестройка сломала и лишила инициативы и веры очень многих, на первом этапе создав безработицу, дефицит и талоны, затем разрушив советскую школу патриотизма, обгадив вчерашних героев и навязав стране новых, обеливая врагов, тех же Колчака и Бандеру, вынудив профессуру торговать в подземных переходах, а стариков и ветеранов лишив защиты от разного рода проходимцев и бандитов.

23 июля 1980 года посёлок Мегион был преобразован в город. Первое время этому радовались и гордились: родной Мегион стал городом, ожидали каких-то новшеств, улучшений быта и облегчения жизни. Однако они не случились. А позже, с появлением большого числа газет и массовым освещением круглых и не очень круглых дат в печати, народ заволновался: одни мегионцы смеялись, другие возмущались над абсурдностью столь юного возраста города, третьи про-

сто плевались. Более того, старожилы помнили, что до прихода нефтяников летоисчисление Мегиона велось с 1910 года. Почему с него, мне никто в своё время ответить не смог. Естественно, больше всего возмущались старожилы – об них словно вытерли ноги. Наверно, эмоциональнее всех в дни праздников города негодовал наш отец, Шлябин Дмитрий Васильевич – большой знаток истории и правдолюб: «А куда тогда делись несколько поколений хантов, основавших Мегион, тот же Проломкин!? Дом забрали, конюшню конфисковали! Вон они стоят! А его самого, что, не было? А рыбоучастка тоже не было вместе с соседкой Анной Петровной? А что тогда было? Получается, и фронтовики отдали жизнь за Мегион, который не существовал! И не было ни Норкина, ни Баграса!» Другие слова, добавленные отцом, приводить не стану, они не очень литературно звучали. Доставалось при этом и «тогдашнему» другу отца, бывшему до 1980 года председателем Мегионского поселкового совета А. А. Симакову: «А ты куда смотрел?»

И всё-таки нашёлся человек, смотревший в нужном направлении. Вопрос о восстановлении истиной даты основания Мегиона в январе 2002 года поднял житель Мегиона с 1975 года, санитарный врач Лев Александрович Шелепов. Вот что он написал в газете «Мегионские новости»: «Мы, ныне живущие, призваны изучить и написать историю места на Земле, где мы благодаря нашим предкам живём. А у них, наших предков, есть право быть незабытыми, и нам самой историей предоставлена честь передать нашу память потомкам».

Написав обращение к горожанам, Шелепов Л. А. обратился за поддержкой в Краеведческий музей в составе Экоцентра. Виктория Ивановна Сподина, директор Экоцентра, организовала проведение круглого стола по сбору мнений на поднятую им тему. В конце встречи решили поддержать инициативу Льва Александровича, развернув дискуссию в газете «Мегионские новости», а также направив меня с докладами на конференции в Мегионе, Нижневартовске, Тюмени. Естественно, мне предстояло заново пересмотреть музейные архивы, нашу великолепную научно-краеведческую библиотеку, бывшую лучшей в округе в поисках возможно неизвестных мелких фактов. Хотя я, живущая в Мегионе с 1961 года, а в Нижневартовском (ранее Ларьякском) районе с 1955, историю Мегиона знала неплохо.

К удивлению, мы, хранители истории и памяти, столкнулись с большим противостоянием некоторых городских структур. В этом далеко не праздном вопросе на первом этапе нас не поддержала Дума и категорически воспротивилось понимать руководство градообразующего предприятия ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз». К тому времени М. Я. Занкиев уже не работал, умный человек и патриот Сибири – он бы нас поддержал. Обращение Виктории Ивановны с письмом в Нижневартковский университет к кандидату исторических наук В. В. Цысю, жившему не столь давно в Мегионе, принесло отрицательный результат. От него музей поддержки не дождался – В. В. Цысь высказался против восстановления истинной даты летоисчисления Мегиона.

От лица администрации по данному вопросу в печати выступил главный архитектор города Н. Г. Бойко. Но суть своего выступления он свёл к одному: история Мегиона начинается с присвоения ему статуса города в 1980 году.

ИСТОРИЯ МЕГИОНА, ВЫЧЕРКНУТАЯ МИЛЛИОНАМИ ТОНН ДОБЫТОЙ НЕФТИ

Несмотря на появление в печати сообщений музейных работников, старожилов и краеведов, на изданные Экоцентром книги, Мегион, как и Нижневартовск, считался тогда и продолжает считаться сейчас молодым городом Сибири. Но ещё в 1926 году знаменитый педагог М. Н. Покровский, выступая против антиисторизма в школьном краеведении, писал, что в школе при изучении поселения интересуются только современностью. Однако при изучении населённого пункта необходимо придерживаться исторического подхода, то есть рассматривать его в развитии, чтобы все видели, что не всегда он был таким, каким является сейчас, и не всегда таким останется.

Нефтяной бум оставил в тени исторические события прошлых времён, заслонив громкими цифрами скромные деяния наших предшественников и предков. Сегодня немногие знают, что у Мегиона достойная самобытная история, уходящая корнями в далёкое прошлое, и своим появлением он как населённый пункт обязан вовсе не нефтяникам. Мегионские (Магионские, Мгионские, Маионские и т. п.) юрты основали древние остяки (ныне ханты). Мегионская история, как и любая другая, складывается из отдельных стра-

ниц. А в них, как в зеркале, отразились события всей страны.

Первое материальное свидетельство, связанное с историей Мегиона – это бронзовая шумящая подвеска и фигурка полой бронзовой птицы, в числе других найденные в разрушенном захоронении в 5 км от Мегиона. Попутно замечу: хантыйские кладбища традиционно устраивались на почтительном расстоянии от юрт во избежание вреда живым от ушедших в мир иной. Бытование этих предметов учёные отнесли к VI-VIII вв. н.э. Они документируют обитаемость тех мест, где возник наш Мегион, самое малое, 1200 лет назад. Поэтому расхожий термин «первопроходцы» сложно применять к первостроителям города. Всё это достаточно условно.

Дело 1781 года из Тобольского Государственного архива – другая страница истории. В описи этого документа, полное название которого: «Дело по запросу губернской канцелярии, сколько в городе Тобольске и Тобольской губернии в городах с уездами соборных и приходских церквей и сколько при приходских и приписных к ним деревнях приходских дворов и обоего пола души», в числе Лекрысовых и Ермаковых значатся юрты Магионские, приписанные к Ваховской Богоявленской церкви Ваховской волости в составе Тобольской губернии¹. Г На сегодняшний день именно в этом деле обнаружено самое первое упоминание о Мегионе.

История Мегиона необычайно интересна. Одна из её страниц связана с именем всемирно известного финского учёного Александра Матисаса Кастрена, который в материалах экспедиции 1842-1849 годов оставил сведения о Мегионе. Им описан курьёзный случай, когда остяки Майонских юрт пришли к нему на судно с жалобой на священника и пастыря, который приказал им отдать своих детей ему в обучение и воспитание. И несмотря на их несогласие, он всё-таки взял в школу двух мальчиков. Были и другие жалобы на священника от донельзя возмущённых остяков. Записи учёного-угроведа Кастрена переводились на другие языки, и угроведы всего мира узнавали о Мегионских юртах намного раньше, чем сами мегионцы о Кастрене и о том, что он их «засветил» на весь учёный мир. Сам же угровед, всю жизнь посвятивший изучению народов Си-

¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 3. Д. 2301. Л. 6.)

бири, пробыв в экспедиции 8 лет, подорвал своё здоровье и умер от чахотки.

В Тобольском архиве хранится Духовная ропись Ваховского прихода 1861 года со списком жителей Магионских ясачных юрт с указанием пола и возраста. Общее число жителей юрт – 47 человек, в том числе – 22 человека мужского пола, 25 человек женского. В характеристике жителей, кроме возраста и пола, также указаны их фамилии: Манины, Перегваткины, Рычины и др.²

Юрты остяцкие Майонские при реке Оби с двумя дворами и населением 14 человек значатся в «Списке населённых мест по сведениям 1868-1869 г.г.» Однако этот документ у меня вызывает большое недоверие резко сократившимся, по сравнению с предыдущим документом, числом жителей, а также дворов (с чего бы!) и переносом Мегионских юрт с берега Меги на берег Оби. Очевидно, либо описаны другие юрты, либо, что скорее всего, зафиксирована группа мегионских рыбаков на выездной ловле рыбы во время путины.

В книге «Статистика Российской империи. XXIX. Волости и населённые места 1893 года. Тобольская губерния» Магионские юрты значатся в составе Нижне-Верхне-Ваховской инородческой волости Сургутского округа. Число дворов 4, число наличных душ 34, из них 17 мужчин и 17 женщин³.

На протяжении последующих лет сведения о Мегионских юртах в составе российских земель прослеживаются неоднократно в различных письменных источниках. Варьируется лишь написание Мегиона, число жителей и количество дворов. К слову сказать, число дворов в земледельческой России того времени вёлся по старой форме, отличной от современного представления об этом действии. Количество душ мужского пола в населённом пункте делилось на четыре, итогом являлось число дворов. Поэтому часто в архивных документах при исчислении дворов встречаются дробные числа. Женские души в расчёт не брались – земля закреплялась только за мужчинами.

Не обошёл своим вниманием Майонские юрты и известный сибирский исследователь А. А. Ду-

² Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-493. Оп.1. Д.1.

³ Статистика Российской империи. XXIX. Волости и населённые места 1893 года. Тобольская губерния. С.-Пб. 1894. С. 59

нин-Горкавич. В книге «Тобольский Север»⁴ по материалам экспедиции 1899-1903 годов он описал и поселение, и «плодородные чащевые кедровники» возле него, на которых чистили орех.

Селение Мегион на протоке Меги обозначено на лоцманских картах Томского и Николаевского (позднее Новосибирского) пароходств начала XX века, также оно указано в справочниках. В этих изданиях приведены и пути захода в протоку Меги с основного русла Оби, и даны расстояния от крупных населённых пунктов, от пристани, от церкви, а также возможность заправки дровами (в обмен на соль, спички и прочее). Остяки заготовкой дров почти не занимались, не в их традиции было пилить деревья. Швырок – короткие чурочки определённой длины для паровой топки – заготавливали в больших количествах в основном русские.

Не одну сотню страниц заняли бы жизнеописания нескольких родов хантов, основавших Магионские юрты, с их интереснейшей самобытной культурой, предки которых и поныне живут в Мегионе.

Документы советского времени относят возникновение юрт Магионских к 1910 году. Так, эта дата значится в «Списке населённых мест Сибирского края за 1929 г.», в «Комплексном обследовании по землеустройству туземного, русского и старожильческого населения Александровского района Нарымского округа Западно-Сибирского края» и в некоторых других материалах. Трудно сказать, почему не были найдены более ранние архивные источники первыми советскими чиновниками. Очевидно, сказалась слабая источниковая база, отсутствие системы поиска, поспешность и недостаток грамотных специалистов. Но даже полуграмотные первые представители советской власти, которых меньше всего интересовало «тёмное прошлое полудикаких народов» в составе имперской России, не могли додуматься до того, чтобы вести летоисчисление Мегиона с переломного в истории 1917 или, положим, с 1932 года.

Многим историческим событиям сибирский менталитет придал особый, неординарный характер. В 1930-е годы жители села Комас из-под Александрово и деревни Прорыто из-под Каргаска (нынешней Томской области), спасаясь от коллективизации и используя опыт предков, строивших крепости и храмы из ладей, разобра-

⁴ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т.2. 1910. С. 7

ли избы на плоты, и погрузив на них имущество, скот и домочадцев, отправились вниз по течению.

Заехав в протоку Оби – Мегу, беженцы хотели обосноваться в Майонских юртах, однако были встречены дулами охотничьих ружей. Поскольку русские семьи и раньше жили в Мегионе, думается, ханты воспротивились не русскому вторжению, а убоялись новых порядков, которые несла советская власть. Ни для кого не секрет, что не ждали в момент раскулачивания от Советов ничего хорошего ни местные жители, ни зажиточные сибирские мужики. Ещё свежи были в памяти местные братоубийственные события Гражданской войны и не забыты кровавые баржи Колчака. Только в 1950-е годы были вымыты речным течением последние останки колчаковских солдат и зверски убитых красноармейцев, брошенных или частично захороненных мегионцами на берегах Оби, которых отступавший Колчак вёз за собой на барже.

Пришлось беглецам от советской власти обосноваться на острове Смольном, в 7 км ниже (по течению Оби) от Мегионских юрт. Собрали 15 домов по числу семей, распахали поля и огороды. Новую деревню назвали Смольной.

В 30-е годы XX века продолжилась история «русского» освоения Среднего Приобья. Именно им – Новосельцевым, Пермитиным, Анисимовым, Гордеевым и другим переселенцам из Александровского района Томской области принадлежит первый опыт мегионского хлеборобства. В Мегион русских беженцев остяки пустили значительно позже, когда убедились, что вреда от них не будет. Но ещё и в 1931 году, когда в Мегионе открыли туземную школу, ребяташки из Смольной деревни бегали на лыжах туда учиться.

В конце 1932 года юрты Мегион объединили в рыболовецкую артель, затем на базе артели в Мегионе было создано ССППТ – Северное смешанное производственное (промысловое) товарищество имени Стаханова, а не колхоз, он был организован значительно позже. Вместе с хантами бок о бок трудились русские. Переселенцы внесли в жизнь коренных народов новые социокультуры: земледелие и животноводство, что дало весомые результаты. Колхозы нашего района (Лекрысово, Покур) получали призы на ВДНХ в Москве. Лекрысово позже войдёт в состав Мегиона.

Первыми работниками музея в результате исследований была создана рукописная «Книга памяти», посвящённая мужеству наших земля-

ков-мегионцев – участников Великой Отечественной войны, многие из которых остались лежать на чужой земле. Из семьи Мериновых (наших соседей) на фронт ушло пятеро братьев, никто не вернулся.

В годы войны Западная Сибирь стала одним из главных поставщиков хлеба, картофеля, мясомолочных продуктов, рыбы. Сегодня многим трудно поверить, что в Приобье ещё не так давно процветало сельское хозяйство, что во время Великой Отечественной войны сибиряки, в том числе и мегионцы, обеспечивали хлебом не только себя, но и выполняли норму его поставки на фронт. В посевные планы включали лучшие селекционные и местные районизируемые сорта зерновых культур: озимой ржи, ячменя, овса, пшеницы. Кроме того, выращивали овощи, а также кормовые корнеплоды для крупного рогатого скота и технические культуры (лён, коноплю, табак).

В 1954 году мегионский колхоз имени Стаханова только крупнорогатого скота насчитывал 951 голову, имел племенную звероферму по разведению серебристых чернобурок на 200 голов.

1958 год открыл новую страницу в истории Западной Сибири. В том году началось разведочное бурение Мегионской площади на Баграссе. 21 марта 1961 года – победоносная страница истории, связанная с открытием бригадой Г. И. Норкина промышленных запасов нефти в Среднем Приобье. Григорий Иванович Норкин не только легендарный мастер, но и человек-легенда.

В Мегионе сразу же с открытием нефти на Баграссе началась застройка новых улиц, примкнувших вплотную к колхозной территории. Уже в 1961 году в составе разведки создаются первые строительные бригады. В строительстве одноэтажных двухквартирных домов с печным отоплением и отдельными входами (а не барачных, как пишут многие), были задействованы бригады Дмитрия Васильевича Шлябина (он же был назначен мастером), Геннадия Панова и Станислава Уткина. Кроме них по найму работали одна-две бригады приезжих вятичей. Прорабом был назначен А. Королёв. К сентябрю 1961 года было собрано четыре двухквартирных дома на крутом яру Меги. А в течение года было построено три улицы.

В те годы приток приезжего населения пополнил Мегион. Многие, приехавшие тогда, и поныне живут в Мегионе, по праву считая себя старожилами.

С 1961 года главной заботой государства стала нефтегазодобывающая промышленность. Богатый сельхозресурсами край перестал обеспечивать себя продуктами. Непродуманность аграрной политики в 1960-е годы ввела сельское хозяйство Западной Сибири в глубокий кризис. В результате хрущёвской политики по укрупнению колхозов исчезли с лица земли окрестные деревни: Погорельск, Лекрысово, Вампугольск и др. Вскоре и в Мегионе не осталось следов развития сельского хозяйства, клеточного звероводства, рыбодобычи в промышленных масштабах.

В 1965 году мегионскими геологами была открыта «жемчужина» страны – Самотлорское месторождение.

В 1961 году деревня Мегион была преобразована в село. В 1962 году районный центр из Ларьяка был перенесён в Нижневартовск. Долго выбирали между Мегионом и Нижневартовском, на Нижневартовске остановились исключительно из-за большей его доступности по воде. В феврале 1962 года была создана Мегионская нефтеразведочная экспедиция, которой руководил В. А. Абазаров, (впоследствии лауреат Ленинской премии). В 1964 году Мегиону присвоили статус рабочего посёлка. С этим же годом связано появление в посёлке тысячного жителя и нескольких партий условно-освобождённых преступников. Ржавый остов парохода «Карл Либкнехт», пришвартованный к берегу Меги, ещё долго напоминал старожилам о том времени, когда в 1964 году Мегион и Нижневартовск были объявлены комсомольской стройкой, и параллельно с комсомольцами прибывали партиями эки. Однако, когда в посёлке начался жуткий беспредел с кровавыми жертвами, дела уголовников пересмотрели и большую их часть вернули на нары. Многие из неотправленных назад, осчастливив мегионских вдовушек и одиночек, до конца своих дней осели в Мегионе.

4 мая 1964 первая промышленная партия нефти была отправлена на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Семидесятые годы положили начало капитальному строительству в Мегионе – первый кирпичный дом был построен на нынешней улице Ленина. В мае 1973 года на территории будущего посёлка Высокого высадили десант строителей железной дороги. А в 1977 году на станцию Мегион прибыл первый поезд.

В 1970-е годы мои одноклассники стали гордостью Мегиона. Подруга детства, Людмила

Алексеевна Кошиль, первая в мире (кажется, и единственная) женщина-бортмеханик вертолётов, стала девятикратной чемпионкой мира по вертолётному спорту. Проживая тогда в Минске, я видела по телевизору наших со старшим братом одноклассников, из династий нефтяников Рудольфов и Мартынов, тогда уже знаменитых на всю страну, а позже и Николая Геничева.

А 23 июля 1980 года случилась эта, по большому счёту, знаменательная история – посёлок Мегион был преобразован в город. Но новоявленный город по-прежнему продолжал оставаться придатком Нижневартовска. И только с 1996 года Мегион стал самостоятельным. Город стал развиваться, когда его перестали сдерживать.

ЗНАНИЯ ПРОТИВ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Тогда, в 2003 году, моим основным оппонентом стал главный архитектор Мегиона Николай Григорьевич Бойко – ему, как и мне, поручили в высшей степени сложное и важное дело. Конечно же, за ним стояли другие. Я не знаю, где он теперь, кажется, в Тюмени, но знаю, что Николай Григорьевич – порядочный человек. Где бы он ни был сегодня, пусть простит меня за то, что вынуждена снова вспоминать его имя в связи с той давней историей.

Так вот, по его мнению, Мегионские юрты нельзя считать поселением как таковым, поскольку их постоянное месторасположение вызывает сомнение.

Обратимся к топонимике – исторической науке, изучающей происхождение, содержание и развитие географических названий. Топонимы очень часто обусловлены. В пользу постоянства месторасположения Мегионских юрт говорит его древнее название, связанное с рекой Мегой, ещё в детстве выявленное краеведом и художником Д. Д. Шлябиным у мегионских стариков: «Пыгор-Тя-Мыг-Онг-пугол» (в русском переводе – «Поселение, лежащее в устье протоки, огибающей материк»)⁵. И в самом деле, Мегион основан на берегу крутого поворота Меги – протоки Оби. К слову сказать, в конце XIX века венгерский лингвист Бернат Мункачи записал уже более упрощённое, трансформированное название «Меге-Унг-пугол», что значит «поселение в устье излучины».

Постоянство расположения Мегиона подтверждает и другой факт. Среднеобские остяки

⁵ Шлябин Д. Д. Мои дороги. Мегион. 2000. С.62.

не являлись кочевниками, так как не занимались выпасом оленьих стад. С. И. Ожегов толкует слово «кочевой», как «переходящий с места на место со своим жильём и имуществом, не проживающий постоянно на одном месте». Ханты же имели постоянное зимнее поселение (или юрты), которое никуда не переносилось и было привязано к определённой территории. Как правило, неподалеку от него располагалось и летнее, в которое переселялись с приходом тепла. Для сравнения, это, как дача, у нас, русских. А у кого её нет, тот «кочует» с палаткой.

Что же касается непосредственно Мегииона, то его основатели выбрали настолько удачное место, что смогли расположить рядом и зимнее (ныне – улица Нагорная) и летнее (ныне улица – Подгорная) стойбища.

О постоянстве расположения Магионских юрт говорят и письменные источники прошлых веков, в которых указаны, как конкретные приметы (правый берег Оби, протока Мега), так и расстояния от других населённых пунктов и от церкви, к которой юрты были приписаны.

С гордостью жители Ханты-Мансийска говорят об истории своего города. Столица округа ведёт своё летописание с упоминания в 1637 году Самаровского яма, когда остяцкие юрты князя Самара были заселены русскими. Тогда там числилось около 50 ямщиков. 10 декабря 1930 года был образован Остяко-Вогульский округ. Административным центром назначили село Самарово, то есть бывший Самаровский ям. Однако в силу географических причин было принято решение об устройстве в 5 км от него новой столицы округа. Новый окружной центр был построен в урочище Большой Черёмушник и получил название Остяко-Вогульск (ныне Ханты-Мансийск). И только в 1950 году, с получением Ханты-Мансийском статуса города, Ханты-Мансийск и Самарово слились. И, хотя новую столицу построили в 1930 году, свое летоисчисление она ведёт с 1637 года, как Самаровский ям.

Всё познаётся в сравнении. Так почему же наш город, имея в отличие от Ханты-Мансийска, свою собственную древнюю историю, отмечает нелепо-абсурдные даты летоисчисления?

Отказывая Мегииону в древности его происхождения, Николай Григорьевич подходил к этому вопросу с точки зрения типологии. Он полагал, что Мегиионские юрты вряд ли можно считать поселением, как таковым, так как их нельзя отнести даже к малым сельским поселениям

– такими по классификации считаются «те, где проживает до 50 человек».

Но, во-первых, условие «до 50» никак не исключает Мегиионские юрты из существования, а лишь относит их в разряд малых сельских поселений. Также следует иметь в виду, что зарождение городов происходит на основе различных типов поселений. У хантов известны два их вида: «городок» – («горт», «ват», «вош») и «юрт» – («пугол», «вош-пай») Исследователи по-разному оценивали их роль и функции. Одни (С. В. Бахрушин, А. И. Пика) считали городки крупными территориально-родовыми общинами, другие (Г. Ф. Миллер) акцентировали внимание на оборонительной функции городков.

Следует заметить, что в XV-XVII вв. в Северном Приобье укрепленных городков было довольно много: в Сургутском уезде – 8, а в Тобольском округе – 60. Однако до конца XIX в. в официальных документах хантыйские поселения всё ещё продолжали именоваться городками, хотя они никакого отношения к укрепленному типу поселений уже не имели. Поэтому грань между «городком» и «юртами» была условной. По структуре и характеру оба типа поселений не отличались друг от друга.

Вряд ли кому-нибудь придёт в голову утверждать, что Новгород X-XII в.в. не являлся городом, так как отсутствовало официальное постановление, определявшее его статус, а численность населения не соответствовала нужному уровню.

Вопрос о происхождении любого населённого пункта достаточно сложен, и к нему нельзя подходить однозначно. Правильно ли вести летоисчисление с 23 июля 1980 года, как это принято сегодня, если это событие никак не повлияло на становление города? 28 важнейших объектов были построены до этой даты. Даже после объявления Мегииона городом, он ещё долго оставался придатком Нижневартовска.

Кроме того, общепринято вести летоисчисление населённого пункта с момента его основания либо с первого упоминания. Например, Москва ведёт отсчёт своему рождению с 1147 года, под этой датой в летописи упоминается о встрече в Москве ростово-суздальского и черниговского князей. С этого же года ведёт своё летоисчисление и Вологда, также впервые упомянутая в документальном источнике под 1147 годом. И это так же естественно, как определять возраст человека с момента его рождения, но никак со вступления его в совершеннолетие.

Уместно вспомнить, что в России существуют деревни с тысячелетней историей, и города, ставшие деревнями. Так, старинный город Вщижск (на правом берегу Десны) ныне является селом. Поскольку он перестал быть городом, то с точки зрения Николая Григорьевича, ему следует отказать в возрасте, а значит, и в существовании. Конечно же, это не допустимо.

Немаловажным условием при выяснении поставленного вопроса является преемственность непрерывного социально-экономического и культурного развития населённого пункта и его предшественника. К этому условию нужно подходить осторожно, нельзя понимать преемственность буквально, сравнивая образ жизни и культуру остяков XVIII века с сегодняшними реалиями. Это так же нелепо, как искать общее в жизни и культуре москвича 1147 года и современного москвича.

К слову сказать, у наших предков не было сомнения в том, что Мегионские юрты относятся к Российским пределам. Все имеющиеся письменные источники (ведомости о составе приходов, духовные росписи, списки населённых мест и т. п.) включают Мегион в состав русских губерний, волостей и уездов.

Мегионские остяки были крещены, переписаны, отнесены к Ваховскому приходу. Они исправно платили ясак, ведя традиционный образ жизни и приобщаясь к русской культуре. Упомянутый выше, А. М. Кастрен в материалах экспедиции 1842-1848 годов описывает случай, из которого следует, что ханты имели возможность учиться.

Русские же не только основали рядом с хантами свои поселения, такие как выселок Вата, деревня Лекрысово, казачья станица Локосово, но и селились в остяцких юртах. Это прослеживается по материалам А. А. Дунина-Горкавича. В Майонских юртах в 1899-1903 годы вместе с остяками проживали и русские (всего 28 человек). В хозяйстве держали 9 коров, 34 лошади, 14 собак. Коров, очевидно, разводили русские, лошадей охотно держали и те, и другие. Старожилы ещё и сегодня помнят знаменитую конюшню Михаила Проломкина.

Русские, традиционная система природопользования которых мало чем отличалась от культуры коренных народов, не разрушали её. Происходило взаимообогащение и взаимопроникновение культур. Поэтому утверждение об отсутствии связи и преемственности непрерыв-

ного социально-экономического и культурного развития не имеет под собой почвы.

Основное требование науки рассматривать любое явление или событие в развитии. Не является исключением и геоурбанистика, один из разделов которой посвящён историческим этапам развития городов. Фундаментальное понятие геоурбанистики – экономико-географическое положение. Это многокомпонентное понятие, одна из составляющих которого – историзм. Экономико-географическое положение изменяется во времени. В определённый период под влиянием различных факторов возникают предпосылки для роста города.

Для Мегиона хантыйские юрты как раз и явились такой же отправной точкой, как славянские городища и поселения для Киева, Любеча, Суздаля.

Так сколько же лет Мегиону? Неужели его история, недостойна быть? И неужели миллионы тонн добытой нефти должны вычеркнуть из памяти все её страницы? Имеем ли мы право забыть тех, кто своим трудом корчевал тайгу, поднимал культуру земледелия, выращивал для страны ценные меха, отправлял своих сыновей на фронт, сдавал тысячами центнеров рыбу, дичь и орехи, в невероятно тяжёлых условиях открывал месторождения нефти и газа, строил город будущего? В котором их вдруг по чьей-то неразумной воле лишили собственной истории...

Справедливо ли по отношению к ним дату основания Мегиона подменять датой придания статуса города? На этот вопрос всякий разумный человек, если только он не враг патриотизма, убеждённо ответит: «Нет!»

Давно пора восстановить историческую справедливость и узаконить истинную дату летоисчисления Мегиона! А дата 23 июля пусть останется Днём города, а не точкой отсчёта его возраста.

PS. Есть у редакций изданий право говорить о поддержке или не поддержке авторской позиции. В вопросе, поднятом в данном материале, «Глаголь» выражает полную солидарность с позицией автора, тем более, что материал подготовлен по просьбе редакции.

Для меня Марина Боровинская – друг с наших студенческих лет. Для всех своих многочисленных учеников она – Марина Александровна, с уважением и даже почитанием. Познакомились с ней в университетском общежитии, в комнате, где жила моя младшая сестра, на тот момент тоже студентка биолого-почвенного факультета Томского государственного университета и одногруппница Марины. Девчонки уже учились на дневном отделении, а я, по сравнению с ними, с опозданием поступала на журналистский факультет в тот же универ.

С Мариной мы сошлись даже не характерами, а, наверное, натурами, – обе немного авантюристичные, мечтательные и, наверное, деятельные. Несмотря на то, что я уже работала в районной газете и шла на журналистику, биология, как наука о жизни, мне тоже была не безразличной. Впрочем, она осталась такой и сейчас.

После окончания университета Марина уехала в Новосибирск, да так там и выросла. Наши встречи не часты, но только одна мысль о том, что у меня есть такой друг, не просто делает эту жизнь прекраснее и устойчивее. А ещё позволяет даже в этой беседе, предназначенной для самого широкого круга читателей, оставаться самим собой и сохранять лёгкость в разговоре, потому что знаю, она просто поймёт...

Человек, которому хочется объять всё...

– Ну что, готова отвечать на мои каверзные вопросы, друг мой? Давай сразу начнём с твоих фотографий, а потом всё остальное потихоньку.

Я тебя знаю как биолога, ну, сама понимаешь, да, и для меня вот наша встреча и наша дружба, которая началась в Томске, она, конечно, священна, но то, что ты заболеешь такой же болезнью, как и я, – фотографией, честно сказать, было для меня несколько... Ну, неожиданно, что ли.

А с другой стороны, я предполагала, что так и должно было случиться. Ты же тоже любишь путешествовать и ездить. Да и профессия у тебя, в принципе, такая. Пока мы говорим о фотографии. Как ты к ней пришла?

– На самом деле, это такое моё было, я бы сказала, перманентное, что ли, увлечение. Я периодически к ней возвращалась, периодически бросала. И я понимаю, что каждый раз на каждом витке я возвращалась на новом уровне. То есть каждый предыдущий уровень это были более слабые работы. Каждый следующий более сильный. Ну, наверное, вот так.

Начала заниматься впервые, конечно, ещё

когда были цветные слайдовские плёнки Кодек, когда был помнится у меня фотоаппарат зенит ТТЛ. Конечно, я жалею, что в какой-то момент он у меня сломался – вылетела оптика, и я просто мужику одному продала. Он собирал для выставки. А я подумала тогда – что зря валяется?

– А сейчас у тебя какой фотоаппарат?

– Сейчас у меня нет фотоаппарата.

– Ты всё на телефон снимаешь?

– Нет, дело не в этом. Просто это мой рабочий фотоаппарат. Я никак не сподоблюсь купить себе. И у меня есть мысль, несмотря на телефоны и всё такое, перед выходом на пенсию, ну, или не то, что перед выходом на пенсию, а, может быть, в ближайшие несколько лет всё-таки купить хорошую зеркалку. Ну, у меня уже была...

Была один раз уже попытка купить. Я, думаю, посмотрю на авито. Залезла, и все продают новые, некоторые пишут, даже не раскрывали. Я такая думаю, то ли это, какая-то партия неудачная, может быть была или ещё что-то. Я к Кэно-

нам привыкла. А все отвечают одно и то же, нет, перешли на телефон. Понимаешь? И, конечно, я какое-то время тоже перешла на телефон, даже видео стала снимать на телефон, монтировать.

Закончила курсы по обработке фотографий на телефоне и видеомонтаж. Даже детей учила на занятиях. Я медиа-журналистику уже вела долго в школе для инженерных классов. Потом поняла, что есть такие ситуации, особенно при съёмке, допустим, животных в дикой природе, когда никакой телефон тебя не спасёт, не поможет. Всё равно нужна хорошая оптика.

– Я помню, как я долго-долго не могла перейти с плёночного фотоаппарата на цифровой, потому что до сих пор уверена в том, что плёночные снимки они интереснее и глубже, чем цифровые. Может я ошибаюсь? А представить переход сегодня с цифровой зеркалки даже на телефон, это вообще как-то в голове не укладывается.

Первый раз о таком слышу, что народ предпочитает телефоны. Хотя это дешевле, конечно.

– Дело даже не в том, что дешевле. Таскать на себе оптику тяжёлую, особенно если, допустим, ты куда-то путешествуешь с детьми, – каждый лишний килограмм играет значение.

– Ну, с этим соглашусь. Ты, скажи, сейчас продолжаешь вести эту студию медиа-журналистики или нет?

– Конкретно последние два года нет, просто потому что очень большая нагрузка в плане биологии стала, и я наконец-то выпросила у руководства школы, чтобы взяли к нам хорошего специалиста. Пришёл просто шикарный дядька – он оператор на нашем новосибирском телевидении. Я уже чувствовала, что у меня какой-то потолок – всё что могла я дала детям, а для их движения дальше должен уже быть специалист такой, который именно этому обучался, который работает в этой сфере именно профессионально, потому что дети уже, знаешь, стали выходить на разные там всякие всероссийские уровни.

Ну, и, если честно, у меня появилось ещё одно занятие. Я обучилась на нейротехнологии а это, в общем достаточно серьёзный предмет.

– Куда тебе понесло?

– Да не говори. Я стала преподавать нейротехнологии. То есть для инженерных классов. Ну и поэтому мне как-то пришлось выбирать. И я выбрала всё-таки это направление. И мне пока оно нравится. Что будет дальше, я не знаю. Ты же знаешь нас...

– Да, нет, я не сомневаюсь в этом плане. Но я так понимаю, что для себя фотография, так сказать, осталась.

– Однозначно. Иногда мне даже жалко, что нет времени помонтировать. Я ведь очень много видео занималась. Вот именно монтажом. Одно дело, снимать, всякие приёмчики там использовать, но именно монтаж... Хотя, вот могу сказать, что у меня был проект «Дорога в театр» – в течение года я снимала видеофильмы ко дню рождения каждого актера нашего семейного театра «Торт на небе», тех, кто уже больше 10 лет там пробыл. Пожалуй, это такой последний мой крупный проект был, но именно связанный с монтажом.

– Вернёмся к фотографии. Я вот тут смотрю, среди тех снимков, которые ты мне дала для публикации, есть Сахалинские. Люблю Сахалин. Это последняя большая серия, этого года?

– Да.

– А ещё у тебя очень красивый Алтай. Особенно запал мне снимок, где человек и парящий орёл... А кто это на снимке, если не секрет?

– Вообще не знаю кто. Совершенно случайный. Мне композиция понравилась. Я находилась достаточно далеко, вот человек так одиноко стоял и, в общем, сняла. Ну, на самом деле, видишь, я ж тебе ещё не все отправила фотографии по Алтаю. Да, там у меня было много очень снято людей, интересно, на фоне гор, там ещё чего-то. Но это всё, так сказать, просто попутчики.

– Хочу тебе сказать, что я выбрала практически без людей снимки. Единственное, ещё кроме вот этого одинокого человека, взяла девочку, которая играет с волной. Ну, вот такой солнечный. Это на Обском море?

– Нет, это на Сахалине. Не знаю, насколько понятно или нет по фотографии, девочка кореянка. Она такая смешная.

Это Анивский залив. Японское море.

Представляешь, я неделю там пробыла, ну, восемь дней. Всё время погода была такая непонятная какая-то, то дождь, то пасмурно, то моросит. И в последний день – яркое солнце, жара, вода прогрелась. Я, знаешь, залезла и просто не вылазила из воды.

– А какие планы на ближайшие путешествия, так сказать?

– Ближайшие путешествия именно с фотоаппаратом? С фотоаппаратом вот 1 января улетаю

в Питер. Я, конечно, путешествовала по Питеру с фотоаппаратом несколько лет назад, но это было летом. И тогда был не столько Питер, а сколько наш театр, ну то есть люди в Питере.

В Выборге я летом была два года назад. Теперь очень хочу зимой посмотреть и Великий Новгород тоже.

Не знаю, как с погодой, конечно, будет.

– *Давай теперь от фотографии к твоей первой, так сказать, основной профессии, биологии, ты её не разлюбила?*

– Нет, конечно. Я тебе больше скажу, чем бы не занималась в жизни, да, у меня много было и работ, и увлечений, я считаю, что моя миссия, именно миссия внутренняя, это готовить детей, которые потом становились, как это ни странно, в основном учёными, биологами, врачами.

В этом году первый раз одна девочка, девятиклассница, на мой вопрос – куда хочешь поступать? – ответила: «Я хочу быть учителем биологии». Я впервые услышала от ребёнка, что он хочет быть учителем. Вот честно. Настолько в нашу профессию дети идут мало...

– *Ну, ты же тоже училась не как педагог, ты же университет заканчивала, как биолог, из которого мог бы получиться учёный, исследователь.*

– Это понятно, что меня в школу случайно, так скажем, занесло кризисом 90-х годов.

– *И так тебя школа не отпускает.*

– Если честно, первые лет 15 я каждое лето думала – так, куда мне уйти? Ну, я не то, что прямо тяготилась работой в школе, просто мне было этого мало всегда. Может, поэтому всё время искала себе приключений. То медиа-журналистикой занялась дополнительно, то вот нейротехнологиями.

Ну, мне всегда не хватало просто работы с детьми.

– Ну, и ещё одно твоё тоже, я помню, увлечение со студенческих лет – это театр.

– Да, только не со студенческих. Это с четвёртого класса.

– *Ну, я-то тебя знаю со студенческих лет. Поэтому и говорю, а вообще если у тебя эта любовь с четвёртого класса, почему ты не пошла в актрисы?*

– Я не хотела быть просто актрисой, я фанатела по театру кукол. То есть, просто актёрство, мне абсолютно было неинтересно, и я очень долго хотела быть режиссёром театра кукол.

Даже когда уже закончила ВУЗ, я думала о том, чтобы получить второе высшее образование. Но там такая фишка, что на режиссёра кукольников делается набор в вузах раз в четыре года, а иногда он вообще не делается. Почему? Потому что потребность в такой профессии в стране очень мала. У меня был момент, когда я познакомилась с режиссёром, которая именно преподавала в Новосибирском театральном институте именно эту профессию. Она во мне какие-то задатки увидела и даже меня начала готовить к поступлению. Мы с ней очень тесно так общались. А потом выяснилось, что следующий набор будет только лет через пять.

Потыкалась в другие города, там тоже какие-то наборы были непонятные. И постепенно, постепенно я от этой мысли отошла.

Ну, а любовь к театру осталась.

– *И как называется театр, в котором ты давно уже играешь?*

– Семейный театр «Торт на небе».

– *Что вы играете? Вот на днях буквально тебе звонила, ты говоришь, у нас спектакль. Что ставили?*

– Ой, у нас удивительный, удивительно добрый спектакль, который называется «Я люблю». Не было готового, так скажем, сценария. Это сценарий, который рождала вся наша труппа вместе. Мы подкидывали идеи, что можно было бы изобразить. Пожалуй, это первый такой спектакль, который строился именно полностью на наших идеях.

Ну, Ирине Борисовне (И. Б. Суржа – режиссёр театра) хотелось от нас что-то получить, и мы просто набрасывали идеи, придумывали по ходу себе разные образы. Какие-то она кусочки репетировала, идейки всплывали. А на самом деле, канвой этого спектакля является популярная музыка. И скажу, получился больше мюзикл, чем спектакль.

Называется он «Я люблю». Несколько сюжетных линий, разновозрастных, он о том, как люди находят, как люди теряют друг друга... Получилось очень трогательно, очень красиво, здорово.

– *С твоими основными увлечениями понятно. Вернёмся к фотографии. Какой снимок ты хочешь сделать? Какой он – идеальный снимок для тебя или желанный, или фантастический, который вот просто невозможно как хочется снять? Я вот, например, хочу на Северный Ледовитый океан...*

– Не сказала бы прямо – хочу Северный Ледовитый, но так вот пофантазировать... Да, мне бы хотелось поснимать диких животных, например китов, выпрыгивающих из воды с фонтаном брызг. То есть, хочется какие-то такие вещи увидеть и снять, которые каждый день мы не видим в жизни. Я же фотографирую не для кого-то, а для себя, это знаешь, как способ сохранить впечатление о тех местах, где ты бывал.

– Ну да. Тут перебирала фотки старые в компьютере. Потихонечку там надо навести порядок. Открыла очередную фотку...

У нас вот тут деревня есть в районе, Больше-тархово, на Вахе. Там жил Луцкий Сергей Артёмович, мой друг, писатель. Мы нередко ездили к нему в гости. И эта фотка из поездки более десятилетней давности. Как обычно, лето, жарко. И как обычно жарили шашлыки. Ты понимаешь, на фотке у меня там мангал, вот мясо на нём золотится, Сергей колдует над этим мясом. И открываю эту фотку, а на меня как будто этим запахом дыма и почти готового шашлыка пахнуло. И я как будто услышала вот эти шумы летние – комары жужжат, у нас их хватает, и в то же время ветерок какой-то. Я просто ошалела вчера от таких явственно нахлынувших воспоминаний.

– У тебя образное мышление хорошо развито, волна воспоминаний такая. А ещё вот, если счастлив был в этот момент, и было какое-то ощущение приподнятости, так оно вообще сразу охватывает. Я именно ради этого и фотографирую, наверное, чтобы особенно зимой изменить настрой серых будней просмотром летних фотографий. Классно так.

– Вообще шикарное изобретение человечества конечно. Фотография мне даже больше, чем кино нравится, не знаю почему.

– Да, конечно, это же как остановить мгновение – вот какой-то там бывает взгляд, какая-то эмоция.

– Он, как твоя чайка с этим птенцом, тут оборачивается и на тебя ругается.

– Эта вот чайка, это маяк Анива (о. Сахалин). Чайки на этом маяке целой колонией. И они такие агрессивные, когда люди приезжают, птицы там прямо всех готовы разорвать. Мы как раз были в такой период, когда у них птенчики. Было здорово, конечно, наблюдать. Моя Анива теперь, знаешь, ассоциируется с чайками и с тюленями, это, кстати, кольчатая нерпа.

– Сахалин тебе понравился?

– Да, природа очень понравилась. Да и город понравился. И люди понравились. Может быть, через год-другой снова туда съезжу.

– А я ещё хотела про твой дом, малую родину спросить. Не хочешь туда съездить, не хочешь там посмотреть?

– Ой, тут как раз недавно, ехали со знакомыми. У них несчастье такое было полтора года назад. Их девочка у нас в театре раньше занималась, от рака умерла. Мама её, бабушка – они все у нас в театре были. А бабушка этой девочки с Андижана (Узбекистан), представляешь? И долго жили. Потом они жили там в соседнем городке... И они, когда всё это произошло, решили взять тур по Узбекистану и немножко развяться. Присылали фотографии. Они были в Андижане.

И, ты знаешь, с одной стороны, как бы, иногда даже снится, но, с другой стороны, он стал сильно-сильно узбекским. Раньше он всё-таки был такой европеизированный, был советский. Как-то развивался. Строилось очень много современных зданий, разных спортивных сооружений, в него очень много вкладывали. А сейчас, как-то говорят, опять превращается в какой-то кишлачный, что ли, становится постепенно заброшенным.

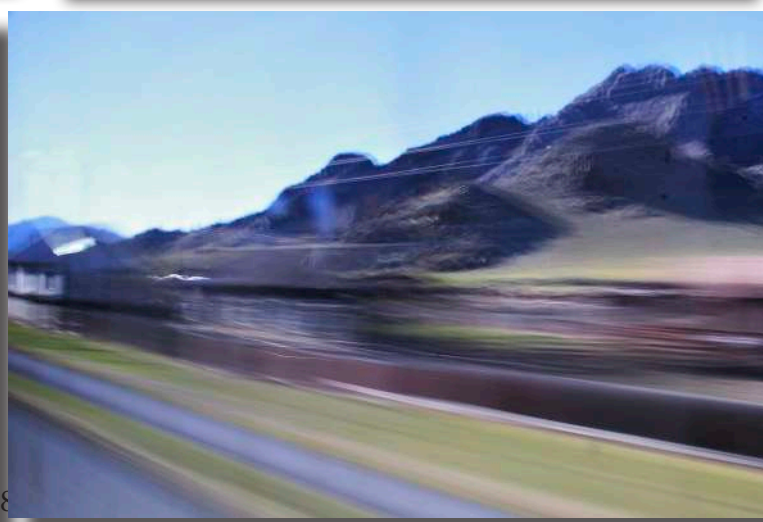
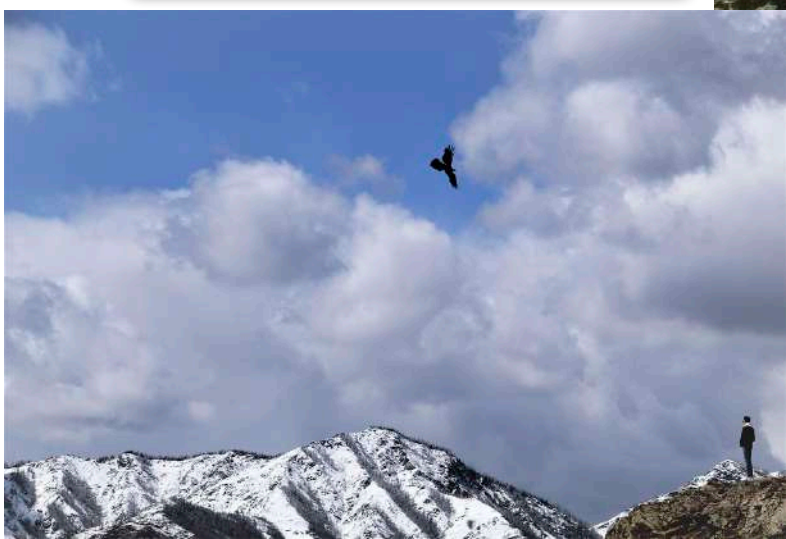
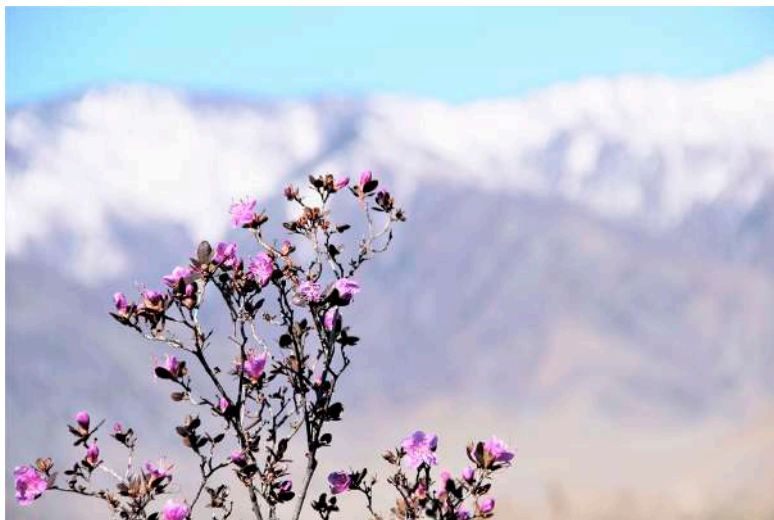
Хотя, да, погода классная, фруктов, как всегда, много, люди приветливые. Но сам город... Поэтому я даже не знаю, хотела бы я или нет там снова побывать. В принципе, в Узбекистан я не столько сама хочу, сколько, наверное, Дашке (дочери Марины) хочется показать.

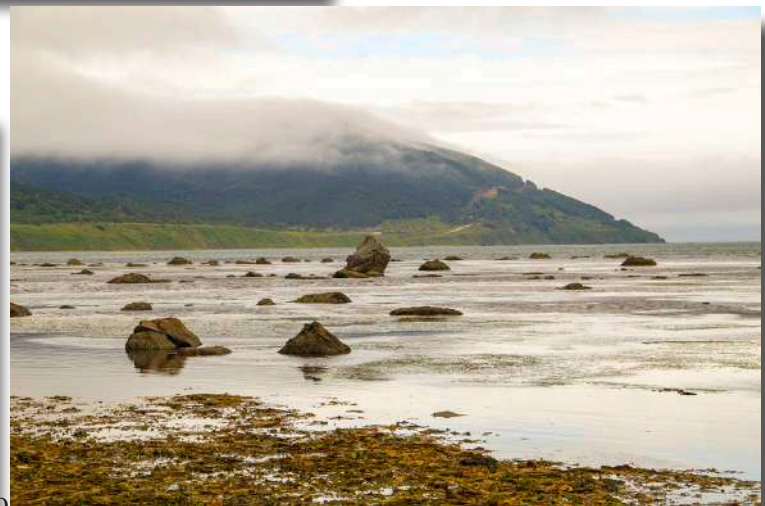
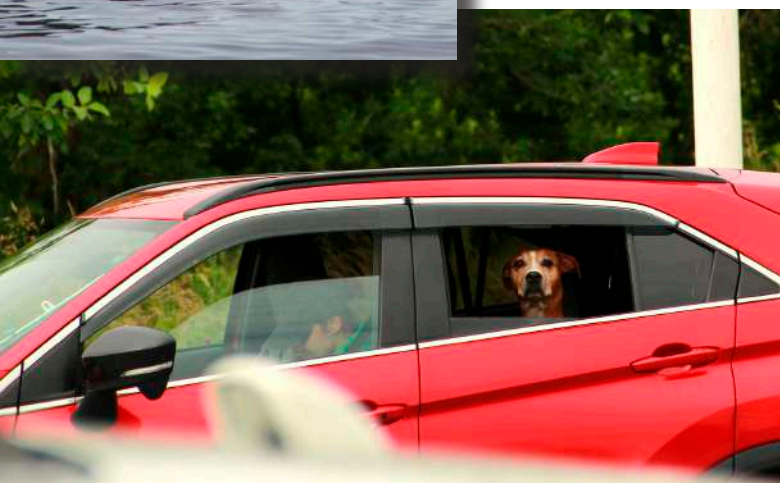
Потому что бабушка ей всё время рассказывала, я рассказывала. И просто хотелось бы ей показать, чтобы она вот эти корни нашего рода какие-то почувствовала. Хотя для нас Узбекистан – этап в нашем роду из-за войны. Принял Узбекистан всех во время войны, слава богу, накормил, а потом мы стали разъезжаться все...

То, о чём мы говорили ещё, скорее касалось наших личных идей и мечтаний. И разговор мог длиться, кажется, бесконечно. И может быть, летом в следующем году наше время поездок совпадёт, и мы сможем вместе повосхищаться и дорогой, и красотами необъятной России. И действительно, чего нам расстраиваться – разделяет нас всего-ничего – каких-то две тысячи километров...

Беседу вела Татьяна Юргенсон

ФОТОРОАЗВОРОТ

Моя Югра – моя судьба

Ежегодно МБОУ ДО «Детская художественная школа» (г. Мегион) приглашает профессиональных художников и самодеятельных мастеров прикладного творчества принять участие в выставке «Моя Югра – моя судьба», посвящённая Дню образования Ханты-Мансийского автономного округа в рамках Года семьи в России и Года народного сплочения в ХМАО-Югре.

В этом году выставка собрала 37 талантливых людей из Мегиона, Нижневартовска, деревни Ваты и посёлка Высокий, которые представили удивительное и многообразное видение окружающего мира Сибири. Среди участников выставки можно встретить как начинающих художников, так и признанных мастеров искусства. Кроме того, выставка способствует

поддержанию культурных традиций и их популяризации среди молодёжи. Работающие в творческой среде художники становятся примерами для подрастающего поколения, вдохновляя его на

занятия изобразитель-
Подобные меропр-
демонстрируют, как
объединять людей, не-
возраста и уровня ху-
подготовки.

Более 50 работ,
различных техниках
реализма до абстрак-
разнообразные пейза-
жанровые сцены, от
и быт народов Ханты
денную суету горожан.
выставки изыскан-
изделиями декоратив-
искусства: керамикой, печатной графикой, гобеленами, батиком и народным костюмом.

ным искусством.
ятия наглядно
искусство может
зависимо от их
дожественной

исполненных в
и стилях – от
ции – включают
жи, портреты и
ражающие жизнь
и Манси, и обы-
Стены и витрины
но украшены
но-прикладного

Данная выставка даёт возможность полюбоваться и поучиться у таких замечательных художников нашего округа, которые состоят в Союзе художников России: таких как Степанова Елена Михайловна, преподаватель мегионской детской художественной школы, Видинеев Владимир Николаевич, доцент кафедры изобразительного искусства в НВГУ города Нижневартовск и Демьяненко Иван Владимирович, преподаватель художественных дисциплин в детской школе искусств города Нижневартовск.

Выставка «Моя Югра – моя судьба» становится не просто выставкой, а настоящим праздником творчества и культурной самобытности нашего региона.

Марина Сбитнева

